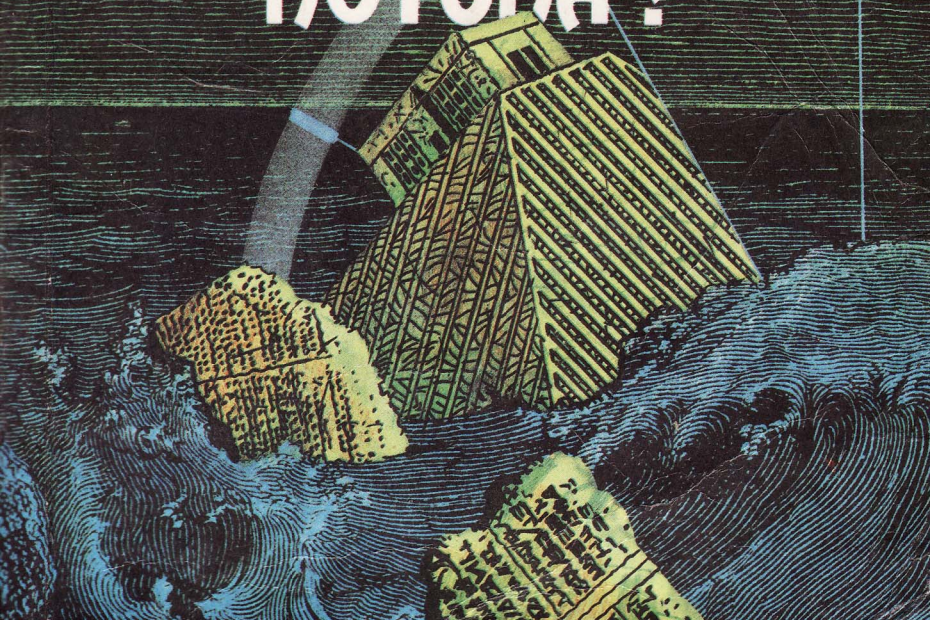
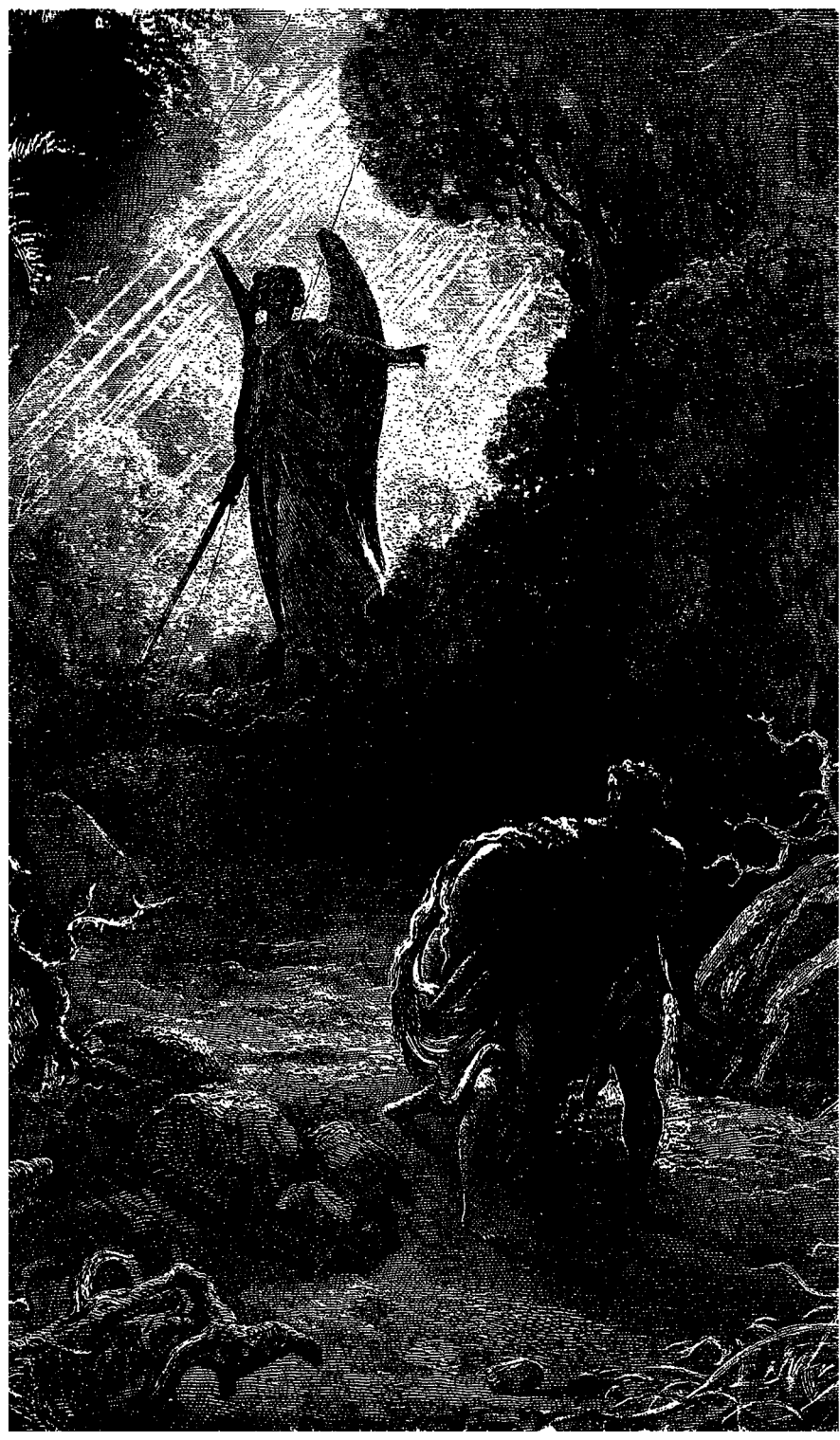

разум
познает
мир

И. Н. Хлопин

А ЧТО БЫЛО ДО ПОТОПА?

ВВЕДЕНИЕ

Начало. Начало всех начал... Это отсюда все пошло. Здесь начиналась письменная история. Здесь родилась мифология. Здесь помещались истоки трех из числа самых могучих религий в истории человечества. Около двух миллиардов христиан, иудеев и мусульман во всех концах света узнают из своих священных книг, что именно это место выбрал их Бог, чтобы даровать жизнь человечеству.

Тур Хейердал

Задача этой книги — попытка привести в соответствие с новейшими данными исторических наук сюжеты некоторых мифов, отраженные в древнейших памятниках ближневосточной письменности, в частности в первых главах книги Бытия.

Многим известны основные библейские сюжеты, к примеру о том, что некогда на земле Богом был создан рай, что там были поселены первые люди — Адам и Ева, что они ослушались запрета Бога и отведали плод дерева познания добра и зла, за что были изгнаны из рая и сами вынуждены были сеять свой хлеб. Это знакомство с библейской мифологией надо объяснять во все не тем, что Библия по-прежнему является основной богослужебной книгой христианской религии. Дело в том, что за последние десятилетия неизмеримо вырос общий культурный уровень народа, возросла его тяга к познанию истории не только своего, но и других народов мира. Это послужило толчком для углубленного знакомства с памятниками искусства прошлых времен, не столько сконцентрированными в различных музейных собраниях страны, сколько воспроизводимыми в книгах, издаваемых большими тиражами.

Большинство произведений искусства европейских народов последних полутора тысяч лет отражает библейские сюжеты, так как именно Библия была в течение всего европейского средневековья единственной об-

щедоступной книгой, которая содержала ответы на все вопросы, возникавшие у людей, — исторические, географические, моральные, правовые и т. д. При безраздельном господстве христианской религиозной идеологии нельзя задним числом требовать от художников и скульпторов, писателей и поэтов, деятелей культуры и искусства того времени отражения в своих произведениях какой-либо другой тематики: она была им попросту незнакома, а если бы и была знакома, то была бы непонятна большинству. Когда исторические лица расходились в мнениях со своей эпохой, таких людей иногда объявляли гениями, а значительно чаще они признавались сумасшедшими и подвергались насмешкам и изгнанию из общества, что обычно приводило к их уничтожению не только моральному, но часто и физическому. Конечно, в период тяжкого режима средневековой инквизиции и церковной цензуры появлялись отдельные люди, творчество и действия которых ставили под сомнение правильность «богоданных» книг, хотя сами они были верующими людьми. Сейчас их имена известны всем: Галилео Галилей, Николай Коперник, Джордано Бруно, Вильям Гарвей, Исаак Ньютон. При чем эти имена знают так же широко, как и имена библейских персонажей: Адама и Евы, Каина и Авеля, Ноя и Моисея. Более того, они пользуются неизмеримо большим уважением человечества, чем любой из героев библейских сказаний.

Вторая половина XVIII века — эпоха французского Просвещения. Просветители, в первую очередь Вольтер и другие энциклопедисты, в своих работах наперебой разоблачали все религии, в том числе и христианскую. Их атака была направлена не столько на Библию, сколько на церковь и господствовавшие в ней порядки. Они показывали, что религиозные учения не соответствовали требованиям разума и здравого смысла. Из их среды выделился Жан Астрюк, лейб-медик французского короля Людовика XV, который по своей должности не мог быть и не был атеистом. Он, собственно, и не входил в число тех, кого причисляют к просветителям, но его сочинение «Предположения о первоначальных источниках, которыми, видимо, пользовался Моисей при составлении книги Бытия», вышедшее в свет анонимно в 1753 году в Брюсселе, положило начало научной критике Библии. Главная особенность его метода состояла в том, что он доказал невозможность авторства Моисея, которому до этого безоговорочно припи-

сывали первые пять книг Библии; они по традиции до сих пор называются Пятикнижием Моисея. Он доказал, что тексты книги Бытия представляют собой во многом механическое смешение нескольких источников, в частности так называемых Яхвиста и Элохиста, разделенных большим промежутком времени. Выделение этих двух источников явилось непреходящей заслугой ученого: вся последующая литература была основана на признании правильности этого принципа.

Конец XIX — начало XX века отмечается колоссальным развитием знаний в области этнографии. Многие ученые-энтузиасты проникали к еще существовавшим в состоянии первобытности народам планеты, жили среди них долгие годы и тщательно изучали все стороны их жизни. Вернувшись в европейские страны, они делали свои многолетние изыскания и наблюдения предметом широкой гласности. Эти ученые-фольклористы не могли не отметить, что в мифологии весьма удаленных от Европы народов содержались сюжеты, напоминавшие европейские и, более того, библейские. Этим воспользовались апологеты и сочли их за доказательство вечности и правильности содержащихся в Библии сюжетов. А некоторые исследователи-этнологи отнеслись к новым и необычным фактам иначе. В первую очередь надо назвать Дж. Фрезера. Он продолжил библейскую критику под иным углом зрения — каждому библейскому сюжету он подобрал соответствие в мифологии того или иного народа первобытности. Это было сделано для того, чтобы показать широкую общечеловеческую распространенность наиболее древних библейских сюжетов и тем самым подчеркнуть, что сама Библия была не божественным откровением, а произведением разума и рук человеческих, скомпонованным из источников разного времени, разного жанра и разной направленности, которые затем были переработаны и приспособлены сначала к иудейской, а затем и к христианской религии. Но надо отдать должное, что содержащиеся в Библии мифы являются древнейшими мифами человечества, сохранившимися до нашего времени, их истоки и уходят в глубины седой древности.

Далее можно назвать имя крупного социолога конца XIX — начала XX века — Поля Лафарга. Он был широко образованным человеком своего времени, прекрасно знал последние достижения этнографии и экзегетики и посвятил несколько работ рассмотрению и объяснению библейских сюжетов, в том числе тех, которые принято

было безоговорочно считать чистыми мифами, то есть появившимися до потопа — «допотопными». Будучи знатоком последних достижений фольклористического направления в этнографии и его сторонником, он предложил рассматривать имена Адама, Сима и даже Элохима как обозначения древних племен. В запрете Адаму пользоваться плодами дерева познания он усмотрел обыкновенное табуирование предмета. Изгнание из рая сопоставил с существовавшей в древнем мире практикой наказаний, когда провинившихся рабов посылали на более тяжелые работы и т. д. В настоящее время эти статьи едва ли представляют какой-либо интерес, кроме библиографического.

Нас привлекают библейские сюжеты в искусстве, с евангельскими высказываниями и притчами мы сталкиваемся в обиходе, и это не может не вызывать естественный интерес и закономерные вопросы, в которых содержится желание узнать первоначальное содержание и значение того или иного мифа, сказания, афоризма или события. Но в предлагаемой читателю книге нет ни пересказа, ни толкования Библии. Автор поставил перед собой иную цель — показать реальные корни некоторых древнейших библейских мифов, ставшие понятными только теперь, на основе современных достижений археологии и истории, и закончить свое повествование рассмотрением того события, с которого обычноистики древнего мира (особенно в XIX веке) начинали всякое историческое повествование — всемирным потопом. Следовательно, основным объектом нашего рассмотрения мы выбрали «допотопные» исторические события и процессы, отраженные в «допотопной» мифологии.

«Древние народы, — как четко сформулировал К. Маркс почти 150 лет назад, — переживали свою предысторию в воображении, в мифологии». Это значит, что народы отражали в своих мифах те события, которые происходили в предисторические времена. Но в современной советской исторической литературе термины «доистория» и «предистория» не употребляются, как якобы не отвечающие материалистическому пониманию исторического процесса, поскольку с самых первых шагов своего зарождения у человека, дескать, может быть только история.

Однако все явления в природе и обществе находятся в причинно-следственной связи. Сущность любого явления не может быть понята, если неясны причины его появления, его развитие и судьба. Думать иначе и до-

пускать отсутствие причинности в истории — значит считать возможным акт творения, что несовместимо с материалистической теорией познания. Истоки того или иного явления — вот его предыстория и доистория. Следовательно, у человеческого общества должна быть предыстория — то состояние, которое нельзя назвать историей, но которое способствовало превращению доистории в историю.

По определению К. Маркса, история человеческого общества начинается с его перехода к производящему хозяйству: «Народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством (народы, ведущие присваивающее хозяйство. — И. Х.), находятся вне того пункта, откуда начинается действительное (то есть историческое. — И. Х.) развитие». Это Маркс сформулировал в работе «К критике политической экономии» еще задолго до того, как стали известны материалы археологических раскопок на Переднем Востоке. Анализируя результаты многочисленных археологических исследований, можно сказать, что доистория человеческого общества охватывала период от выделения человека из животного мира до окончания его морфологических изменений, то есть до завершения формирования человека современного вида. А период предыстории человеческого общества длился весь период верхнего палеолита и мезолита.

Рассматривая «допотопную» мифологию, возникшую, согласно определению К. Маркса, в период человеческой предыстории и отражавшую события этого периода, придется коснуться некоторых важных исторических проблем. Более того, их постановка стала возможной только во второй половине XX века. Это тот комплекс вопросов, который связан с переходом человеческого общества от присваивающей экономики к экономике производящей. Многие исследователи и ранее посвящали свои работы этим вопросам. Однако исходили они тогда из неверных исторических и методических посылок, что, естественно, не способствовало достижению истины.

Исторические и философские проблемы возникновения земледелия и скотоводства, а также способы перехода населения основных стран и земель планеты к производящему хозяйству уже давно интересуют историков, социологов и экономистов. Для объяснения этого решающего в становлении человеческой цивилизации явления предлагались различные гипотезы, многие из которых, соответствуя уровню науки своего времени и

отражая его, перерастали в теории и существовали сравнительно долгое время. Однако на твердый фундамент фактов, на подлинно научную основу изучение проблемы становления производящего хозяйства стало после проведения двух комплексов работ: геоботанических исследований выдающегося советского биолога, академика Николая Ивановича Вавилова и интенсивных археологических раскопок на Переднем Востоке, проведенных в течение последних 60 лет, которые практически заново создали картину зари человеческой истории этого ареала.

Причина перехода людей к производству продуктов питания кроется не только в различных обстоятельствах экономического порядка. Первобытные люди, наблюдая естественные процессы воспроизводства злаков и животных в природе, не стали просто так, искусственно, выращивать злаки и разводить домашних животных. Для перехода на качественно новый путь экономического развития тогда, когда еще никто в мире не подозревал о возможности существования такого пути, нужны были жесткие условия, которые принудили бы людей сойти с устоявшихся тысячелетиями экономических позиций, заставили бы заработать те механизмы, которые были наследственно закодированы в человеческом организме для его самосохранения. Такие условия могли возникнуть, в частности, в том случае, если человек как биологический вид был бы поставлен перед угрозой уничтожения в каком-то определенном районе земли.

Понять и объяснить сложный и противоречивый исторический процесс перехода к производящему хозяйству можно только при помощи материалистического метода познания. Этот метод позволяет выделить основное явление и вскрыть вызвавшие его причины, понять причины и следствия происшедших событий, предложить новое освещение проблемы с максимальным приближением к разрешению сложного комплекса вопросов. Все перечисленное осуществимо только при сочетании фактических данных, добытых археологами, с данными других дисциплин. Таким образом, книга не ограничивается только объяснением древнейших легенд и пересказом существующих на этот счет точек зрения. Автор постарался ознакомить читателя также с тем путем исследования, который может привести к восстановлению некоторых исторических закономерностей развития человеческого общества.

Интерес к древнейшим этапам культурного развития человечества не ослабевает. С тех пор как зародилась идея написать эту книгу и был создан ее первый вариант, вышло много литературы отечественной и переводной, касающейся то одного, то другого из затронутых здесь вопросов. Однако это не означает, что предлагаемая книга запоздала с выходом. Практически все авторы с большой точностью пересказывают шумерские и аккадские мифы для их последующего сопоставления с библейскими сказаниями, что можно будет прочесть и здесь, но этот раздел не является главным. Когда речь идет о всемирном потопе, многие исследователи пытаются представить его действительно мировой катастрофой в современном понимании на фоне других катастроф Земли, а нас интересует только тот, который произошел в Месопотамии.

Главная же цель книги заключается в ознакомлении читателей с характеристикой исторических процессов, которые содержали исходный материал для сложения древнейших мифов человечества, и объяснении их сущности.

Глава I

РАССКАЗЫ МОИСЕЯ

В настоящее время на земном шаре существуют три мировые религии — христианство, ислам (мусульманство) и буддизм. Они называются мировыми потому, что каждая из них объединяет разные по происхождению и антропологическим характеристикам народы, независимо от государственных границ. Каждая из них принята во многих странах, причем практически в любой стране в наше время могут спокойно уживаться приверженцы всех трех основных религий, а также других, менее распространенных. Они возникли давно: христианство насчитывает почти 2000 лет, ислам — почти 1400, а буддизм — около 2500 лет. Но перечень религий будет неполным, если не включить в их число иудаизм и зороастризм. Первая распространена широко, но ее исповедуют люди в основном одной этнической принадлежно-

сти — евреи, которые в силу исторической судьбы оказались рассеянными по земле. Вторую исповедуют только парсы — огнепоклонники, которые оказались узко локализованными: их общины сохранились кое-где в Иране и Северной Индии.

В каждой мировой религии есть священные книги (у христиан и иудеев — Библия, у мусульман — Коран, у зороастрийцев — Авеста), построенные по одной или, вернее, по сходным моделям. Вначале излагается основной вопрос о происхождении мира и всего сущего; затем рассказывается о доисторических временах, о древних царях и героях, которые способствовали становлению определенной религии; после этого излагается история того или иного народа, его законы и мораль — одним словом, все, что касается духовной культуры. И делалось это для того, чтобы подвести к последнему, истинному пророку, который и провозгласил эту религию. Таким пророком в христианстве является Иисус Христос, в исламе — Мухаммед, в зороастризме — Заратустра. Все они в свое время были страстными проповедниками, увлекли впоследствии широкие слои населения, и их проповедями, в которых нельзя было ничего изменить, заканчивались священные книги. Это самые поздние из текстов, включенные в сборники: в христианстве — Евангелие, в зороастризме — Гаты. Только иудеи, не признающие Евангелия и Христа, продолжают верить в своего ветхозаветного бога Яхве.

Книга Бытия является первой из 39 книг Ветхого завета. Ее правильное название по-латыни — «Генезис», то есть «Происхождение». И действительно, она содержит рассказ о сотворении мира и человека, о жизни первых людей в раю, об их грехопадении и изгнании из рая, всемирном потопе, спасении Ноя и ветхозаветных патриархов, поселении евреев в Египте, то есть в нее включены древнейшие сведения, во многом мифологические. Однако именно анализ книги Бытия позволил уже упоминавшемуся нами Ж. Астриюку установить, что она была составлена из разновременных произведений, созданных, естественно, разными авторами. Это стало той основой, на которой уже более двухсот лет зиждется научная библейская критика, или, как принято говорить в отношении объектов археологии, внутренняя критика источника.

В книге Бытия рассказывается о том, как за шесть дней Богом было сотворено все сущее, в том числе и человек, который первоначально был поселен в раю, а за-

тем изгнан оттуда за ослушание. Поскольку мы хотим попытаться отыскать реалистические корни сказаний, вошедших в первые главы книги Бытия, следует пересказать их по возможности ближе к оригиналу.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. Это — первый день творения.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды... И отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И назвал Бог твердь небом. Это — второй день творения.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша... И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями... И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодovitое... Это — третий день творения.

И создал Бог два светила великие: светило большее для управления днем, и светило меньшее для управления ночью, и звезды. И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. Это — четвертый день творения.

И сотворил Бог рыб больших и всяких животных пресмыкающихся, которых произвела вода, и всякую птицу пернатую. Это — пятый день творения.

И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их... И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу. Это — шестой день творения» (Быт. 1:1—31).

Следующая, вторая глава книги Бытия, как бы конкретизирует и дополняет первую главу о сотворении всего сущего. И это дополнение касается уже венца творения, а именно человека. По мнению ряда исследователей этого литературного памятника, здесь можно видеть механическое сопряжение двух источников древности, объединенных в один канон.

«Вот происхождение неба и земли, при сотворении их. В то время, когда Господь Бог создал землю, и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву,

которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю и не было человека для возделания земли; но пар поднимался с земли и орошал все лице земли» (2:4—6). «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдыхнул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке... и взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить. ...И навел Господь Бог на человека крепкий сон и, когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку» (2:7, 15, 21, 22).

В книге Бытия указываются географические ориентиры того места, где находился Эдемский сад, то есть рай: «Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила... Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр. — И. Х.): она протекает перед Ассирией. Четвертая река Евфрат» (2:10—14).

Здесь же содержится и краткая характеристика природы рая, где из земли произрастало «всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» (2:9). Сад Эдемский был первоначально создан Богом для самого себя, и он, по сведениям книги Бытия, жил там и отдыхал в прохладной тени деревьев (3:8). Именно поэтому наряду с прочей растительностью там произрастали дерево жизни и дерево познания добра и зла (2:9). Поселив Адама рядом с собой в указанных местах, Бог разрешил ему питаться любой растительной пищей («от всякого дерева в саду ты будешь есть»), но запретил есть плоды дерева познания добра и зла.

Однако, как рассказывается в Библии, человек ослушался и попробовал запретного плода. Соблазнял его змей при этом или нет, мы знать доподлинно не можем, но после соответствующего словесного внушения люди были раз и навсегда изгнаны из тех мест, где их пища произрастала сама по себе. Назад им хода не было, тяжким трудом они стали обеспечивать себя продуктами питания. Вот как звучит это в книге Бытия: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рождать детей... Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него»,—проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терние и волчцы произрастит она тебе, и будешь питаться полевой травой. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься... И сделал Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их... И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь

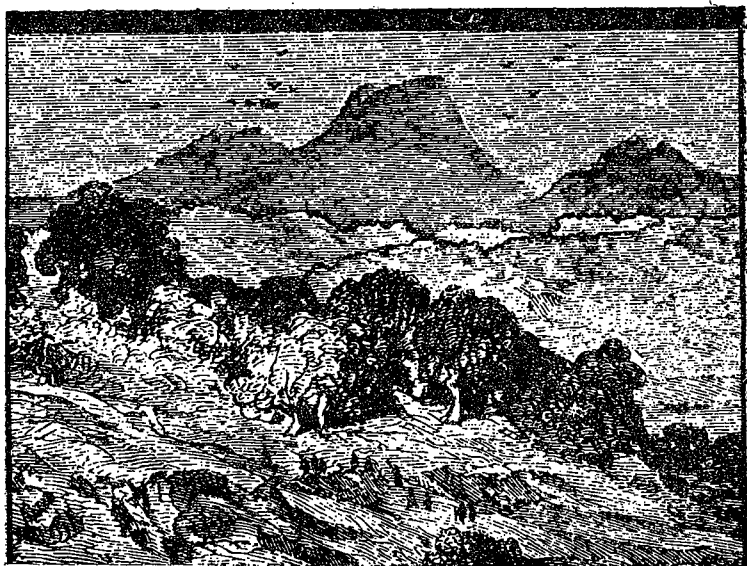
Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (3:16—23).

После изгнания из рая Ева родила от Адама двоих сыновей — старшего Каина и младшего Авеля. Каин возделывал землю, а Абель пас стада животных. Затем, согласно библейской легенде, Каин убил Авеля и был за это проклят и осужден на скитания: «Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (4:12). Каин покинул те места, которые освоили его родители после изгнания из рая, в которых он жил с ними, и отправился на восток от Эдема и поселился в земле Нод. Там он построил город и назвал его по имени своего старшего сына Енохом. Потомки Каина жили, по-видимому, в тех же местах, о каких-либо их передвижениях ничего не говорится в книге Бытия. Многие их поколения не отмечены никакими характеристиками; для нас интересно отметить сущность потомков Каина в шестом поколении (седьмом от Адама): Иавал «был отец живущих в шатрах со стадами», Иувал «был отец всех играющих на гуслях и свирели», Тувалкаин «был ковачом всех орудий из меди и железа» (4:20—22).

После гибели Авеля, не оставившего потомства, у Адама и Евы родился третий сын — Сиф. Сам он ничем не прославился, род его занятий остался неизвестным. Он только оказался родоначальником гипердолгожителей: в десятом поколении от Адама жил праведный Ной с тремя сыновьями — Симом, Иафетом и Хамом.

Далее в книге Бытия (гл. 6—8) излагаются события, связанные со всемирным потопом и со спасением от него лишь семьи Ноя; его сыновья дали начало всем известным в Библии народам. Поскольку сюжет всемирного потопа является одним из известнейших, нет надобности подробно останавливаться на нем, тем более что его рассмотрению посвящены последние главы этой книги. Отметим только, что после потопа людям, которые до него могли питаться лишь растительной пищей, было разрешено употреблять в пищу мясо: «Да страшатся и да трепещут вас (людей. — И. Х.) все звери земные и все птицы небесные, все, что движется по земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они. Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все» (9:2—3).

Глава 2

ЭНКИ В СТРАНЕ ДИЛЬМУН

Сейчас хорошо известно, что ряд библейских мифов восходит к более древним источникам, в частности к шумеро-вавилонским традициям. Наиболее ярким аргументом в пользу этого обычно называют миф о всемирном потопе: все события, изложенные в книге Бытия, имеют почти полностью совпадающий сюжет в вавилонском мифе, который, в свою очередь, восходит к шумерскому первоисточнику. Однако и более ранним сюжетам Библии нашлись параллели в шумерской мифологии, в частности сюжету библейского рая, сотворения человека и другим.

Крупнейшим специалистом в вопросах шумерской мифологии, литературы и культуры считается американский шумеролог С.-Н. Крамер. В нашей стране изучением шумерской мифологии занимается Д. Г. Редер.

«Одним из важнейших результатов археологических исследований в «библейских странах», — пишет С.-Н. Крамер, — были находки, проливающие новый, яркий свет на первоосновы и происхождение самой Библии. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что этот литературный памятник возник вовсе не мгновенно... Он уходит корнями в глубь веков, он впитал в себя соки всех соседних стран. И по форме, и по содержанию книги Библии имеют немалое сходство с литературными произведениями древнейших цивилизаций Ближнего Востока... Разумеется, шумеры не могли оказать прямого влияния на древнееврейскую литературу, потому что сами исчезли задолго до того, как появились евреи. Однако нет никаких сомнений в том, что шумеры многое дали хананеям... а также соседним народам — ассирийцам, вавилонянам, хеттам, хурритам и арамеям».

К шумерским мифам, созвучным библейской традиции, относятся следующие: миф о сотворении мира (космогония), миф о рае в стране Дильмун, миф о Лахаре и Ашнан и миф о сотворении людей, их жизни и назначении. После знакомства с ними мы постараемся проследить истоки библейских мифов и выявить их первоначальное рациональное зерно.

Космогония является слишком сложной системой умозаключений, концепция сотворения еще не может считаться четко и ясно сформулированной в шумерском обществе, как это было с более конкретными вопросами. Проблема происхождения всего сущего была непостижимой для человеческого разума III тысячелетия до н. э. Тем не менее отдельные космогонические представления того времени все же можно выделить из ряда клинописных текстов, хотя, повторяю, это еще нельзя назвать системой взглядов. Вот как на основании этих отрывков можно реконструировать древнейшие шумерские представления о сотворении мира.

Вначале был первозданный океан, существовавший, по-видимому, от века. Этот океан назывался именем богини Намму, так как это была мать, породившая небо и землю. Первоначально небо и земля составляли единое и неразрывное целое, которое представлялось в виде космической горы. На самом же деле эта гора представляла собой бога неба Ана и богиню земли Ки, которые слились между собой в вечном и неразрывном объятии. От этого объятия, которое было по существу непрерывным соитием, начали рождаться дети: сначала бог воздуха Энлиль, затем семь старших богов и бо-

гинь, после этого остальные великие боги числом пятьдесят и, наконец, целая толпа младших богов-духов Ануннаков. Тесно становилось многочисленным и разнообразным детям первой супружеской пары в неразрывных объятиях своих родителей, и вот

Владыка, дабы создать то, что полезно,
Владыка, чьи решения непреложны,
Энлиль, приносящий зерна «полей» с земли,
Решил отделить небеса от земли,
Решил отделить землю от небес.

Медным ножом он провел разрез, и великая мировая гора с треском раскололась. Ан «унес» небо, Энлиль — землю. Плоский диск земли опустился на поверхность Мирового океана, а верхняя часть вознеслась кверху и образовала видимый небесный свод, который, по представлениям шумеров, состоял из олова. По-видимому, первозданный океан был расчленен надвое своеобразной полостью, заполненной воздухом. Он остался за пределами земли внизу и небесного свода вверху, соединяясь все же в единое целое на линии горизонта. В истинности определения местонахождения этих океанских вод мог убедиться любой житель Месопотамии: копая колодец, он натывался на подземную воду, а с неба шел дождь из небесной воды. Реальные и текущие воды на земле были в виде рек, ручьев, морей. Однако неизвестно, считались ли они частями первоначального океана, или им приписывалось вторичное происхождение.

После того как Ан вознесся ввысь и стал небесным куполом, он уже не мог продолжать быть мужем разлученной с ним матери-земли. Его место (как известно, «свято место пусто не бывает») занял старший сын — бог воздуха Энлиль. От вторичного брака началось устройство мира: были созданы растения и животные, сотворен человек. Но в этом принимали посильное участие уже все великие и малые боги — дети первоначальной супружеской пары. Создается впечатление, что работы было столь много, что она, в представлении шумеров, оказалась не по силам одному богу, — скорее всего, человеческое общество не дошло еще до понятия монотеизма и демиурга-творца, а первобытный политеизм, уходящий всеми своими корнями в седую древность, был им более близок и понятен.

Содержание мифа о стране Дильмун, райском саде для богов, а не для людей, таково: в стране Дильмун — чистой, непорочной, светлой «стране живых» — не было

ни болезней, ни смерти, не было также пресной воды для жизни растений и животных. И решил премудрый бог Энки — великий шумерский бог воды — оживить белые скалы и песчаные холмы и превратить их в цветущий сад. Он приказал богу солнца Уту извлечь из земных недр свежие прохладные воды. Уту не посмел ослушаться премудрого Энки и пронзил своими лучами грудь матери-земли Нинхурсаг, как охотник пронзает своими стрелами вымя дикой коровы. И раскололись могучие скалы, и расступились песчаные дюны, и хлынули струи свежей воды из трещин; так была орошена страна Дильмун, которая превратилась в божественный сад, где зеленые поля перемежались с цветущими лугами. И создал Энки бесчисленных животных, которыми населил степи и леса, и множество птиц, которые прятались в скалах и ветвях деревьев.

В этой прекрасной стране царили мир и тишина:

В Дильмуне ворон не каркает,
Птица «иттидду» не кричит,
Лев не убивает,
Волк не хватает ягненка,
Дикая собака, пожирательница козлят, здесь не живет.

Нет таких, которые бы говорили: «У меня болят глаза»,
Нет таких, которые бы говорили: «У меня болит голова»,
Нет старухи, которая бы говорила: «Я стара»,
Нет старика, который бы говорил: «Я стар»,

Ни один обитатель страны Дильмун не пересекал реки, обтекающей подземный мир. Ни один жрец не ходил вокруг покойника, оплакивая его; ни один певец не возглашал жалобных песен по умершим у стен города, населенного племенем бессмертных. Бог Энки радостно наблюдал счастливую жизнь своих подданных.

Следующий отрывок из шумерских мифов посвящен безболезненности родов у богинь, которые населяли страну Дильмун:

Богиня Нинму вышла на берег реки,
Энки среди болот смотрит вокруг, смотрит вокруг.
Он говорит своему посланцу Исимуду:
«Я ли не поцелую юную красавицу?
Я ли не поцелую прекрасную Нинму?»

Исимуд, его посланец, отвечает:
«Что же, поцелуй юную красавицу,
Поцелуй прекрасную Нинму!
Для моего царя я подниму сильный ветер».

Энки входит в лодку один,
Во второй раз он входит...

Он обнимает ее [Нинму], он ее целует,
Он извергает семя в ее лоно.

Она принимает в свое лоно семя, семя Энки,
Один день для нее — один месяц,
Два дня для нее — два месяца,
Девять дней для нее — девять месяцев, девять месяцев
«материнства».

Нинму, как по маслу, как по маслу, как по лучшему
превосходному маслу

Родила богиню Нинхурра.

Однако не все было спокойно в вечном саду бессмертных в стране Дильмун. Великая богиня-мать Нинхурсаг родила, не испытав родовых мук, восемь красавиц дочерей, которые превратились в восемь растений с красивыми цветами и чудесными крупными плодами, налитыми сладким соком. И вот мудрейший из богов, брат великого Энлиля, Энки, захотел отведать выращенных Нинхурсаг растений, «определить судьбы всех растений», познать их «сердце». Верный Исимуд, наперсник всех шалостей великого бога, выполняет его желание и подает тому одно за другим все растения, вырывая их из земли и называя имя каждого из них. Так Энки наслаждался растениями, рожденными и выращенными богиней-матерью Нинхурсаг.

За это Нинхурсаг прокляла имя Энки:

Пока он не умрет, я не взгляну на него глазами жизни!

Нинхурсаг исчезла, а Энки тяжело заболел. Никто из богов не мог ему помочь, и все горевали, глядя на поверженного Энки. Лишь наставшая проклятие Нинхурсаг могла его вылечить, но она спряталась, и никто не знал, где она находится. Но вот появилась лиса и, проникнув в расселины земли, среди бесчисленных нор и переходов отыскала Нинхурсаг, уговорила ее вернуться в страну Дильмун и помочь умирающему мудрейшему Энки. Вернулась богиня-мать, присела у тела неподвижного Энки и стала лечить его. Она спрашивала у бога, что у него болит, и, узнав это, тут же создавала богиню, призванную исцелить пораженную часть тела великого бога. Восемь растений съел сластолюбивый бог, восемь частей его тела было за это поражено, восемь раз спрашивала Нинхурсаг и соответственно создала восемь богинь. Вот отрывок из этого мифа, где сказано лишь о двух богинях. Мы приводим его для последующего сравнения с библейским вариантом

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Моя рука болит».

«Для тебя родила я богиню Азимуа».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Мое ребро болит».

«Для тебя родила я богиню Нинти».

Поправился мудрый Энки, снова воцарилось спокойствие в стране Дильмун — рае для бессмертных богов, а не для смертных людей.

Вслед за С.-Н. Крамером последующий миф о стране Дильмун можно условно назвать «Скот и зерно». Он заключается в следующем.

Жизнь бессмертных богов на земле была сначала скудной и бедной. Землю, которая благодаря заботам мудрого Энки была орошена и вследствие этого породила растения и деревья, населяли боги. Она еще была пуста, и не было на ней животных; не было еще людей, которые трудились бы на земле и производили еду и питье для великих богов.

...еще не было овец, не рождались еще ягнята,
Не было еще коз, не рождались еще козлята,

...тридцатидневного зерна «шеш» еще не было,
Сорокадневного зерна «шеш» еще не было,
Мелких зерен, горных зерен, зерен благородных,
...живых созданий еще не было.

...подобно роду человеческому в день его сотворения
Они [Ануннаки] не вкушали хлеба,
Не прикрывались одеждой,
Жевали растения, как овцы,
И пили воду из канав.

И вот задумали боги улучшить свою жизнь на земле. Семь величайших богов, решающих судьбы бытия, и пятьдесят богов и богинь, подающих советы, собрались в «зале созидания», в их доме Дуку, и создали божественного юношу Лахара¹, кроткого пастыря, и его сестру, прилежную и заботливую богиню зерна Ашнан. Казалось бы, теперь боги получили все, что хотели. Но...

То, что давали Лахар и Ашнан,
Ануннаки из дома Дуку съедали, но не утоляли голода.
В своих превосходных овчарнях молоко «шум»
Ануннаки из дома Дуку выпивали, но не утоляли жажды.
И вот, чтобы следить за их превосходными овчарнями,
Человек получил дыхание жизни.

¹ По мнению некоторых ученых, Лахар и Ашнан — две сестры (См.: Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979, с. 74),

Лахар и Ашнан спустились с неба и дали на землю дары цивилизации:

По священному повелению Энки и Энлиля

Лахар и Ашнан спустились из Дуку.

Для Лахара они [Энки и Энлиль] устроили овчарню,

Подарили ему растений и трав в изобилии.

Для Ашнан они построили дом,

Подарили ей плуг и ярмо.

Лахар в своей овчарне —

Это пастух, пекущийся об изобилии...

Ашнан среди своих посевов —

Это дева приветливая и щедрая.

Лахар стал разводить стада овец и коз и пас их на безграничных лугах земли. Ашнан провела на полях первые борозды мотыгой, созданием мудрого Энки, и засеяла их зернами ячменя и пшеницы (полбы). Вскоре поднялись и зашелестели колосья. А когда они созрели, Ашнан растерла зерна на плоском камне и испекла первые хлебы — возрадовались тогда боги. Она выжала сок из зерен сезама, из плодов финиковой пальмы и из винограда, она приготовила для богов три сорта хмельного напитка — вновь возрадовались боги и восхвалили мудрого Энки. Лахар тоже не сидел без дела: он устраивал загоны для коз и овец, надаивал полные ведра молока и стриг густую овечью шерсть. В помощь ему мудрый Энки послал трудолюбивую богиню Утту, которую научил ткать теплые одежды, и она должна была передавать свои знания другим.

Первоначально брат и сестра очень дружили, но вот появилась между ними вражда. Они стали завидовать друг другу и спорить о том, кто из них важнее, кто на первом месте по производимой ими продукции. Выпитое в споре вино лишь разогревало страсти. Лахар говорил: «Без меня великие боги и Ануннаки (духи земли более низкого ранга. — И. Х.) не имели бы вкусного молока и теплых одежд; они прозябали бы в голоде и холоде». Ашнан ему справедливо возражала на это: «А что делали бы боги и Ануннаки без хлеба и вина?» Для разрешения спора собрался совет великих богов и выслушал брата и сестру. Затем он вынес решение: «Только хлебом можно насытиться, ибо он укрепляет тело, а вино веселит душу. Хлеб и вино важнее для жизни, чем молоко и шерсть. Ашнан, питающая богов и богинь, должна занимать первое место, и брат ее Лахар не смеет равняться с нею, а должен чтить ее и признавать ее старшинство». Так спор был решен в пользу Ашнан, то есть зерна и земледелия.

1

2

3

Оттиски месопотамских печатей с хозяйственными сюжетами

Миф о сотворении человека является в какой-то степени продолжением и дальнейшей разработкой предыдущего. Как уже известно, Ануннаки поедали все то, что им непрерывно готовили трудолюбивая дева Ашнан и кроткий пастырь Лахар. Однако, когда они ели

хлеб — они не насыщались, когда они пили сливки — продолжали чувствовать голод, когда они пили вино — их продолжала терзать жажда. Измученные боги и богини обратились за помощью к премудрому Энки и попросили его создать помощников заботливой Ашнан и доброму Лахару, которые без усталости поставляли бы пропитание бессмертным. Не слышал мудрый Энки, покоящийся в глубине своей бездны, стонаний богов, не хотел откликнуться на их просьбы. Тогда сама прама-терь всего сущего Намму обратилась к нему:

О мой сын, встань со своего ложа... сотвори то, что мудро,
Сотвори слуг для богов, дабы они производили себе
подобных.

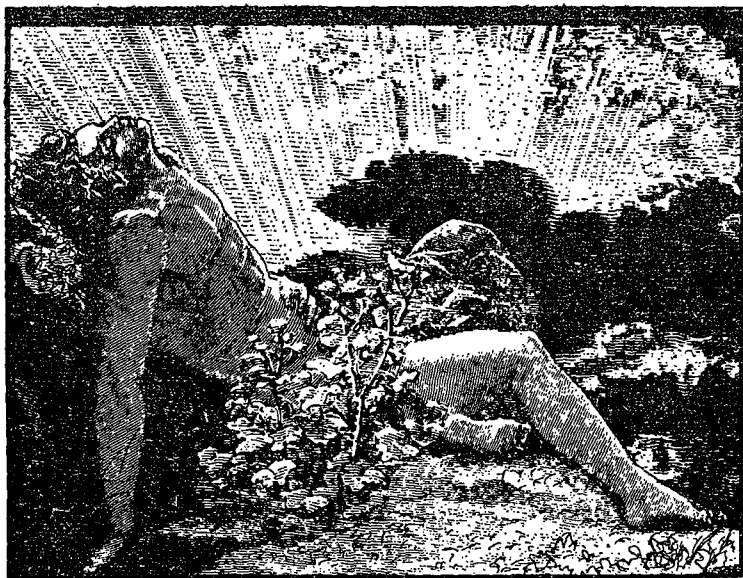
Не посмел великий бог мудрости послушаться своей матери. Вышел он из бездны вместе с богиней земных недр Нинмах. Следом за ними двинулась толпа добрых и искусных горшечников с комьями мягкой глины. И мудрый Энки так отвечал матери:

О моя мать, существо, имя коего ты назвала, уже есть, —
Запечатлей в нем образ богов!
Замеси сердце глины, что над бездной,
Превосходные и царственные мастера сделают глину густой.
Ты же дай рождение конечностям,
Нинмах [мать-земля] потрудится перед тобой,
Богини [рождения] будут стоять подле тебя, пока ты
лепишь.

О моя мать, определи судьбу его!
Нинмах запечатлит в нем образ богов.
Это — человек...

В честь предстоящего акта творения устроил Энки праздничный пир, на который собрались много богов и богинь. Сам Энки и божественная мать Нинмах выпили лишнего вина и нетвердыми руками стали мять глину. Их руки произвели уродов: была сотворена бесплодная женщина, был сотворен бесполой человек. Но в конце концов они справились со своей задачей — мудрый Энки вылепил сильных и разумных мужчин и женщин, во всем подобных богам. Только бессмертие не стало их уделом. Созданные богами люди должны были безропотно и смиренно служить великим и малым богам и, главное, помогать божественной деве Ашнан и ее брату Лахару доставлять пищу и питье богам в храмы.

Глава 3

ПРЕДТЕЧА БИБЛЕЙСКИХ СКАЗАНИЙ

Многие ученые проводили и проводят исторические и сюжетные сравнения шумерских мифов с библейскими легендами. Мы в основном опираемся на работы С.-Н. Крамера. Сюжет о сотворении мира из первой главы книги Бытия, казалось бы, не находит полного соответствия в шумерской мифологии. Это вполне понятно, так как перед нами памятники разного уровня мифотворчества. Там, где у шумеров налицо первобытная персонификация земли, неба, воздуха и остальной природы, в Библии земля, небо и вся природа представлены уже в виде самостоятельных существ. Однако кое-какие совпадения все же можно отметить. Так, первобытный океан шумерского мифа созвучен беспредельной водной глади, над которой посился Дух Божий; создание неба во второй день творения для от-

деления небесных вод от вод земных, вод верхних от вод нижних вполне соответствует отделению неба Ана от земли Ки и созданию тем самым преграды между верхними водами и землей. Указанные совпадения могут свидетельствовать об общих генетических корнях шумерской и библейской мифологии.

Есть все основания полагать, считает С.-Н. Крамер, что сама идея рая, сада богов, зародилась в Шумере. Согласно мифам, шумерский рай был расположен в стране Дильмун, скорее всего в юго-западной части современного Ирана. В этой же стране Дильмун помещали свою «страну живых» вавилоняне — семитический народ, сменивший шумеров на исторической арене. По Библии же, как мы видели, рай располагается на востоке (от Палестины), в стране Эдем, там, где протекают четыре крупнейшие реки Переднего Востока, в том числе Тигр и Евфрат. По всей вероятности, и Дильмун шумерских мифов, и Эдем библейских легенд надо помещать в одном и том же месте Переднего Востока и, более того, очевидно, можно считать, что это была одна и та же страна.

По шумерской литературной традиции, страна Дильмун была населена только богами (шумерский политеизм). В течение тысячелетий представление о рае в пределах все той же территории Переднего Востока изменялось по мере того, как люди все дальше отходили от первозданных времен. Уже по Библии, там наряду с богом (следствие иудейского монотеизма) на короткое время были поселены люди, впрочем «до первого предупреждения». Присутствие в библейском рае Бога следует из тех строф книги Бытия (3:8), где говорится о том, что Бог гулял по раю во время дневной прохлады. А люди... люди праведные возвращаются в рай после смерти, собственно не люди, а бессмертные души праведников, где и пребывают до дня Страшного суда в довольстве, спокойствии и благодати.

Сравнения еще некоторых отрывков Библии и шумерских мифов подтверждают заимствования Библии из них, разумеется в опосредованной форме. Отрывок, в котором шумерский бог солнца Уту орошает страну Дильмун водой, очень напоминает слова Библии: «Но пар поднимался с земли и орошал всю поверхность земли» (Быт. 2:6). Далее, приведенный выше отрывок шумерской поэмы о том, что в стране Дильмун богини рожали безболезненно, полностью объясняет смысл проклятия Евы, обреченной в муках рожать детей своих,

ведь если до Евы никто не рожал, не было смысла ее и проклинать. А поскольку в Библии акт сотворения человека, как, впрочем, и всего сущего, приписывается одному-единственному богу-творцу, демиургу, то естественно полагать, что весь предшествующий политеизм, существование которого бесспорно, исчез при составлении библейского канона, при переработке старого мифологического наследства в новую патриархальную монотеистическую религиозную систему.

В следующем шумерском мифе о божественной деве Ашнан и кротком пастыре Лахаре мы также можем обнаружить ту первооснову, которая в переработанном виде зафиксирована в Библии. Деве Ашнан, которая снабжала богов хлебом и вином (плодами земли) и была на совете великих богов признана старшей и главной, соответствует сын Адама Каин: он, как мы знаем, земледелец и старший по рождению. Кроткому Лахару соответствует не менее кроткий Авель — пастух. Спор Каина и Авеля, который для последнего закончился трагически, был начат задолго до них между подвыпившими Лахаром и Ашнан — там он завершился мирным разбирательством без кровопролития. Характерна единокровность обеих пар спорящих. То, что в библейском варианте легенды фигурируют братья, следует объяснять тем, что этот сюжет был создан при развитом патриархальном обществе.

Третий параллельный сюжет в шумерской мифологии и Библии — сотворение человека. В обоих источниках человек был сотворен из одного и того же материала — глины, в обоих источниках человек одушевляется божественным образом с незначительными, правда, внешними отличиями. Но наиболее интересным результатом сравнительного анализа шумерских мифов и Библии является объяснение загадочной истории сотворения Евы, «матери всех живущих», из ребра Адама. К этому выводу пришли независимо друг от друга два крупных востоковеда — П.-В. Шейль во Франции и С.-Н. Крамер в Соединенных Штатах Америки, что позволяет говорить об объективности и достоверности их оценок.

Итак, почему Ева была сотворена из ребра? Почему авторы ветхозаветных книг именно ребро предпочли другим частям тела, когда речь шла о создании Евы, чье имя, согласно библейской традиции, означает «та, кто дает жизнь»? Предоставим слово С.-Н. Крамеру.

Сотворение Евы из ребра Адама, пишет он в книге

«История начинается в Шумере», можно объяснить тем, что в основе библейской легенды о рае лежит литературная традиция шумерской поэмы о стране Дильмун. На шумерском языке ребро обозначается словом «ти». Богиня, созданная для того, чтобы исцелить боль в ребре Энки, носила имя Нин-ти, что переводится как «госпожа ребра». Но самое интересное, что шумерское слово «ти» означает также «давать жизнь». Так благодаря игре слов Нин-ти — «госпожа ребра» — превратилась в «госпожу, дающую жизнь». Это была одна из первых литературных ошибок, которая укоренилась на века благодаря библейской легенде о рае, хотя здесь, в Библии, уже никакой игры слов нет, поскольку на древнееврейском языке слова «ребро» и «дающая жизнь» звучат совершенно по-разному.

Таким образом, при сравнении шумерских мифов с книгой Бытия прослеживаются параллели в этих важнейших памятниках человеческой духовной культуры, что может быть объяснено их генетическим родством.

В современной библеистике считается установленным, что в библейский канон вошли сочинения двух типов. Во-первых, как было показано выше, канонические книги целиком основаны на более древних источниках, восходящих через вавилонян и ассирийцев к творчеству первого и древнейшего цивилизованного и организованного человеческого общества — к шумерам. Людям, жившим в условиях развитого классового общества, ряд прежних положений, относящихся к первобытной эпохе, как отражение реальной жизни людей того времени, был уже совершенно непонятен. Поэтому при составлении библейского канона эти источники подверглись переработке и тем самым были приспособлены для объяснения всего происшедшего в прежние времена.

Во-вторых, в канон оказались включенными те сюжеты, которые не были известны прежней литературной традиции для объяснения какого-либо явления, современного составлению канона. В частности, такими сюжетами считаются те, которые не имеют в настоящее время отчетливых прототипов в более ранних литературных произведениях народов Переднего Востока.

При всякого рода исследованиях, особенно Библии, следует скрупулезно придерживаться фактов. Однако представляется вполне логичным выдвинуть ряд гипотез, которые, в свою очередь, целиком исходят из реальных, уже достигнутых результатов в сравнительном

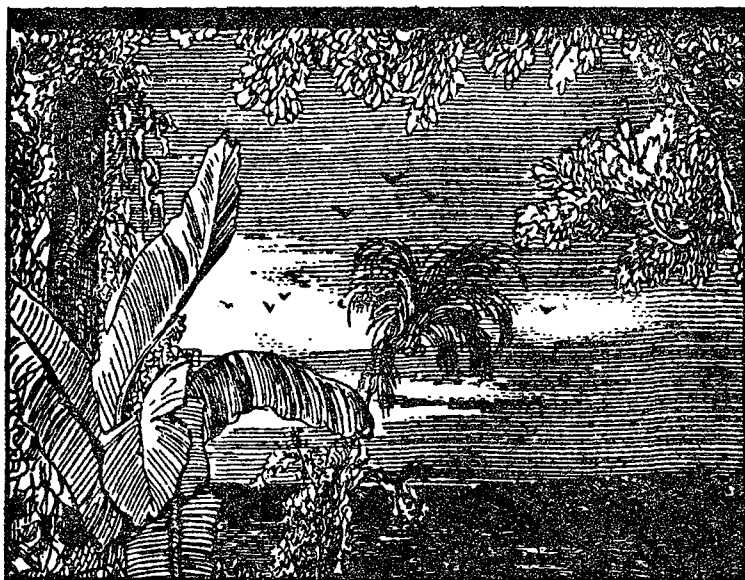
изучении Библии и всего комплекса предшествовавших ей мифов народов Переднего Востока. Прежде всего, вполне можно считать, что если еще неизвестен прототип того или иного сюжета книги Бытия, то это вовсе не означает, что в действительности его не существовало. Вполне возможно, что он еще не открыт. Необходимо исходить из реальной возможности сочинения того или иного сюжета более позднего времени при данном уровне социального развития общества. В итоге представляется, что есть полное основание для заключения о том, что все первые главы книги Бытия зиждутся на фундаменте шумеро-вавилонско-хурритской мифологии. Нет надобности подвергать то или иное положение книги Бытия скептическому сомнению только потому, что ему до сих пор не найдено точного соответствия в предшествующей литературе. Надо учитывать тот факт, что при переработке древней мифологии в канон многие мифы могли быть переосмыслены и подчас переделаны до неузнаваемости. Тогда представляется возможным на основе шумерских текстов и книги Бытия воссоздать первоначальную реальную основу древнейшего мифа и изложить ее современным языком, с современными понятиями.

Итак, на Переднем Востоке, скорее всего в гористых областях Северной Месопотамии и Западного Ирана (Загросские горы), в тех местах, где протекали великие реки, в частности Тигр и Евфрат, находились довольно обширные земли, на которых произрастали в значительном количестве различные съедобные растения. Росли они, естественно, сами по себе и давали людям пищу, которую не надо было производить, а достаточно только собирать и есть. Живя в этих местах, люди питались дарами земли. В конце концов к ним пришло самоосознание — они увидели самих себя, чем окончательно выделились из окружающего их мира, завершив процесс, который начался еще в верхнем палеолите. Этим актом они прочно противопоставили себя окружающей их природе. После этого произошло непостижимое для их сознания явление, но вполне осязаемое и реальное: люди, жившие первоначально «на всем готовом», почему-то покинули места своего прежнего проживания, где пища произрастала сама собой. Они спустились с гор на равнины Месопотамии и стали сами обрабатывать землю, сами сеять зерно и собирать урожай — стали «есть хлеб свой в поте лица своего». Однако память о прежнем образе жизни отложилась в их сознании в виде мифа

о рае, откуда они были изгнаны божественной силой и куда больше нет возврата.

Спустившись на равнину, люди начали вести производящее хозяйство, в котором сочетались земледелие и скотоводство. Первоначально человек питался преимущественно растительной пищей и тем, что ему давало разведение домашнего скота, — молоком и молочными продуктами. Забой скота на мясо представляется сравнительно поздним явлением. Надо полагать, что мясную пищу доставляла охота, а в исключительных случаях и домашний скот в виде жертвы богам. С течением времени земледелие и скотоводство начинают отделяться и противопоставляться одно другому. Если первоначально это выглядит в форме соперничества, то по прошествии какого-то времени разделение происходит окончательно и закрепляется в сознании людей.

Глава 4

НА ТЕРРИТОРИИ ЭДЕМА

Еще век тому назад исследователь-историк никак не мог установить правильность или ошибочность своих теоретических построений о древнейших этапах истории человечества. Теперь положение коренным образом изменилось: археологи добыли из недр земли настолько богатый и разнообразный материал, что он превратился в объективный критерий осмысления древнейших этапов истории человеческого общества, а также приобрел самостоятельное значение надежного исторического источника. Нами будут рассмотрены археологические данные применительно к воссозданию первых страниц истории человеческого общества на Переднем Востоке.

В течение последних пятидесяти лет интенсивные археологические исследования ученых разных стран на территории Переднего Востока привели к повсеместно-

му открытию древнейших памятников, которые принято относить к периоду неолита, к той поре, когда человек от присваивающего хозяйства охотников и собирателей перешел к первым шагам производства продуктов питания. К ним следует относить ранние оседло-земледельческие поселения Северной Месопотамии, среднего течения Тигра и Евфрата, то есть район Багдада, Иранского нагорья и, наконец, Южного Туркменистана.

Зоны, в которых были найдены эти памятники, объединяются сходными географическими условиями: они расположены на окраинах крупных горных систем, образованных Эльбурсом, Загросскими и Туркмено-Хорасанскими горами, ближе к долинам и равнинам. Возможно, нынешняя картина размещения этих памятников объясняется сравнительно малой изученностью Передневозосточного горного района. Следует также отметить, что поселения древней неолитической оседло-земледельческой культуры были обнаружены в Малой Азии, Сирии и Палестине и относятся они тоже к очень раннему времени, однако принадлежат к несколько иной, если можно так выразиться, соседней культурной области, тяготеющей к Средиземному морю. Несмотря на общие черты, отмеченные рядом авторов, эти памятники образуют особый культурный район и здесь рассматриваться не будут. Кроме того, в общем объеме они изучены хуже передневозосточных, хотя и в этой культурно-исторической области за последние десятилетия были открыты уникальные памятники, такие, как Иерихон, Хаджилар и Чатал-Гуюк, каждый из которых заслуживает отдельной монографии. Все это позволяет в дальнейшем повествовании ограничиться указанными районами Месопотамии, тем более что именно они, как мы постараемся показать дальше, могут быть наилучшим образом увязаны с шумерской мифологией и библейской традицией.

Неолит Ассирии

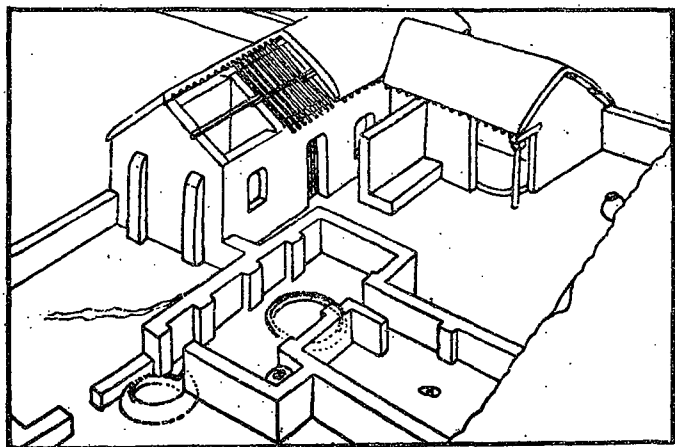
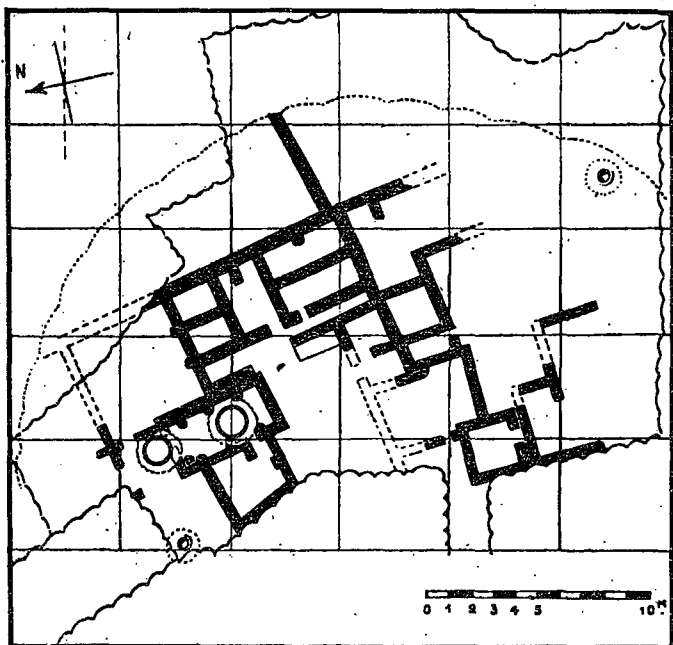
Ассирией мы условно называем территорию Северной Месопотамии, где во II тысячелетии до н. э. сложилось и располагалось это могущественное государство Древнего Востока. Еще в довоенные годы английский археолог М. Мэллоун, раскапывавший «Логово львов» — Ниневию, в глубоком шурфе под храмом богини Иштар, на глубине 27 метров, нашел слои с настолько архаичной керамикой, которую в то время трудно было вме-

стить в какие-то хронологические рамки. Стало ясно, что на этом месте существовало древнее поселение людей, уже перешедших к производству пищи.

В послевоенные годы американский археолог Роберт Брейдвуд обнаружил в горах Иракского Курдистана поселение Джармо, которое долгие годы было эталонным (и эпонимным) памятником культуры наиболее ранних земледельцев Северной Месопотамии. Оно было отнесено к VII тысячелетию до н. э. Вслед за ним были открыты другие памятники этой культуры и близкие к ней (Кани-Сур, Хора-Намык, Кара-Чивар, Телль Шимшара) и другие, расположенные в треугольнике, вершинами которого являются города Северного Ирака — Киркук, Сулеймания и Эрбиль. Однако исследования последних десятилетий показали, что памятники этого типа расположены по всем предгорьям Загроса вплоть до широты Багдада и даже переходят на правобережье Тигра, на плато Эль-Джази, что способствовало появлению у некоторых ученых мнения, что все эти памятники можно объединить в загросскую культурную общность.

В 1943 году на холме Хассуна, в двух десятках километров южнее Мосула, была обнаружена россыпь керамических обломков с тонкой резьбой, аналогичных тем, что были извлечены из глубокого шурфа в Ниневии. К раскопкам холма приступили английский археолог Сетон Ллойд и иракский археолог Фуад Сафар, а добытые ими материалы стали настоящей сенсацией. В то время это было самым ранним поселением в мире, жители которого стали заниматься земледелием и скотоводством и перешли к оседлости, забыв бродячий образ жизни. Анализ добытого материала не показал его непосредственной связи с памятниками типа Джармо, что способствовало появлению точки зрения о том, что жители Хассуны (и других поселений той же культуры) не являются исконным населением, а освоили эти места заново, придя, скорее всего, с запада.

Такая ситуация в археологическом изучении Северной Месопотамии удерживалась практически без изменений до 70-х годов нашего столетия. С 1969 по 1976 год в Северной Месопотамии вела раскопки Советская археологическая экспедиция в Ираке под руководством Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта. Объектом ее исследования были выбраны руины древних поселений, скрытые в оплывших холмах Синджарской долины, к югу от Синджарских гор. За семь сезонов были сделаны поистине выдающиеся открытия, которые позволили систе-

План поселения Хассуна и реконструкция его части
Ф. Сафара

матизировать все материалы предыдущих исследований. Это раскопки Телль Магзалия — докерамического поселения VIII—VII тысячелетий до н. э., синхронного уже известному поселению Джармо. Затем следует отметить раскопки поселения Телль Сотто, которое стало связующим звеном между культурами Джармо и Хассуна и полностью подтвердило тезис о том, что в столь раннее время не наблюдалось прихода в Северную Месопотамию инокультурного населения. Раскопки основных объектов экспедиции — поселений Ярым-тепе I и II — позволили значительно расширить и углубить знания о ранних периодах производящего хозяйства, представленного хассунской и халафской культурами. Одним словом, главным результатом работ Советской археологической экспедиции в Ираке было установление непрерывной эволюции древнеземледельческой культуры Северной Месопотамии в VIII—VI тысячелетиях до н. э., с самых первых шагов становления производящего хозяйства до развитой энеолитической экономики. Благодаря этим работам проблема «неолитической революции» на Переднем Востоке может на какое-то время считаться исчерпанной, во всяком случае, до обнаружения принципиально новых памятников того времени, которые позволят заново рассмотреть тот или иной аспект проблемы.

Холм Телль Магзалия с остатками поселения находится на южных склонах Синджарских гор, среди многочисленных естественных холмов. Мощность культурных напластований превышает здесь восемь метров, что говорит о длительном проживании людей на одном месте. На всю толщину культурного слоя прослеживаются стационарные жилища с глиняными стенами на каменном основании. Таким же образом современные жители Средней Азии возводят заборы: на определенный уровень накладывают слой глины, его подравнивают и дают подсохнуть, затем операция повторяется многократно. Жилищ, при возведении которых часто использовали старые стены в качестве фундаментов, по вертикали насчитывается пятнадцать. Если применить расчеты, принятые для южнотуркменистанских первобытных поселений VI—III тысячелетий до н. э., это позволит говорить о том, что жизнь на данном месте длилась без перерывов не менее 500—600 лет. Население поселка заботилось о комфорте и чистоте. Полы прямоугольных жилищ были выложены каменными плитами, промазанными глиной, поверх них наносился гипсовый слой

со следами многих подмазков. Некоторые стены сохранили остатки глиняной штукатурки. Раскопки не дают возможности судить ни о принципах планировки поселка в целом, ни даже о планировке отдельных жилищ. Однако в самых нижних слоях обнаруживались как специальные очаги-печи, так и зернохранилища в виде толстостенных глиняных бочек из необожженной глины с отверстием в дне для высыпания зерна.

Поселение Телль Магзалия относится к эпохе так называемого докерамического неолита, то есть сосудов из обожженной глины тогда еще не изобрели. Разумеется, существовали какие-то вместилища из органических материалов и некоторые свойства глины уже были известны. Однако возможность удаления из глины молекулярной воды при ее нагревании до высокой температуры еще не была выявлена. В связи с этим основные находки состояли из кремневых и обсидиановых орудий, а также предметов и посуды из камня других пород. Среди инструментов найдены скребки, резцы, провертки, наконечники стрел и жатвенные ножи. Две последние разновидности служили для добывания пищи, остальные — для последующей обработки продуктов охоты и собирательства (земледелие в то время делало свои первые шаги и, возможно, еще не вышло из развитого собирательства).

Жатвенные ножи — наиболее интересная группа находок. Это большие кремневые или обсидиановые пластины, которые использовались как без специальной рукоятки, так и в составном орудии. На них имеются следы сработанности — заполированность лезвий, что не оставляет сомнений в их применении. Кроме того, они тщательно обработаны ретушью и в этой технике сделан выступ-шип для облегчения захвата стеблей злаков при их срезании. Из туфа изготавливали зернотерки, терочники и песты; из гальки — подвески и пестики; из мраморовидных пород — сосуды: сферические горшки с плоским дном и миски; из мрамора же — браслеты и подвески. В поселении найдены древнейшие свидетельства металлургии: кованое медное шило и три кусочка медной руды. Следует отметить, что уже в столь раннее время население Северной Месопотамии изготавливало из камня и глины антропоморфные статуэтки. Это свидетельствует о глубочайших корнях того комплекса идеологических представлений народов Переднего Востока, в котором образы женских богинь были на одном из первых мест в течение последующих тысячелетий.

Памятники, открытые раскопками Советской археологической экспедиции в Ираке, могут быть объединены в две группы. В первую, бескерамическую, входят Телль Магзалия, а из ранее известных — нижние слои Джармо и Шимшары. Во вторую, раннекерамическую группу должны быть включены нижние слои Телль Сотто (об этом речь пойдет дальше), нижний слой известного ранее поселения Умм-Дабагия, верхний слой Джармо и некоторые другие. Только после них начинается жизнь в поселках, от которых образовались культурные слои Ярым-тепе I и Хассуна Ia, а также, вероятно, и Телль-эс-Саввана.

Поселение Телль Сотто находится в том же районе Северной Месопотамии — к югу от Синджарских гор. Холм возвышается над современной равниной на 2,5 метра, но его слои достигают мощности почти в 4 метра. В этой толще установлено 4 строительных горизонта. В нижнем, как считает автор раскопок, отмечены остатки большого многокомнатного жилого дома, но представляется, что вернее будет считать жилой единицей однокомнатный дом с рядом пристроек снаружи и некоторыми встройками типа ларей и закровов изнутри. Внутри этого дома и пристроек обнаружены скопления костей животных, детские погребения в сосудах под полами, хранилища для зерна с лежащими поблизости зернотерками, очаги, а также сосуды и орудия труда. Снаружи у стен найдены вмазанные в землю глиняные корчаги-хранилища, печи, сушилки для зерна.

Признаки культуры Телль Сотто совпадают с теми, которые характерны для верхних слоев Джармо и некоторых других поселений. Значит, этот памятник оставлен людьми, только что совершившими технический переворот — они изобрели глиняную посуду, добились того, что вылепленная из мягкой и податливой глины емкость после ее пребывания определенное время в огне становилась твердой как камень, не разваливалась и не пропускала воду. С этого времени керамическая посуда стала быстро отвоевывать позиции у каменных сосудов, ибо ее изготовление стало более доступным и во много раз менее трудоемким. За один сеанс обжига можно было изготовить значительное количество сосудов, в то время как для изготовления каждой каменной чашки требовалось много времени и труда. Это стало одним из рычагов прогресса и в других областях.

Органические остатки из ряда одновременных памятников в сочетании с набором орудий позволяют вос-

становить уровень и специфику хозяйственной деятельности древнего населения Северной Месопотамии и западных предгорий Загроса. Обугленные зерна голозерного шестирядного ячменя и двух видов пшеницы в сочетании со ступками и зернотерками свидетельствуют о существовании земледелия. Но о полной культивации злаков еще говорить нельзя, так как девять десятых найденных злаков оказались принадлежащими к диким формам растений. Некоторые изменения костей ~~из~~ позволили палеозоологам установить начало морфологических изменений в процессе их одомашнивания. Значительный и разнообразный набор костей диких животных (горный баран, безоаровый козел, бык, лошадь, джейран, олень и косуля) в сочетании со специфическим набором кремневого инвентаря, предназначенного для обработки шкур, указывают на превалирующее значение охоты, причем на крупных копытных животных. Некоторые из них и стали предками домашнего скота.

Последней неолитической (как ее традиционно считают) культурой Северной Месопотамии является хассунская культура, которую исследователи относят к VI тысячелетию до н. э. Она распространена значительно шире предыдущих и доходит от верховьев до среднего течения Тигра и Евфрата. В настоящее время известно более тридцати поселений этой культуры, но мы остановимся только на результатах раскопок поселения Ярым-тепе I.

Оно занимало площадь около двух гектаров, а общая мощность культурных слоев, принадлежавших к одной культуре, была более шести метров. Верхние строительные горизонты памятника были нарушены, так что полноценный материал дали 12—8-й строительные горизонты, хотя остальные, безусловно, также принадлежали хассунской культуре.

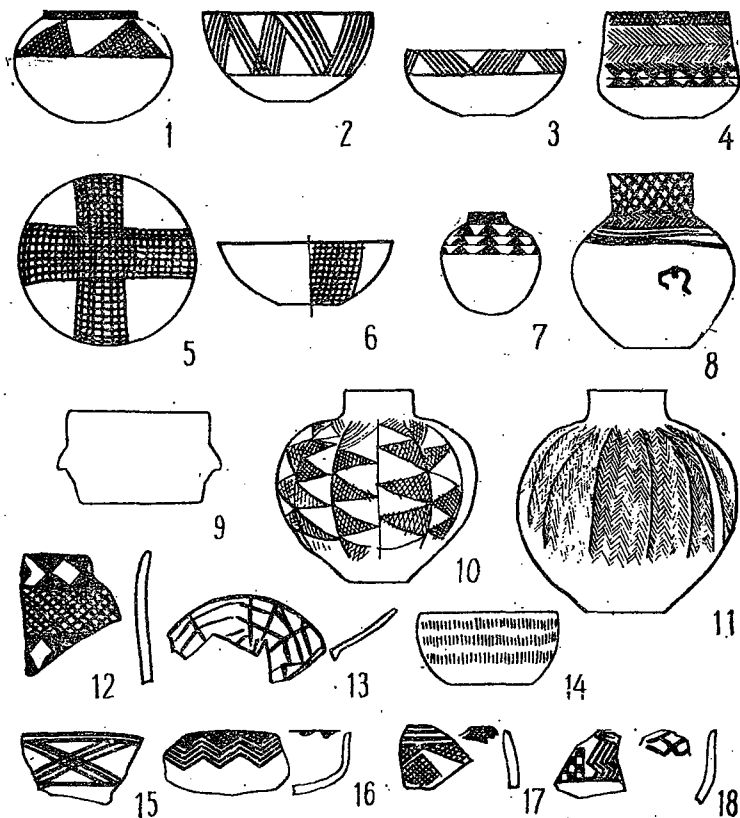
Ранее существовавшее мнение о том, что хассунская архитектура являлась древнейшей, давно отошло в прошлое. Сейчас можно с уверенностью говорить, что строительство того времени — закономерное продолжение ранее существовавших традиций, возникших еще в докерамическом неолите, в VIII—VII тысячелетиях до н. э. Раскопки вскрыли последовательно существовавшие жилые и хозяйственные постройки как изолированные, так и объединенные в многоквартирные дома, а также много хозяйственных сооружений специального назначения — гончарные печи, платформы для зерносушилок, зернохранилища и т. п. Техника строительства еще не знала

формованного сырцового кирпича. Применяли глиняные блоки в виде сплюснутого цилиндра, или «батона», которые укладывали в стены и снаружи обмазывали штукатуркой; существовали дверные проемы, где иногда находили подпечные камни, в которые упирались вращающиеся оси дверей; полы покрывали гипсовой промазкой достаточной толщины. Во всех строительных горизонтах открыты печи разных конструкций, которые свидетельствуют о разнообразном и давнем использовании свойств огня. Наряду с обычными обогревательными очагами найдены остатки круглого в плане двухъярусного гончарного горна, где горячий воздух проникал в обжигательную камеру через вертикальные продухи в поду.

Найдено также значительное количество печей для выпечки хлеба, расположенных во внутренних дворах; печи такой конструкции, называемые где «тондыр», где «тонур», широко распространены и в наше время на всем Переднем Востоке. Интересно, что рядом с такими печами на поселении Ярым-тепе I найдены сосуд для хранения зерна, площадка для его сушки, ступка или зернотерка, вкопанная в пол и часто закрепленная на месте при помощи камней или крупных фрагментов керамики. Как видим, это устоявшийся комплекс производства хлеба, надо полагать основного продукта питания древнего населения.

Керамика хассунской культуры относительно богата и разнообразна. Среди находок можно выделить грубую и толстостенную крупную хозяйственную посуду и столовую, лучшей выделки и меньших размеров, обнаруженную в нижних слоях. Сосуды часто украшены орнаментом — налечами, росписью внешней и внутренней поверхности, резьбой. Иногда техника нанесения орнамента комбинированная. Наряду с массовыми находками есть отдельные оригинальные экземпляры — горшки и чаши на полых кольцевых поддонах, сосуды на трех или четырех ножках, керамические цедилки, сосуды со сливом. Наконец, повсеместно присутствуют черепки привозной посуды с черной или вишнево-красной поверхностью, которые удостоверяют наличие межкультурных связей в столь ранние времена, вероятнее всего с населением Восточного Средиземноморья.

Сенсационным было открытие древнейших следов металлургии, что отодвинуло этот вид производственной деятельности людей в глубь веков не менее чем на два тысячелетия. Уже в нижних слоях поселения Телль

Керамика из раскопок поселения Хассуна:

1 — сферический сосуд; 2—6 — чаши (5 — внутренняя роспись чаши 6); 7—11 — корчаги для хранения продуктов; 12—18 — фрагменты расписных сосудов. 10, 11, 14 — орнамент нанесен насечками, на остальных — краской.

Сотто, значительно предшествовавших хассунской культуре, найдены три медные бусины. Начиная с нижних слоев поселения Ярым-тепе I известны не только изделия из меди (пронизка, колечко и подвеска) и свинца (браслет), но и многочисленные случаи (более 20) обнаружения медной руды — малахита. В это время, да и в последующее, халафское, инструментов не найдено. Однако они могли уже существовать, и косвенным подтверждением этого является резкое сокращение набора кремневых орудий на поселении Ярым-тепе I по сравнению с более ранним поселением Телль Магзалия: здесь было найдено всего 500 предметов, а на такой же пло-

щади более ранних памятников количество кремневых изделий доходит до 4 тысяч.

«Кремневая индустрия» продолжает более раннюю — встречаются различные скребки, сверла, пластины, которые использовались как серпы, вкладыши ножей для разделки туш животных, скобели, наконечники стрел. Obsидиановые пластины употреблялись также в качестве серпов и разделывательных ножей. Уже полностью отсутствуют мелкие пластинки геометрических форм, что было связано с сокращением значения охоты. Из других пород камня изготовлены клиновидные шлифованные топорики, уникальна находка наверхия, булавы, многочисленны орудия для обработки продуктов земледелия — зернотерки и терочники, ступки и песты. Каменные мотыги известны только из раскопок поселения Хассуна. Сосудами из камня еще продолжали пользоваться, хотя керамика уже давно прочно вошла в быт. Появление пряслиц возвещает о новой отрасли хозяйства — изготовлении тканей для одежд.

Продолжают существовать изделия из кости: шилья, иглы с ушком, шпатели или ложила, кости с насечками. Но металл постепенно вытесняет из обихода и этот материал.

Интересно отметить, что зона распространения северомесопотамских памятников типа Джармо и Хассуны и в наше время отличается от равнинных областей спецификой своего сельского хозяйства. В горных районах уже несколько тысячелетий сеют под богару (естественное орошение за счет атмосферных осадков) пшеницу и ячмень, там до сих пор не применяют искусственного орошения полей. Значит, и древнее население этих мест было настолько обеспечено влагой, что могло не изобретать искусственного орошения. Это было сделано в последующие времена теми, кто освоил аллювиальные равнины среднего течения Тигра и Евфрата, особенно территорию Шумера, то есть Южную Месопотамию. А пока можно констатировать у населения Северной Месопотамии появление и становление производящего хозяйства, в котором сосуществовали земледелие и скотоводство на базе прочной оседлости, в результате чего начали развиваться домашние промыслы. Все это происходило, повторяем, примерно в VIII—VII тысячелетиях до н. э.

Царство Аккад было расположено в среднем течении Тигра. Древнейшими памятниками этой зоны являются могильник у города Самарры (раскопки Э. Херцфельда задолго до второй мировой войны) и находящийся от него в одиннадцати километрах ниже по течению Тигра могильник Телль-эс-Савван, где раскопки начались в 60—70-х годах. К памятникам этого типа относится также поселение Чога-Мами около Мандали. Его размеры достигают 350×100 метров. Как известно, находки из могильника представляют собой такой набор предметов, который при некритическом его восприятии может дать искаженную картину всего исторического периода. Поэтому основными материалами для характеристики древних этапов производящего хозяйства этих мест являются находки из поселения Эс-Савван, которое в целом принято датировать серединой и второй половиной VI тысячелетия до н. э.

Невысокий холм (3,5 метра) расположен на правом берегу Тигра. Он состоит из пяти строительных горизонтов. Многокомнатные дома, очень сходные по планировке между собой, насчитывают 12—14 прямоугольных помещений, соединенных дверными проемами, и сложены они в отличие от построек хассунской культуры из крупных прямоугольных сырцовых кирпичей. В третьем слое поселения таких домов насчитывается более десяти. И что примечательно: они окружены прямоугольным обводных стен с воротами в длинных сторонах. Интересно отметить, что три дома вытянуты по линии северо-восток—юго-запад, а пять—по линии северо-запад—юго-восток. Как будет видно из дальнейшего изложения, такая полярная ориентировка групп домов является весьма закономерной на поселениях древних земледельцев, что особенно наглядно отмечено в джейтунской культуре. Начиная со второго строительного горизонта эти дома приобретают весьма характерную особенность—гипсовые полы. Из сооружений иного назначения следует отметить тандыры—печи для выпечки лепешек—и круглые обжигательные керамические горны. Материалы, особенно архитектурные, позволили руководителям работ выдвинуть предположение о существовании в третьем слое Эс-Саввана даже какого-то храмового комплекса. Если это окажется верным, то наука будет иметь в Месопотамии наиболее древнее сооружение подобного рода.

Органические остатки Эс-Саввана и Чога-Мами, а также производственный инвентарь с этих поселений свидетельствуют о прогрессе производящей экономики. Три вида пшеницы, четыре вида ячменя, овес и лен говорят о дифференцированном земледелии. Его высокий уровень подчеркивают следы оросительных каналов у Чога-Мами. Преобладание костей крупного рогатого скота уже типично для культуры аллювиальной равнины.

Каменный производственный инвентарь типично земледельческий: зернотерки, ступы с пестами, шлифованные тѣсла. В большом ассортименте изделия из кремня и обсидиана — разнообразные скребки, сверла, части серпов. Найдены почти целиком сохранившиеся изогнутые серпы. Костяной инвентарь также довольно обычен: это шилья, иглы, булавки и шпатели. Особенно примечателен маленький нож, а также бусы из меди, найденные в одной из могил нижнего слоя поселения. Последнее свидетельствует о знакомстве неолитических земледельцев с начатками металлургии, что наблюдается и на неолитических поселениях Ассирии. Не менее примечательным является обнаружение в могилах на поселении Эс-Савван огромного количества белых и розовых алебастровых женских статуэток, мраморных сосудов и бус, особенно в нижних слоях. Эти редкие для других памятников находки стали здесь массовыми.

Керамические изделия позволили датировать древнейшую культуру Аккада и определить ее ареал. Район среднего течения великих ближневосточных рек осваивался населением с производящей экономикой позднее, и вследствие этого там обнаружены более богатые и своеобразные памятники, что, в частности, отчетливо видно при сравнении керамической орнаментации типа Хассуны и Самарры. В целом памятники Аккада расположены на более широкой территории, ограниченной поселениями Матарра на севере, Багхузом на Евфрате (на западе), а также районом Багдада на юге.

Древнейшая культура Шумера

В 1929 году известный английский археолог Леонард Вулли производил раскопки города Ура в Южной Месопотамии. Под слоями культуры Убейда, с характерной расписной керамикой, им были обнаружены аллювиальные отложения мощностью до 3,5 метра, которые свидетельствовали о каких-то грандиозных навод-

нениях. Слои отложений были приняты Вулли за свидетельство всемирного потопа, отраженного в шумерских письменных источниках как эпического, так и исторического содержания. Эти письменные свидетельства затем почти дословно перешли в Ветхий завет.

Под слоями наводнения в Уре были найдены остатки человеческой деятельности, которые показали, что территория Южной Месопотамии была населена людьми в «допотопное» время. Аналогичные свидетельства этого обнаружены также в Уруке, Ниппуре, Эреду и других городах, но, кроме того, находки кремневых орудий в Южной Месопотамии указали, что эти места были известны и более раннему населению, которое, возможно, посещало их эпизодически и не оставило после себя поселений (если только последние не погребены под многометровыми аллювиальными отложениями). Вот об этих ранних, «допотопных» культурах и предстоит сказать несколько слов, главным образом о проблеме далеко не выясненной — проблеме их происхождения.

Как считают многие исследователи, общий вид расписной посуды наиболее раннего населения Южной Месопотамии позволяет предположить его приход из области распространения хассунской культуры, то есть с севера, вниз по течению великих рек. Другим местом исхода этого народа, с одинаковой долей вероятности, предлагают считать районы к востоку от Шумера, горные районы южного Загроса, тяготеющие к Эламу. Последние достижения археологов в Месопотамии позволили более конкретно наметить пути для разрешения проблемы происхождения населения Южного Двуречья. Сейчас признается наличие определенной генетической связи между шумерскими памятниками первой половины III тысячелетия до н. э. и культурой Южного Убеида, а многие даже склонны считать, что носители этой культуры и были древнейшими шумерами.

Раскопки в Эреду — древнейшем поселении Южной Месопотамии и первом городе Шумера, где «с небес спустилась царская власть», как об этом сообщают шумерские литературные и исторические источники, — позволили установить, что этот город развился из раннеземледельческого поселка. Основателями его были выходцы из области распространения хассунской культуры в ее самаррском варианте, которые в поисках пригодных для возделывания и орошения земель спустились по долинам Тигра и Евфрата до берегов Персид-

ского залива. Благоприятные экологические условия позволили этому населению развиваться ускоренными темпами, о чем свидетельствуют данные раскопок, в частности монументальные храмовые комплексы. Их сооружение стало возможным благодаря получению значительного прибавочного продукта и воплотило в себе всю сумму эмпирически приобретенных положительных знаний. Общество стало в состоянии содержать своих членов, не занимающихся каждодневным тяжелым трудом земледельца.

Однако те же археологические исследования показали, что в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. произошла смена населения — об этом может свидетельствовать кардинальное изменение погребального обряда. Погребения людей в скорченном состоянии, с применением охры для окраски покойников, заменяются вытянутыми. Конечно, тут могла проявиться какая-то внутренняя закономерность, связанная с изменением надстроечных явлений, но пока этот факт многие исследователи объясняют именно сменой населения. Считается, что люди, оставившие после себя вытянутые погребения, происходят с востока, с Загросских гор. Они ассимилировали прежнее население, но переняли его культурные традиции. Эти люди считаются шумерами, исторически впитавшими в себя все культурные достижения далеких потомков носителей хассунской культуры — первых представителей производящего хозяйства.

Сейчас существует тенденция объяснять появление населения в Южном Двуречье с юга, со стороны Персидского залива, как это ни парадоксально звучит. Вот что послужило причиной появления такой точки зрения. По мере прочтения клинописных текстов стало ясно, что исторические тексты, так же как и мифические, содержали название страны Дильмун, причем в реалистическом значении. Американский историк Питер Брюс Корнуолл еще в 1946 году высказал предположение, что эту страну надо искать в Персидском заливе, и отождествил ее с островом Бахрейн. Но организовать экспедицию туда в то время было невозможно, так как все арабские эмираты на западном берегу Персидского залива до 1953 года были для европейцев заповедными странами. После открытия там сказочных запасов нефти положение изменилось: европейские капиталы и специалисты широко хлынули в Аравийские земли. С этого же времени там стала работать археологическая экспедиция под руководством датского ученого Джоффри

Бибби. Археологические исследования этих мест продолжаются и сейчас, так как с ростом благосостояния и включением благодаря нефти в мировую экономическую систему каждый эмират стал усиленно интересоваться древней историей. Дж. Бибби красочно описал свои изыскания 1953—1968 годов в книге «В поисках Дильмуна» (М., 1984). В результате этих работ была открыта новая историческая провинция, которую ученые отождествили с загадочной страной Дильмун. В 1977 году остров Бахрейн и расположенные там археологические объекты посетил во время своего плавания на камышовом судне «Тигрис» Тур Хейердал. Он кратко описал результаты археологических исследований в этих местах до 1976 года. История этой страны, согласно раскопкам, уходит в IV—III тысячелетия до н. э., когда Бахрейнские острова были освоены носителями убейдской культуры. Все вроде бы встало на свои места...

Однако наблюдается странное явление — на западном побережье Персидского залива и на Бахрейнских островах не было найдено ни одной надписи, говорящей о том, что эти территории входили в древности в страну Дильмун. Получается, что принятое в наше время отождествление является результатом логических рассуждений, основанных на косвенных фактах — месопотамских клинописных текстах.

Из совокупности шумерских текстов следует, что было две страны Дильмун. Одна — историческая, с которой можно отождествить Бахрейнские острова. Другая же — мифическая, которая существовала в сознании людей, слагавших мифы о великих богах и героях задолго до того, как мифы были зафиксированы письменностью, изобретенной на грани IV и III тысячелетий до н. э. Именно эта мифическая страна, которая имела под собой реалистическую подоплеку, и находилась к востоку от Шумера. Она могла быть изначальной территорией обитания тех племен, потомки которых впоследствии, спустившись с гор в западном направлении, в долину Тигра и Евфрата, стали первоначальными шумерами. Столетия спустя после освоения речных долин шумеры забыли, где была расположена их родина — страна Дильмун, которую они населили только богами и превратили в недосягаемое. Освоив мореходство и совершая дальние плавания, сначала по Персидскому заливу, затем, вероятно, вдоль берегов Азии на восток, в сторону Индии, они открыли дальние острова, колони-

зовали их и превратили в важный перевалочный пункт торговли с еще более дальними странами. На них и было перенесено название Дильмун. Сам же Дж. Биби, отождествивший Бахрейнские острова со страной Дильмун, приводит очень образный и хорошо известный пример ошибочной географической номенклатуры: «Ведь называли же испанцы острова Карибского моря Вест-Индией, посчитав, что доплыли до Индии. А в Гренландии есть селение, носящее имя Туле лишь потому, что римские географы около двух тысяч лет назад писали о далекой северной стране Ультима Туле, которая на самом деле не имеет отношения к Гренландии».

Современные ученые, которые, казалось бы, должны знать подобные примеры ошибочного наименования, совместили мифическую страну Дильмун с Бахрейнскими островами. Это дало повод для появления версии о том, что острова могут считаться тем местом, откуда произошли шумеры, которые освоили южные части долины Тигра и Евфрата. Такое решение проблемы представляется антиисторическим, поскольку на исследованных территориях западного побережья Персидского залива нет следов более древних памятников, чем памятники убейдской культуры. В Северной же Месопотамии они есть.

Точка зрения археологов о том, что в Южной Месопотамии прослеживается более древнее протошумерское население, получила неожиданную поддержку со стороны лингвистов. Уже довольно давно Сэмюэлем Крамером было отмечено, что некоторые топонимы, такие, как Ниппур, Ур, Киш и другие, относятся к дошумерскому языковому пласту. Финский лингвист Армас Салонен проделал интересную и трудоемкую работу по выявлению лексического фонда, восходящего к языку-субстрату. Дошумерскими оказались все слова, связанные с оседло-земледельческой экономикой, с первобытными профессиями вплоть до металлургии, с социальной иерархией и даже с областью идеологии. А. Салонен считает, что имена таких шумерских божеств, как Инанна и Ашнан, также происходят из языка-субстрата. Однако он не выдвинул даже предположения о том, кто мог бы считаться его носителем.

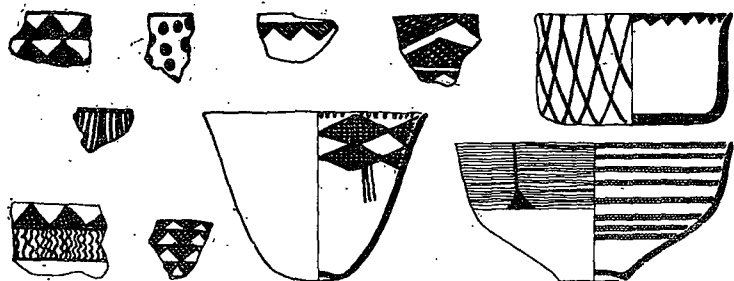
Таким образом, на сегодняшний день доказано, что Южная Месопотамия первоначально была освоена самаррскими племенами, спустившимися по течению рек. Однако они были сменены каким-то населением с востока, с Загросских гор, перенявшим все достижения

первых поселенцев, но поглотившим их. По-видимому, это этническое скрещение и дало тот народ, который сейчас называется шумерами, а сам себя он называл просто «черноголовым народом». Получается, что все население Загросских гор, от Северной до Южной Месопотамии, было в определенной степени родственным: первыми населили Южную Месопотамию выходцы из северных районов Загросской горной системы, а вторыми — пришельцы с востока, из южных ее районов. Следовательно, куда бы ни поместить прародину шумеров, окажется, что Южная Месопотамия была заселена потомками горных жителей одного большого района. Наконец, важно установить, что Южная Месопотамия осваивалась в то время, когда на ее севере уже давно произошел переход к производящему хозяйству. В эти места пришли не охотники и собиратели, а расселяющиеся общины земледельцев и скотоводов с развитым производящим хозяйством.

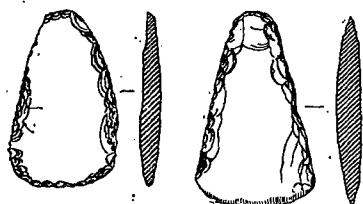
В оазисах Арианы

По другую сторону Загросских гор, в специфической ландшафтной зоне плоскогорий, расположенной сравнительно узкой полосой между восточными отрогами Загроса и центрально-иранскими пустынями Деште-Кевир и Деште-Лют, одновременно с памятниками ранних земледельцев Северной Месопотамии существовала неолитическая культура. Она была открыта известным специалистом по истории и археологии Ирана, членом Французской академии, профессором Романом Гиршманом. В середине 1930-х годов он раскопал два холма в окрестностях города Кашана, которые назывались Тепе-Сиалк. Под этим названием они ныне известны каждому археологу, так или иначе коснувшемуся любой проблемы передневносточной археологии. В нижних слоях северного холма при раскопках были найдены материалы, относящиеся к наиболее древним этапам культуры этих мест. Названный памятник не единичен. Культура аналогичного типа была встречена в ряде других мест: нижние слои поселения Чешме-Али у города Рея близ Тегерана, поселения Тепе-Сораб в районе Керманшаха, Калаи-Духтар у города Кум, поселение у города Саве и другие.

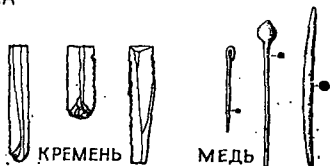
Слои культуры Сиалк I имеют мощность 12 метров, и образовались они не менее чем за 500 лет. Хотя в самых нижних слоях остатков построек из сырцового кир-

КЕРАМИКА

КАМЕНЬ

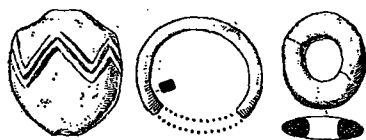

КРЕМЕНИЙ

МЕДЬ

ГЛИНА

КОСТЬ

Археологический комплекс поселения Сялк I

пича не обнаружено, это вполне можно рассматривать как случайность и постулировать их существование. Об этом свидетельствует и общий уровень культуры, и отнюдь не начальные этапы сырцового строительства в вышележащих слоях. Комплекс находок в целом представляется не столь древним и архаичным, как в Джармо.

Кремневые изделия, среди которых совершенно отсутствуют мелкие орудия на пластинках, сверла и скобели не отличаются разнообразием. Это пластины, которые, по всей вероятности, служили вкладышами для серпов, скребки. Серпы еще были прямыми, и их основы изготавливались из кости со скульптурным оформлением рукояти. Из камня изготавливались также подтреугольные тесла-топоры, ступки, зернотерки, наворачия

булав и браслеты. В верхней половине напластований Сялк I были найдены кованые медные изделия — шилья, булавки и иглы. Весь облик культуры позволяет отнести ее к переходному периоду от неолита к медному веку и датировать позже, чем неолит иракского Курдистана, — V тысячелетием до н. э.

Широкое развитие в поселениях восточных отрогов и межгорных оазисов восточного Загра получило производство керамики. Она еще, естественно, изготавливалась ручной лепкой, имела недостаточно полный обжиг и, как правило, была покрыта расписными узорами геометрического характера. В основном это чаши кремового или красного цвета с темно-коричневой или черной росписью. Довольно часто встречались красные сосуды без росписи.

Вся совокупность находок на поселениях этой территории позволяет представить эволюцию культуры ранних земледельцев и скотоводов, населявших названные поселения. Многометровые толщи культурных остатков свидетельствуют не только о прочной оседлости оставившего их населения, но и об их умении изготавливать и использовать основной строительный материал Переднего Востока — сырцовый кирпич. Наиболее ранние этапы этой культуры представлены в горах, на поселении Тепе-Сораб, одновременность которого с поселением Джармо устанавливается на основании каменных браслетов и каменных сосудов. Поселки типа Сялк I показывают уже далеко не первые этапы производящего хозяйства, переход к которому, очевидно, надо считать одновременным Джармо.

Глава 5

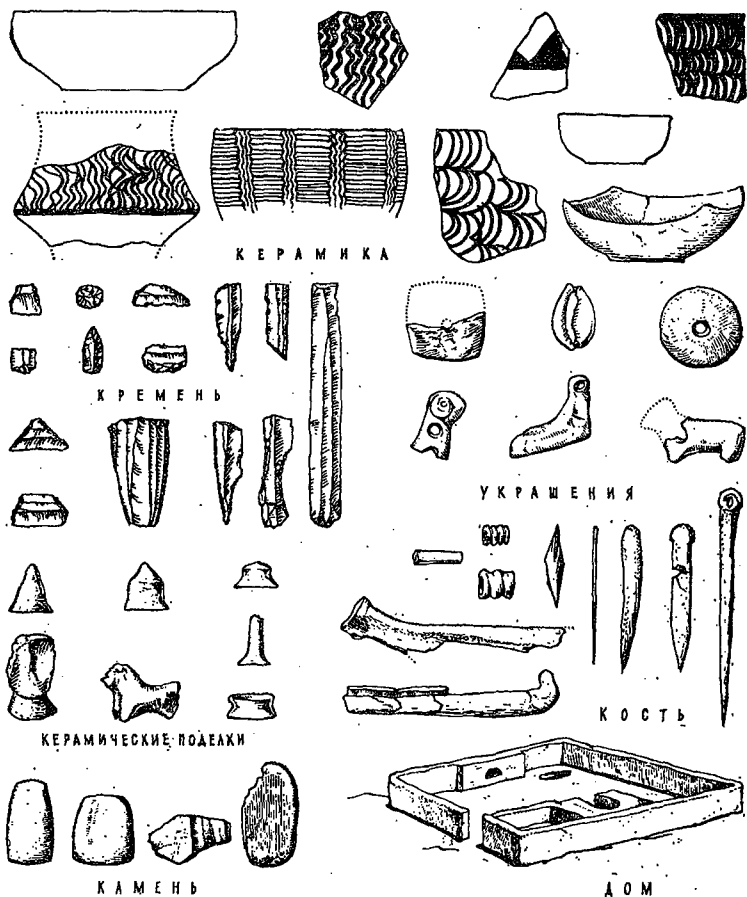
КРАЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОЙКУМЕНИ

Совершенно особой областью становления производящей экономики стал Южный Туркменистан, о чем свидетельствуют раскопки последних десятилетий. Вернее, не весь Южный Туркменистан, а Юго-Восточный Прикаспий (включая области Северного Ирана) и северная подгорная равнина Копетдага. Между горами и пустыней, у стекающих с гор водотоков, были расположены древние поселения, около полутора десятков которых сделались достоянием науки. Многие из них были исследованы шурфами, в которых фиксировались последовательные культурные наслоения, но некоторые вскрыты и на большой площади. Сочетание этих методов позволило представить неолитическую культуру древнего населения северных предгорий Копетдага с предельной объемностью и четкостью. Поскольку нас интересуют

ранние этапы джейтунской культуры, главный упор в изложении материала будет сделан на поселении Джейтун, расположенном к северу от Ашхабада, в зоне полукрепленных песков. Оно наиболее изучено. Остальные памятники распространены довольно равномерно от Кызыл-Арвата на западе до района Меана — Чаача на юго-востоке.

Джейтунская культура состоит из трех последовательных этапов и распространена в трех больших областях. Ранний ее этап принято датировать VI тысячелетием до н. э. Кремневая индустрия джейтунской культуры, прежде всего самого Джейтуна, представлена большим разнообразием орудий и инструментов: мелкие пластины геометрических форм, скребковидные и скоблящие орудия, пилки, сверла, ножи. Все эти орудия, так же как и некоторые костяные (шилья, иглы, ложила и т. д.), характеризуются более ранней техникой обработки кремня. Это позволяет считать, что весь комплекс орудий перешел в оседло-земледельческую джейтунскую культуру со старыми отраслями домашних производств, характерных для присваивающего хозяйства. Все говорит о том, что охота или, во всяком случае, охотничьи методы обработки туш убитых животных продолжали сохранять прежние традиции, что подтверждают ядра для пращи и геометрические пластинки, которые могли быть частями составных орудий, а также ножи и скребки. Однако другая часть производственного инвентаря, а именно вкладышевые жатвенные ножи, боковые скобели и шлифованные орудия, являются не только предвестниками, но и прямыми свидетелями новой производящей экономики. Анализ орудий труда как типологический, так и по следам сработанности позволил заключить, что джейтунская культура в целом отражает переходный период к производящей экономике. О ранних этапах такого хозяйства говорит и анализ костных остатков. Они представлены в основном дикой фауной, но ряд специфических моментов в костях козлов позволили увидеть начало морфологических изменений у диких животных, которые были вызваны одомашниванием. Таких животных, несомненно, уже приручали и содержали вблизи поселения. О начавшемся земледелии говорят его продукты — зерна пшеницы (отпечатки в глине) и остатки зерен ячменя.

Посуда жителей Джейтуна включает в себе черты, еще роднящие ее с сосудами из других материалов, в частности с деревянными, — прямоугольные «салатни-

Археологический комплекс поселения Джейтун

цы» могут быть возведены к выдолбленным корытам, роспись как бы имитирует корзиночное плетение. Подчеркнуто плоское дно также указывает на существование у предков джейтунцев емкостей из дерева или камня, хотя ни одного каменного сосуда на поселениях этой культуры не было найдено.

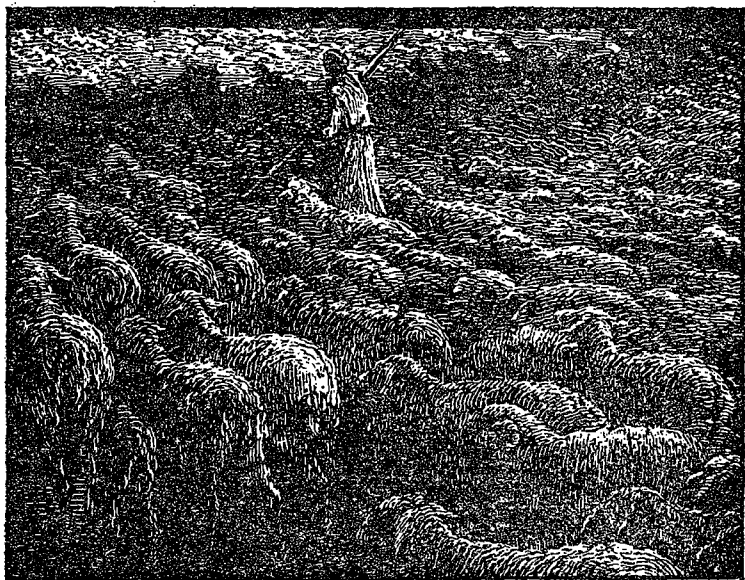
Очень интересные и принципиально важные результаты дает анализ неолитической архитектуры, как технологии строительства и планировки отдельных домов, так и поселений в целом. Неолитическое население подгорной равнины Копетдага еще не знало формованного

сырцового кирпича. Для возведения стен жилищ люди готовили глиняные цилиндры до 70 сантиметров длиной и до 20 сантиметров толщиной, которые укладывали в стены даже без горизонтальной перевязки. Собственной тяжестью они расплющивались и превращались в так называемые «батоны» с плоским низом и выпуклым верхом. Этот новый строительный материал может указывать на то, что навыки строительства возникли в горной ландшафтной зоне, а велось оно преимущественно из глины, свойства которой были освоены еще далеко не полностью. Стены жилищ выкладывались таким же образом, как если бы для их строительства применялись камень или дерево. Материал был новым, а техника строительства оставалась старой.

При изучении планировки поселения Джейтун выявляются две четкие группы домов. Они сразу же видны на плане поселка, но составляющие их дома перемешаны. Эти группы различаются ориентацией входа и очага по странам света, внутренней окраской стен и пола и средними размерами, которые имеют разницу до 8 квадратных метров. Примечательно, что «стандартность» планировки каждого дома в отдельности и его ориентация по странам света зафиксированы во всей подгорной полосе Копетдага и характерны для каждого из трех этапов джейтунской культуры.

Заканчивая характеристику неолитической культуры предгорий Копетдага, необходимо отметить, что между эволюцией орудий труда и производства в целом и отсутствием эволюции в социальной жизни древнего населения этих мест наблюдается несоответствие. Не касаясь сейчас исторического значения этих наблюдений, необходимо отметить, что на протяжении пяти-шести веков существования джейтунской культуры произошли значительные изменения в облике каменного и костяного инвентаря. Так, к последним этапам этой культуры до минимума сокращается количество мелких орудий геометрических форм. Некоторые из них, например скобели из лопаток животных, исчезают совершенно. Резко возрастает количество костяного инвентаря; вкладыши для жатвенных ножей приобретают зубчатые и пильчатые лезвия, чего раньше не было, и многое, многое другое. Самое же основное изменение в хозяйстве позднелинитического населения Южного Туркменистана следует видеть в полном становлении производящей экономики, которое выразилось в появлении стада домашних животных.

Глава 6

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕДНЕГО ВОСТОКА

Как видно из предшествующего изложения, в VIII—VII тысячелетиях до н. э. на обширной территории Переднего Востока появились неолитические культуры. Все они располагались в похожих географических условиях, что породило сходный комплекс хозяйственного инвентаря. Не следует думать, что население Переднего Востока появилось откуда-то извне и освоило названную территорию уже в качестве сформировавшихся, хотя и весьма примитивных, земледельцев и скотоводов. Наоборот, археологические раскопки открыли ряд памятников более раннего времени, которые с полным основанием считаются исходной базой для охарактеризованных выше неолитических культур. Не вдаваясь в специальные детали, можно констатировать, что уже сейчас устанавливается своего рода культурно-генетиче-

ская линия, которая заканчивается памятниками горного неолита типа Джармо и Телль Магзалии.

Наличие памятников типа Джармо практически во всем Загросе доказывает, что горные районы Переднего Востока были с эпохи палеолита заселены человеком, что здесь находился один из центров перехода к производящей экономике.

Если сравнить комплекс кремневого инвентаря из всех больших районов — Ассирии, Арианы и Южного Туркменистана, можно увидеть наряду с известным однообразием, обусловленным одинаковым материалом для изготовления орудий и одинаковой направленностью хозяйственной деятельности, определенные различия. Так, например, изделия из обсидиана не обнаружены на восточных отрогах Загросских гор, тем более в северных предгорьях Копетдага; каменные браслеты встречаются при раскопках по обе стороны этих гор, но совершенно неизвестны на поселениях Южного Туркменистана. Весьма интересны результаты сравнения приемов и техники домостроительства поселений. Обычным явлением на ранних этапах был так называемый протокирпич — глиняные блоки нестандартных размеров с плоским низом и выпуклым верхом. Не менее характерны твердые полы из извести и золы, которые можно считать в известной степени достижением комфорта того времени. Примеры можно было бы умножить, но они носят слишком специальный характер. Одним словом, известные материалы уже сейчас позволяют рассматривать всю область становления производящей экономики на Переднем Востоке в виде трех соседних провинций.

К первой, западной, относятся поселения юго-востока Малой Азии и Восточного Средиземноморья; эту провинцию мы, как было оговорено выше, не рассматривали.

Ко второй провинции следует отнести Загросский горный массив, причем как его западную субпровинцию (Телль Магзалия, Джармо), так и восточную (Сораб, Сиалк). Широкое распространение памятников этой культурной общности дает возможность высказать предположение о генетическом родстве населения Северной Месопотамии и, вероятно, Шумера с населением восточных предгорных оазисов. Косвенным образом это родство может подтвердить, на наш взгляд, шумерская поэма «Энмеркар и правитель Аратты». В ней говорится о том, что между Энмеркаром, правителем города

Урука в Месопотамии, и правителем страны Аратты, которая находилась к востоку от Шумера, «за семью горными хребтами», возникли сильные трения, которые грозили перерасти в военный конфликт. Здесь не место вникать в сущность конфликта, но для нашего повествования важен один факт — оба вождя просили покровительства (естественно — каждый себе) у одних и тех же богов. Это значит, что у населения обеих стран, расположенных далеко друг от друга, была одна и та же духовная культура, одни и те же объекты поклонения.

К третьей провинции относится Туркмено-Хорасанский горный массив. Правда, до сих пор еще неизвестны горные ранненеолитические памятники этой провинции, из которых выросли неолитические культуры джейтунского типа на северной подгорной равнине Копетдага и в Юго-Восточном Прикаспии. Но вряд ли можно сомневаться в том, что по аналогии с Загросской провинцией такие памятники будут со временем обнаружены. Сейчас отлично известна джейтунская культура, население которой спустилось с гор на север и восток. Иначе объяснить ее появление в готовом виде на северной подгорной равнине Копетдага весьма затруднительно. Распространение неолитической культуры джейтунского типа в южном направлении к Эльбурсу, в сторону Иранского плато, уже давно предполагалось. Теперь об этом можно говорить на основании археологически засвидетельствованных фактов.

Во-первых, на одном из крупнейших памятников энеолита и бронзы Юго-Восточного Прикаспия, а именно на Тюренг-тепе в долине Горгана, на северной подгорной равнине Эльбурса, найдена примитивная керамика. Она добыта из сырцовых кирпичей эпохи бронзы. В кирпичи она, очевидно, попала во время их изготовления, когда глиняная масса замешивалась в культурных слоях более раннего времени. К сожалению, достижению этих слоев воспрепятствовал высоко поднявшийся уровень грунтовых вод. При анализе керамики оказалось, что ее ближайшие аналоги находятся в памятниках джейтунской культуры. Во-вторых, под руководством Д. Стронаха, в то время директора Британского археологического института в Иране, были начаты раскопки поселения Ярым-тепе в долине Горгана, около Гомбеде-Кабуса; после революции в Иране их пришлось прекратить. В нижних слоях этого поселения был найден керамический материал, идентичный джейтунскому, Вышележащие культурные слои содержали рас-

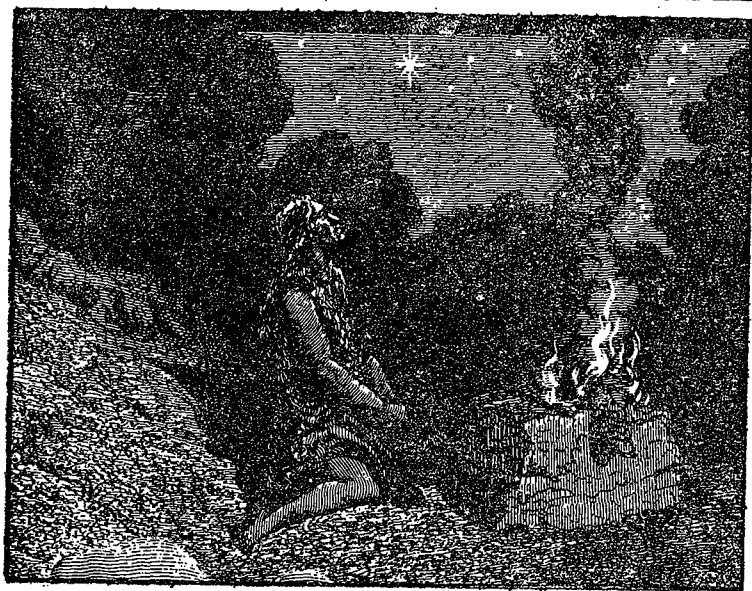
писную керамику, орнаментация которой соответствовала узорам, хорошо известным из раскопок поселений северной подгорной равнины Копетдага эпохи энеолита и ранней бронзы. В-третьих, десять лет назад в долине среднего течения реки Сумбар, в окрестностях поселка Кара-Кала, были найдены черепки посуды с росписью джейтунского типа. Их содержали некоторые погребальные камеры могильника Пархай II. Эти черепки происходили из более древних погребений, разрушенных при сооружении склепов ранней бронзы, в результате чего они были выброшены на поверхность холма из его недр, а потом оказались в засыпи покрытия камеры. После ее разрушения они просели внутрь склепа и как бы перекрыли более поздние наборы погребальной керамики.

Приведенные данные позволяют рассматривать обширные районы Северного Ирана, Юго-Западного и Южного Туркменистана как одну культурно-историческую область вплоть до эпохи энеолита. Обнаружение неолитической керамики с одинаковой росписью по обе стороны большого горного массива свидетельствует лишь об одном: расселение людей происходило во все стороны из горных ландшафтов в равнинные или долинные области, а расселявшиеся общины были родственными.

Значительное число сходных памятников в названных провинциях может свидетельствовать о том, что этап «борений и страданий» первобытного человека, который и можно назвать «неолитической революцией»¹, в основном завершился. В сущности, переход к производящему хозяйству уже произошел — неолитическое население узнало основные отрасли производящей экономики. В дальнейшем они, естественно, развивались и совершенствовались, в то время как еще существовавшие черты присваивающей экономики постепенно отмирали. С момента перехода к искусственному возделыванию злаков начинается следующий этап человеческой истории — становление производящей экономики.

¹ Термин «неолитическая революция», введенный в науку известным английским археологом Гордоном Чайлдом и применяемый в настоящее время для обозначения и характеристики процесса становления производящего хозяйства, не столько выражает его сущность, сколько не противоречит ей. Краткий, выразительный, он может иметь, с нашей точки зрения, права гражданства, но употреблять его все же следует не в строго научном плане.

Глава 7

СТУПЕНИ ПОЗНАНИЯ МИРА

Уже несколько веков наряду с религиозными книгами Ветхого и Нового завета существует библейская критика. Особенно активной она стала за последние два века, когда в первые ряды критиков вышли люди науки, ставящие во главу угла развитие и способности человеческого разума. С присущим им скептицизмом они подвергали сомнению и критическому рассмотрению каждый отрывок Библии, что привело к рациональному научному подходу к книгам, которые по своей сущности должны были восприниматься всеми верующими людьми так, как они написаны, невзирая на явные несогласованности и скрытые несоответствия. Коснулась библейская критика и первых глав книги Бытия, тех ее частей, в которых повествуется о сотворении мира. Биб-

лейский текст приведен выше, а общая характеристика критического настроя сводится к следующему.

Критика этой части Ветхого завета заключается, в частности, в том, чтобы показать механическое соединение в библейском каноне двух разновременных источников: Яхви IX—VIII веков до н. э. и Жреческого кодекса VI века до н. э., а также все внутренние противоречия этих источников и тщетность усилий богословов как-то примирить их. Таким подходом все сказанное о сотворении мира объявляется нелогичной сказкой. А ведь как раз эти главы книги Бытия и натолкнули Ж. Астриюка на мысль провести стилистический и смысловой разбор священных книг, что не только увенчалось успехом, но и сделало его основоположником научной экзегетики.

По сути дела, как апологетическая литература в вопросе о сотворении мира, так и критическая остаются в рамках богословия, хотя бы авторы критической литературы этого или нет. Первые отстаивают точку зрения о реальности сотворения мира из ничего, другие критикуют эту точку зрения на том основании, что они, дескать, материалисты и им доподлинно известно, что мир существует «от века», что в основе мироздания лежит материя и что вообще Бога нет, значит, и сотворения не было.

Того всемогущего и вездесущего ветхозаветного, человекообразного Бога, образ которого пронизывает искусство всех европейских стран от древности до современных остроумных рисунков Жана Эффеля, действительно нет. Однако почему Бог на всех его изображениях принимает человеческий облик? Потому, что человек считает богов самыми совершенными и создает их не иначе как по своему образу и подобию. И это не ново, об этом писали многие серьезные авторы, эта истина повторяется без устали. Однако до сих пор никто не обратился с этих позиций к анализу первых глав книги Бытия.

Не повторяя здесь со всеми тонкостями перевода интересующие нас отрывки, не указывая на то, что в одной версии (в подлиннике) бог назван Элохимом, а в другой — собственным именем Яхве, остановимся только на двух моментах.

Итак, во-первых, случайно ли количество дней творения?

Конечно, оно случайно, но шесть дней представляют собой законченный отрезок времени по шестидесятирич-

ной системе счисления. Как известно, эта своеобразная система является древнейшей, она возникла в Шумере и в основу здесь положено число $60 = 6 \times 10$. Ее отголоски дошли до настоящего времени: 60 минут в часе, 60 секунд в минуте, окружность делится на 360 градусов. В древности на этой же системе были основаны восточные меры веса: основной единицей была мина, 60 мин составляли талант, в одной мине заключалось 60 сиклей. К этой же системе восходит счет дюжинами.

Возникла эта система тогда, когда древние земледельцы Переднего Востока, наблюдая из года в год цикличность движения солнца и соответствующие циклы времен года и сельскохозяйственных работ, сумели установить приближенную продолжительность года в 360 дней. Тогда же окружность была разделена на 360 градусов и каждый градус был приравнен к дню (до этого времени деления окружности на части не существовало, это было сделано впервые). Далее, продолжительность года надо было разделить на более короткие отрезки времени, которые без остатка укладывались бы в число 360. Тут возможны разные комбинации цифр, но одна из них нас устраивает больше других — это произведение чисел 15 и 24. Это могли быть 15 отрезков («месяцев») по 24 дня, или 24 отрезка года по 15 дней. Что касается первого соотношения, то оно зафиксировано в культуре древних земледельцев Южного Туркменистана в IV—III тысячелетиях до н. э. Они прошли древнеземледельческие стадии культуры на 2—2,5 тысячи лет позже, чем земледельцы Месопотамии, и то, что было в их культуре в IV тысячелетии до н. э., в Месопотамии к тому времени прочно забылось. Однако, учитывая стадиальность в материальном производстве и духовной культуре земледельческих народов Переднего Востока, можно допустить такое членение года во времена хассунской культуры или даже раньше. А к IV тысячелетию до н. э. в Месопотамии перешли ко второму соотношению в членении года, слегка изменив его: первое число уменьшили, а второе увеличили вдвое. При неизменном количестве дней в году он стал делиться на 12 месяцев по 30 дней. Эта операция была, вероятнее всего, связана с тем, что потребовалось учитывать в составе года и лунный месяц, а он был по количеству дней ближе к 30, чем к 15. Возвращаясь к отрезку времени в 6 дней, можно предполагать, что это была древнейшая неделя и четыре таких отрезка составляли древнейший месяц.

Очевидно, при сложении мифа о сотворении мира был выбран, естественно, наиболее короткий, но законченный отрезок времени — древнейшая неделя. Если бы это было не так, то творцы мифа могли или объявить процесс сотворения делом, скажем, одного дня, или растянуть акт творения на более продолжительный срок, поскольку некоторые дни оказались очень «насыщенными» работой.

Второй вопрос — случайна ли последовательность объектов творения в I главе книги Бытия? Ответ на этот вопрос более сложен, ведь были попытки объяснить эту последовательность чуть ли не предвидением теории эволюции Ч. Дарвина. Разумеется, тут нет ничего, кроме желания доказать богодухновенность Библии, в которой, дескать, все предсказано на тысячелетия вперед и никакое рациональное движение науки и человеческого разума не является принципиально новым, не предусмотренным в Библии. При таком подходе библейское творение и остается творением.

Однако, как нам представляется, отражение творения всего сущего, которое происходило в процессе эволюции неорганической и органической природы, вовсе не нужно искать в Библии дословно. Прежде всего потому, что авторы древнейших мифов этого не знали. Но почему бы нам не предположить, что мифологический сюжет библейской (а также вавилонской и до него шумерской) космогонии является отражением какого-то другого объективного процесса, который действительно имел место, но из-за его сложности и абсолютной непонятности для человека того времени приобрел такие объяснения, которые в то время казались бы понятными.

Одной из особенностей психики и разума, которая способствовала становлению и развитию именно человеческих качеств, является тяга к удовлетворению любознательности. Встречаясь в повседневной жизни с множеством явлений, люди с определенного момента своей эволюции стали задавать себе вопросы, главным из которых был — «почему?» И чем дальше шла эволюция, тем больше «почему?» возникало. И естественно, на большинство вопросов в ранние периоды истории не могло последовать истинного ответа. Но дело в том, что при отсутствии ответа человек не отбрасывал этот вопрос как неразрешимый, а начинал ощущать беспокойство от того, что то или иное явление не может быть объяснено. Вот тут-то и проявилось еще одно свойство

разума — он успокаивался при наличии любого ответа, который казался правдоподобным. История человеческой мысли знает огромное количество примеров, когда длительное время существовали иррациональные с точки зрения современной науки объяснения тех или иных явлений. Самым легким было преклонение перед некой высшей силой, которой подчинено все происходящее, включая человеческие поступки. Естественно, эта сила была антропоморфна или зооморфна, но она не могла быть такой, какой ее нельзя было бы представить. Вера в нее снимала стрессовые напряжения с людей, которые бы долго мучились, пытаясь найти тот или иной рациональный ответ на довольно простой, с нашей точки зрения, вопрос. А наиболее древним и длительным процессом, который действительно имел место и длился миллионы лет, было становление человека, его современного морфологического типа, его рационального сознания, его обособления и противопоставления всему сущему. Подсознательно человек пытался понять и этот процесс.

Каждому, наверно, известен образный пример, который благодаря таланту Ж.-Б. Мольера сделался бессмертным. Герой комедии «Мещанин во дворянстве», господин Журден, вдруг с восторгом узнает, что люди говорят либо поэзией, либо прозой; и сам он, оказывается, всю жизнь говорит прозой. Этот пример наглядно показывает, что до тех пор, пока человек не увидел или не узнал какого-то процесса, какого-то явления, они проходят мимо него, не существуют для него, не отражаются его сознанием. Человек их попросту не видит и не воспринимает. Так же точно первобытные люди не отдавали себе до какого-то момента отчета в том, что они вообще живут, что обитают в определенной среде, что окружающая их природная среда развивается по своим внутренним законам.

Творцы мифа о сотворении поставили перед собой вопрос о том, как и каким образом создавалось все сущее. Конечно, все это было приписано непонятым высшим силам, но эти высшие силы были персонифицированы для лучшего понимания процесса созидания. Наряду с этим была проведена первичная классификация всего, что окружало людей, что они к тому времени смогли зафиксировать своим сознанием. Весь мир оказался как бы поделенным на блоки, которые состояли из бинарных оппозиций — первичного инструмента познания: свет и тьма; вода верхняя и вода нижняя; суша

и растения; солнце и луна (и звезды); птицы, живущие в небе, и рыбы, живущие в воде; теплокровные звери и человек. Помимо всего, такое расчленение мира можно рассматривать как отражение процесса становления и развития человеческого самосознания.

«ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ». Существовая как составная часть природы в определенной экологической нише, человек на каком-то этапе своей эволюции ощутил и увидел последовательность дня и ночи, смену ночной тьмы светом дня. Надо думать, что первоначально первобытные люди не связывали свет с солнцем по той простой причине, что днем всегда светло, даже тогда, когда солнце скрыто облаками и его не видно на небе. Ведь если солнца не видно, то его в этот момент, с точки зрения первобытного человека, и не было, а свет был. Следовательно, не правы будут те, кто удивится тому, что бог создал солнце дважды: в первый и четвертый день творения. Первобытный человек не знал, что свет на земле существует благодаря свету солнца, и для реконструкции его мышления надо попытаться встать на место первобытного человека и взглянуть на окружающий мир с позиций и разрешающих способностей его разума. Итак, поняв и осознав цикличность времени и подсознательно почувствовав собственные суточные биоритмы, первобытный человек ощутил время. В результате смогли выработаться такие понятия, которых раньше не существовало, а нам они представляются как нечто разумеющееся само собой, — это «сегодня», «вчера», «завтра». Появилось *первичное время*, которое мы называем так потому, что дальше коротких отрезков человеческий разум еще не мог проникнуть, не мог охватить нечто большее — *время вообще*, которое можно ныне представить бесконечным в обе стороны — в прошлое и будущее.

«ВТОРОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ». Вторым этапом становления самосознания надо считать то, что человек понял и как-то сформулировал для себя понятие *пространства*, но, отделив небесные воды от земных и осмыслив небо как прозрачную твердь или плотину, препятствующую верхним водам обрушиться вниз и затопить все, что находилось внизу, он осознал пространство как бы в виде гигантского пузыря в водной среде. Появилось ощущение некоего объема, в котором находился не только человек, но и вся окружающая его природа. А раз появилось пространство, образовались и связанные с ним понятия ориентации: верх и низ, *и т.д.*

рина и длина, назад и вперед. Второй этап — становление и укрепление понятия *«первичного пространства»*. Первичного потому, что человек в своем сознании еще не расчленил его на отдельные уровни и оно представлялось ему в определенной совокупности.

«ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ». Как третий этап проникновения в окружающий мир формирующегося человеческого сознания следует объяснить сотворение суши и моря, а также всей растительности. Осознав существование времени и пространства, люди поняли, что только земля с ее растительностью является той частью пространства, на которой можно существовать. Тогда они выделили свой мир, свое место из окружающей их неживой природы — гор и пустынь, лесов и лугов, рек и морей. А растительный мир, по-видимому, первобытный человек рассматривал как нечто неразрывно связанное с покровом земли (неорганической природы), а значит, принадлежащее земле, суше. У него появилось *ощущение места*, а следовательно, связанные с ним понятия: здесь, там, горизонтальная и вертикальная плоскости и т. д.

«ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ». Сотворение светил на небесной тверди можно рассматривать как дальнейшее развитие человеком ощущения времени. Если первоначально он осознавал только сравнительно короткие отрезки времени, в которые можно было уложить сутки, несколько суток, объединенных в простейшую систему «вчера — сегодня — завтра», то теперь людскому разуму стали доступны и понятны более длительные отрезки времени. Он стал видеть месяц — законченный цикл луны от новолуния до новолуния, начал понимать смену времен года и, главное, цикличность этой смены. Еще нельзя утверждать, что человек стал отмечать солнечный цикл с возвращением солнца в одну и ту же точку неба (например, точку солнцестояния) через годовой промежуток, что очень сложно, но лунный цикл в сочетании с чередованием времен года он вполне мог заметить и если не понять, то воспользоваться этим. Появилось *вторичное время*, на этот раз — в своей протяженности.

«ПЯТЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ». Если первоначальное пространство воспринималось первобытными людьми без каких бы то ни было определяющих характеристик, то теперь человек понял, что оно заселено. Пространство дифференцировалось и стало восприниматься им как совокупность различных стихий: воды, воздуха

и подземного мира. Каждая из этих стихий не была приспособлена для жизни, но без этих стихий человек не мог существовать. Однако и в каждой из них была жизнь, свойственная только им, — в воде водились рыбы, в воздухе птицы, а подземный мир, по воззрениям того времени и значительно более поздним этнографическим отголоскам, был населен пресмыкающимися, змеями и ящерицами. Увидев и осознав реальное существование трех основных стихий, человек отделил эти миры и населявших их существ от себя. Так созда-лось *вторичное пространство*, которое отличалось от первичного своей конкретизацией.

«ШЕСТОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ». Наконец наступил шестой и последний день творения. Развитие разума достигло такого уровня, которое оставило человека, по сути дела, только в окружении млекопитающих животных, в неразрывном единстве с ними. В процессе совершенствования у людей вырабатывается комплекс понятий, связанный с принципом определения «свой — чужой», причем под своим подразумевался не член той группы, среди которой человек существовал (это придет значительно позже), а именно человек как биологический вид, к какой бы группе он ни принадлежал. Это повлекло за собой более сложную формулировку и противопоставление «Я» и «не Я», то есть под «Я» мог подразумеваться человек вообще, под «не Я» — всякое живое существо, не принадлежащее к понятию «человек». Тут уже рукой подать до того момента, когда люди полностью выделили себя из животного мира, а затем противопоставили себя ему. Так *человек создал человека*, а так как он тогда не мог этого понять в силу своего умственного развития, то и приписал всю эту деятельность высшим силам, то есть Богу, которого создал по образу и подобию своему.

* * *

Таковы основные вехи становления самосознания. Надо сказать, что уже сейчас можно определить то время, в которое укладывается весь процесс биологического и социального сложения человека. Это хорошо известно: начало процесса можно совместить с переходом на путь очеловечивания, а конец — с окончанием формирования современного морфологического типа человека, становления *Homo Sapiens*. К началу собственно исторического процесса, который относится ко вре-

мени перехода к производящему хозяйству, человек подошел уже в законченном современном виде, более того, с уже выработанным комплексом определенных производственных навыков. Другими словами, почти все указанные вехи можно заключить в рамки доистории и предыстории человеческого общества. Мы не беремся определить, когда произошли те или иные явления в становлении самосознания, то есть не пытаемся наложить на предложенные нами опорные вехи какие-либо культурные периоды первобытной археологии. Однако можно предположить, что осознание первичного времени, первичного пространства и определение местоположения — первый цикл самосознания — произошли на доисторической ступени общества, а именно в процессе формирования современного физического типа человека. Что же касается вторичного времени, вторичного пространства и, наконец, момента осознания своего «я», — второй и окончательный цикл самосознания, — то это могло произойти в пределах предысторического периода, когда в физическом отношении человек уже сформировался и происходило его социальное развитие в рамках первичной родовой организации. Не исключено поэтому, что и тотемизм надо рассматривать в качестве отголоска той эпохи, когда человек еще только начал отделять себя в сознании от животного мира в ходе второго цикла самосознания. Происходит это одновременно со становлением родовой организации общества, то есть в археологическом отношении не ранее, чем в эпоху верхнего палеолита, что согласуется и с развиваемыми выше взглядами.

Как бы то ни было, представляется весьма перспективной попытка совмещения этапов развития первобытного общества с этапами становления человеческого самосознания, которые мы попытались выделить. Разработка этого вопроса потребует проведения большого комплекса изысканий.

Сходство ранних мифов о сотворении мира и людей у разных в этническом отношении народов (эти примеры можно почерпнуть из книги Дж. Фрезера «Фольклор в Ветхом завете», написанной в 1918—1919 годах и изданной на русском языке в 1986 году) как раз и может служить доказательством того, что процесс самосознания проходил в первичных очагах одинаково и, естественно, вызвал одинаковое преломление общественного бытия в общественном сознании.

Глава 8

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

В 1927 году на Международном конгрессе генетиков выдающийся советский биолог, первый лауреат Ленинской премии (1926 год), сорокалетний академик Николай Иванович Вавилов сделал доклад «Географические центры наших культурных растений». Изложенные в нем идеи стимулировали работу палеоботаников и историков многих стран последних десятилетий. Даже спустя почти 30 лет один из крупнейших специалистов по происхождению культурных растений Э. Шиманн назвала этот доклад «огромным импульсом как общему исследованию культурных растений, так и новым мыслям о проблематике прарощиц». Импульс, действительно данный Н. И. Вавиловым более 60 лет назад, до сих пор приносит свои положительные результаты и

свидетельствует о том, что его идеи блестяще выдержали экзамен во времени.

В 1937 году Н. И. Вавилов изложил свою теорию для американского журнала «Азия» в наиболее сжатом виде. Он писал, что, поскольку из 640 важнейших культур земли около 500 произошли из Азии, в ее пределах он установил пять важнейших центров происхождения культурных растений.

Первым является Китайский (сюда включены горные районы Центрального и Западного Китая и прилегающих равнин) — родина 140 различных культурных растений, в том числе проса, горчицы, соевых бобов и многих овощей. Здесь же родина некоторых цитрусовых растений, чая, камфарного дерева, тунгового маслянистого дерева и очень ценного волокнистого растения рами. А кроме того, нет других районов, настолько богатых дикими плодовыми деревьями, как собственно Китай.

Второй центр происхождения культурных растений — Индостан, включающий Бирму и большую часть Индии (без Северо-Западной Индии). Это родина риса, а также многих бобовых культур, манго, сахарного тростника, лимонов, апельсинов и других.

Третьим центром является Индо-Малайский (Индокитай, Филиппины и Малайский архипелаг с такими большими островами, как Ява, Суматра и Калимантан). Некоторые культуры, такие, как бананы и цитрусовые, имеют мировое значение.

Четвертый центр — Центральноазиатский, включающий Северо-Западную Индию, Афганистан, горную часть Советского Туркменистана и часть Восточного Туркестана. Этот центр не так богат видами, но очень интересен, потому что здесь родина мягкой пшеницы. Кроме того, отсюда же происходят такие бобовые культуры, как обычный или садовый горох, нут, чечевица и другие.

Пятый центр — Юго-Западно-Азиатский, включающий Малую Азию, Закавказье, Иран и Западный Туркменистан. Он замечателен прежде всего своими видами пшеницы, устойчивыми к различным болезням. В Советском Союзе особенно много различных ее видов встречается в Армении, которая, несомненно, является основной родиной культурной пшеницы. Малая Азия и Закавказье — районы происхождения ржи. Она представлена здесь большим количеством видов и разновидностей.

Юго-Западная Азия является также родиной европейских плодовых культур: винограда, груш, слив, черешни, граната, айвы, грецкого ореха, миндаля и инжира. Здесь же родина кормовых трав, таких, как люцерна, земляничный клевер и вика. Малая и Средняя Азия — родина всего мирового богатства дынь.

Дополнительно к этим пяти азиатским центрам происхождения культурных растений Н. И. Вавилов установил четыре центра в других частях мира: Средиземноморский, Абиссинский, Центральноамериканский и Перу-Боливийско-Эквадорский. Центральноамериканский центр знаменит как родина кукурузы, а из Перу-Боливийско-Эквадорского происходят различные виды картофеля.

Интересно отметить, что все основные центры происхождения культурных растений и прирученных животных разделены пустынями и высокими горами. Юго-Западно-Азиатский центр отделен от Центральноазиатского центра пустынями Западного Афганистана, Восточного и Центрального Ирана. Центральноазиатский центр отделен от Индостанского центра пустыней Тар.

«Растения, их разновидности, — писал Н. И. Вавилов в другой работе, — не так легко переносимы из одной области в другую; несмотря на многие тысячелетия странствования народов, нет никаких затруднений в установлении основных очагов, центров формирования большинства культурных растений». Так, мягкая пшеница — одно из основных культурных растений земли с самых древних этапов земледелия до современности — насчитывает более 60 разновидностей на Переднем Востоке, особенно в Афганистане и прилегающих районах Таджикистана и Туркменистана. На основании концентрации сортового разнообразия Н. И. Вавилов определил, что именно эти горные области и были родиной пшеницы. Поэтому он предлагал выделить Юго-Западно-Азиатский очаг происхождения и возникновения земледелия. Отсюда происходит не только пшеница, отсюда распространились по всему свету ячмень, рожь, лен, люцерна, шабдар, персидский клевер, яблоня, груша, гранат, айва, черешня, виноград и многие огородные растения.

До исследований Н. И. Вавилова было широко распространено мнение о том, что земледелие возникло в речных долинах, прежде всего в долине Нила и в Месопотамии. Николай Иванович выдвинул, развил и обосновал иной взгляд на эту проблему. «Вдумываясь в

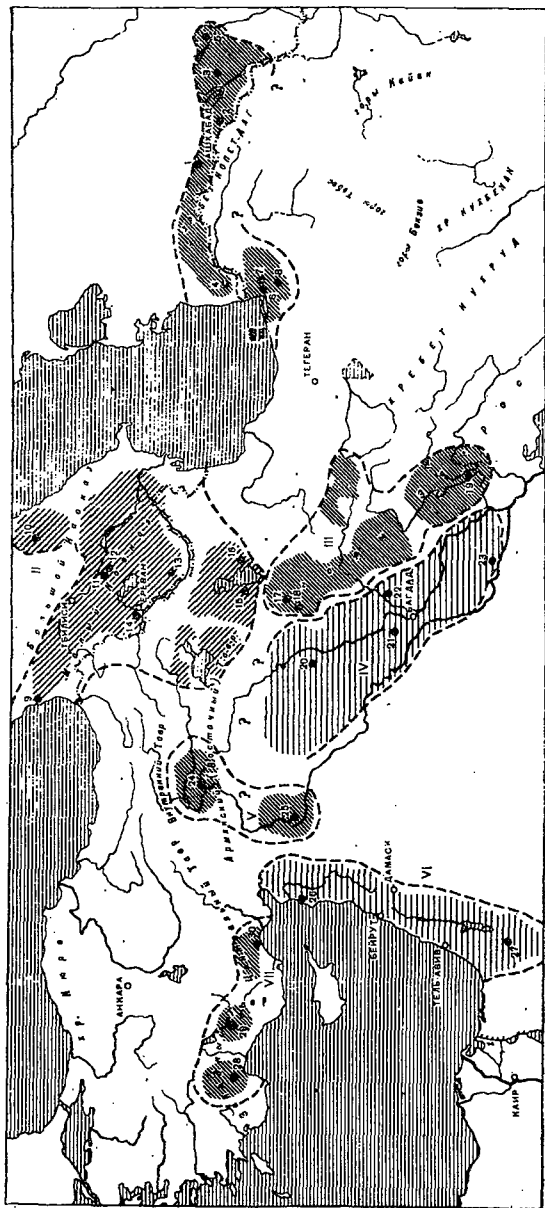

Схема расположения древнейших центров становления оседлого земледелия на юге СССР и Ближнем Востоке
(по работе Г. Н. Лисицыной)

процесс развития земледелия, — писал он, — мы неизбежно должны признать, что периоду великих культур, объединяющих многоплеменные составы населения, предшествовал естественный период обособленной жизни в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными убежищами». Ставя вопрос, в каких природных зонах земли образовались очаги земледельческих культур, он отвечает и на него. «Во влажных тропиках и субтропиках, где обосновались первые земледельческие культуры, развиваются преимущественно травянистые виды, к которым относится большинство важнейших культурных растений земли. Горный рельеф благоприятствовал жизни небольшими группами; с этой фазы начиналось развитие человеческого общества. Первобытный человек, первобытный земледelec жил незначительными изолированными группами, и для него горные тропики и субтропики представляли исключительно оптимальные условия. Исследование древних земледельческих культур приводит нас к заключению, что первобытное земледелие было неполивным».

Подводя итог изложению теории Н. И. Вавилова, надо все же отметить, что не все установленные им центры происхождения культурных растений оказались одинаково древними и одинаково ценными для человечества. Тем не менее это были совершенно реальные области и каждая из них ввела в культуру мирового земледелия те или иные растения, в каждой из них самостоятельно существует земледелие с того или иного исторического момента на конкретной растительной базе. Удивительным и замечательным является то, что свои взгляды Н. И. Вавилов излагал тогда, когда основные археологические исследования, в частности на Переднем Востоке, еще не были проведены. Все это доказывает правоту слов его учителя академика Д. Н. Прянишникова: «Николай Иванович — гений, и мы не сознаем это только потому, что он наш современник». Наше поколение, которое, к сожалению, не может считать Н. И. Вавилова своим современником, уже полностью может это и осознать, и признать.

В отношении центров происхождения домашних животных вопрос более ясен. Дикie предки домашних овец имеются только в Азии: это муфлон, который сейчас распространен в северной части Средиземноморья; его разновидность, которая ныне обитает в гористых областях Передней Азии от Анатолии до Эльбурса и в

Загросских горах; родиной третьей разновидности — азиатского уриала (длиннохвостой овцы) — являются северные склоны Эльбурса, Туркестан, Афганистан, Белуджистан и Пенджаб. Кстати, в последнем ареале находится родина домашних коз, где и поныне проживает их родоначальник — безоаровый козел. Что же касается происхождения крупного рогатого скота, то сейчас совершенно определенно установлены его основные центры — Индийский, Юго-Западно-Азиатский и Средиземноморский.

Даже непосвященному в глубину проблемы возникновения производящего хозяйства должно быть ясно, что оно не могло возникнуть на пустом месте, то есть там, где не произрастали пригодные для окультуривания растения (прежде всего злаки), там, где не водились пригодные для одомашнивания животные (прежде всего мелкие и крупные копытные). Значит, переход к этому хозяйству мог произойти только там, где были для этого объективные условия. А они существовали именно в областях Переднего Востока и были исключительно благоприятными, поскольку ареал диких злаков оказался совмещенным с ареалом пригодных для одомашнивания животных. Слегка отвлекаясь от нашей основной темы, следует сказать, что переход к производящему хозяйству в других, пусть даже смежных, областях мог произойти только в том случае, если живущему там населению с присваивающим хозяйством были переданы в готовом виде не только злаки и скот, но и умение обращаться с ними. Иными словами, переход к производящему хозяйству мог произойти двумя путями: самостоятельно — в районах, где были для этого естественные условия, — и путем воздействия со стороны обществ с новым типом хозяйства на те, которые по уровню своего развития оказались не только вынужденными, но и способными перейти к производящему хозяйству.

Таким образом, в свете достижений археологии, палеогеографии, палеозоологии и палеоботаники представляется бесспорным, что на земном шаре было три спонтанных и первоначальных очага становления производящей экономики: Передне-Восточный (Юго-Западно-Азиатский), Восточно-Азиатский (Китайский) и Американский. Выделение именно этих очагов кажется нам наиболее логичным и правомерным, а главное, более соответствующим действительному историческому процессу. Каждый из них является центром формирования

производящей экономики одного из основных расовых стволов человечества. Так, в Передне-Восточном очаге складывалось производящее хозяйство европеоидной большой расы, в Восточно-Азиатском — монголоидной расы и в Американском — индейского ствола монголоидной расы. Вопрос о центре сложения производящего хозяйства африканской (негроидной) расы пока еще не может считаться решенным.

В глобальном масштабе переход к производящей экономике носил полицентрический характер. Однако далеко не так просто обстояло дело в каждом из названных очагов в отдельности, в частности в Передне-Восточном, о котором мы и ведем наше повествование. Здесь процесс возникновения производящей экономики был достаточно долг — IX—VI тысячелетия до н. э. — и протекал на обширной территории от Восточного Средиземноморья до Гиндукуша, где выделяются конкретно-исторические области. В них археологи отмечают известное своеобразие материальной культуры живших там людей и известную асинхронность этих культур. Палеоботаник Г. Н. Лисицына, проведшая огромный объем исследований в разных районах Передне-Восточного очага возникновения производящего хозяйства (Южный Туркменистан, Юго-Восточный Прикаспий, Закавказье и Северная Месопотамия), считает, что этот очаг можно разделить на семь древнейших районов становления экономики нового типа: Южно-Анатолийский, Восточно-Анатолийский, Восточно-Средиземноморский, Загросский, Месопотамский, Южно-Кавказский и Прикаспийский. Однако в каждом из названных районов переход к производящему хозяйству совершался практически одинаково, так как близкими были и палеогеографические условия, и исходные формы культурной флоры и фауны. Исходя из конкретных археологических фактов не только можно, но и нужно для удобства исследования расчленить огромную территорию Передне-Восточного очага на районы разных археологических культур, разных этнических ареалов. Но за пестрой мозаикой этих ареалов, которых может быть любое количество, никогда не следует забывать о том, что весь Передний Восток является монолитным и единым очагом перехода европеоидной расы от присваивающей экономики к производящей. Так что диалектичность перехода к земледелию на Переднем Востоке заключается в том, что, с одной стороны, Передний Восток является, бесспорно, единым центром, но, с другой сто-

роны, процесс окультуривания злаков и приручения животных протекал там в течение многих веков.

В общеисторическом и философском плане переход к производящей экономике незначительного населения в ограниченных районах планеты был революционным шагом, и его, выражаясь словами Ф. Энгельса, можно смело назвать первым крупным общественным разделением труда. Но каждый мало-мальски знакомый с проблематикой древней истории может сказать, что Ф. Энгельс считал первым крупным общественным разделением труда выделение пастушеских племен из общей массы варваров. Однако это недоразумение только кажущееся — Ф. Энгельс был одним из самых образованных людей своего времени и к тому же вооруженный материалистической диалектикой, которую он образцово применил к интерпретации исторических процессов дописьменной истории. В своих трудах он исходил из принятой в то время теории «трех ступеней», согласно которой первобытную охоту сменило скотоводство. Поэтому его знаменитое хрестоматийное высказывание следует понимать так: племена с производящим хозяйством выделились из остальной части варваров с присваивающим хозяйством. Это было первое крупное общественное разделение труда. Выделение скотоводческого хозяйства явилось важной вехой истории человечества, однако это было уже вторым крупным общественным разделением труда.

Мы умышленно несколько отвлеклись от основной темы — рассмотрения проблемы становления производящей экономики на Переднем Востоке, чтобы, обратившись к работам Николая Ивановича Вавилова показать, что его достижения еще не могут быть заменены никакой более современной теорией. Теперь мы вновь возвращаемся на территорию Переднего Востока, чтобы проанализировать исторические события ранних этапов человеческого общества.

Глава 9

В РАЙСКИХ КУЩАХ

Итак, в оптимальных экологических условиях горных районов Переднего Востока жили коллективы людей, которые еще не пришли к порогу производящего хозяйства. Это были охотники и собиратели позднего каменного века. Их хозяйство целиком базировалось на присвоении готовых продуктов природы. Ранние археологические памятники, охарактеризованные выше, дают наглядное представление об их образе жизни. Этот охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ быт позволил при помощи широкого применения данных этнографии восстановить социальные отношения в первобытных сообществах.

Принято считать, хотя и не единогласно, что в начале верхнего палеолита (позднего каменного века) заканчивается формирование человека современного типа и одновременно с этим складывается первичная соци-

альная организация человечества — род. Вопрос о сущности рода еще обсуждается, и его нельзя считать решенным. Скорее всего, род — это особый социальный организм, объединяющий в единое сообщество какую-то группу людей двумя формами связей, которые проистекают из двуединой сущности самого человека. С одной стороны, он является объектом биологическим, поскольку у него сохраняются и поныне и впредь основные механизмы, свойственные любому представителю органической природы: человек должен питаться для обеспечения своего существования в пространстве и размножаться для обеспечения своего существования во времени. Ему, как и любому живому организму, свойственны защитные рефлексy, генетически закодированные эволюцией. С другой стороны, человеку, и только ему, свойственна сознательная и разумная производственная деятельность, и это противопоставляет его всему органическому миру. Значит, род можно считать такой организацией человеческого общества, в которой все ее члены объединены по родственному и производственному признакам.

Одним из определяющих показателей рода является экзогамия, то есть запрещение под страхом смерти брачных отношений внутри рода. Но так как брачные отношения были совершенно необходимы для продолжения человеческого рода, а родовые коллективы существовали во множестве, то совершенно ясно, что повсеместно возникали дуально-брачные системы — единственно возможная организация того времени. С одной стороны, каждый род являлся производственным коллективом действительных родственников со строгой экзогамией; с другой — представлял собой половину дуально-брачной системы, в которой все мужчины могли быть потенциальными (а может быть, и действительными) мужьями любой женщины другого, вероятнее всего соседнего, рода, и наоборот. При таком положении отец детей не только никогда не был известен, но неизвестна была и его причастность к деторождению; мать же была известна всегда. Поэтому счет и установление родства велись только по женской линии, — это и есть материнский род. Не вдаваясь в детали проблемы, есть все основания полагать, что каждый род (производственный коллектив родственников) был связан с другим подобным социальным организмом брачными отношениями. Эти отношения в целом нельзя считать прочными: двоичные брачные системы были сравнительно лег-

ко расторгимы, поскольку при тогдашнем образе жизни неизменным оставался только железный закон экзогамии. Для брачных же отношений годился любой другой род, с которым не могло возникнуть никаких иных связей, кроме брачных.

Родовые коллективы людей с присваивающей экономикой и материнским счетом родства в силу естественно-биологических причин непрерывно и неуклонно возрастали численно, хотя этот процесс был довольно медленным и незаметным для каждого поколения. Увеличивающееся количество людей в роде и по-прежнему слабо развитые производительные силы, которые переставали обеспечивать и без того малой долей пищи всех членов коллектива, приходили в противоречие. Единственным возможным выходом стало уменьшение количества людей в коллективе, а это могло быть достигнуто двумя методами — физическим уничтожением «лишних ртов» или дроблением рода. Первый метод был совершенно исключен, поскольку и экзогамия-то появилась во многом для того, чтобы под воздействием половых инстинктов внутри рода не происходили убийства мужчин на почве соперничества из-за женщин, что, естественно, ослабляло бы род. Оставался только второй метод — род дробился, и в результате этого производственный коллектив распадался на две части. Составлявшие род люди попросту делились на две группы, которые расходились в разные стороны на какое-то расстояние. Родство таких групп не фиксировалось в сознании индивидуумов, поскольку при социальных отношениях раннего этапа человеческого общества господствовал как единственно возможный дислокальный брак — мужчины и женщины двух взаимно связанных брачными отношениями родов, вступая в половые отношения, не понимали еще их результатов. Женщины возвращались в свои производственные коллективы и там рожали детей, дети принадлежали к роду женщин по признаку рождения. Роль мужчины в рождении детей еще не была осознанной. Скорее всего, мужчина воспринимался как физически более сильный добытчик и, естественно, защитник.

Такое дробление, как мы видим, не приводило к каким-либо качественным социальным сдвигам. Процесс протекал стихийно, непрерывно, напоминая своей хаотичностью молекулярное движение, поскольку на обширной территории со сходными географическими и экологическими условиями существовало большое ко-

личество сравнительно малочисленных родовых социальных организмов. Если же эту территорию рассматривать в качестве целого, то все отдельные дробления как бы сливались в один процесс. Дробление рода можно также назвать механической сегментацией, поскольку оно приводило только к механическому увеличению количества родовых коллективов, а значит, и дуально-брачных систем, не изменяя их сущности. По земле распространялись новые родовые социальные организмы, которые осваивали пригодные для жизни места.

На обширной территории Переднего Востока, особенно в районах, которые являлись биологическими центрами происхождения культурных растений и домашних животных, процесс механической сегментации приводил к увеличению не только численности населения в целом, но и количества охотничьих коллективов. Постепенно все места, пригодные для жизни и ведения привычной формы хозяйства (охоты и собирательства), оказались занятыми. Положение стало критическим, так как территория увеличиться не могла, как не могло увеличиться поголовье диких животных и прочих жизненно необходимых ресурсов. Реальное количество пищи на каждого сократилось, что вызвало постоянное и прогрессирующее голодание.

Один из путей преодоления кризиса был заложен в собирательстве, которое первоначально служило подспорьем в добывании пищи; им занимались женщины в окрестностях своих поселений. Постепенное увеличение доли растительной пищи в рационе первобытного человека произошло отнюдь не от хорошей жизни, и предполагать, что человек стал учиться варить кашу, печь хлеб при полном достатке мясной пищи просто так, из любопытства, было бы попросту наивно. Это могло произойти только от хронической нехватки мясных продуктов. До каши или хлеба было еще невероятно далеко, и человек для утоления голода вынужден был употреблять растительную пищу в сыром или почти сыром виде. Постоянные сборы растительных продуктов превращались в систему. Параллельно изобретался, осваивался и совершенствовался весь сложный комплекс специфических орудий, от составного вкладышевого жатвенного ножа до монолитного растирательного камня. Более того, наблюдая из года в год все явления в растительном мире, у первобытных высокоразвитых собирателей накапливался и передавался из поколения в поколение опыт; оформлялся комплекс взглядов на объ-

ект приложения усилий. Процесс был сложным и длительным, так как человек не сразу заметил и понял закономерность, что упавшее в землю зерно дает на следующий сезон росток, стебель, колос и умноженное количество таких же зерен. Не сразу была замечена взаимосвязь явлений природы — дождей или засухи — и урожая злаков; не сразу человек понял причинно-следственные связи растительного мира. Предпосылки этих знаний, однако, возникли задолго до того, как люди от сбора злаков перешли к их искусственному выращиванию.

И наконец, человек, который в силу объективных причин вынужден был если не перейти к растительной пище, то в большом количестве включать ее в свой рацион, приобрел, не подозревая того, своеобразную опору, трамплин, для позднейшего перехода к цивилизации. Сейчас установлено, что углеводы помимо высокой калорийности (1 грамм дает 4,2 калории энергии) выполняют в организме многие важные и специализированные функции. В растениях есть витамин С, углеводы препятствуют проникновению болезнетворных бактерий сквозь оболочки клеток, играют весьма важную роль в процессе оплодотворения, препятствуют свертыванию крови в сосудах, способствуют развитию иммунитета и многое другое. Как можно заметить, только перечисленные свойства различных групп углеводов значительно способствовали биологическому прогрессу, качественному совершенствованию людей в тех местах, где происходил переход к растительной пище, где запасы ее были достаточны. Так, перейдя к употреблению растительной пищи под действием закона биосоциальной необходимости, человек во многом улучшил свои качества и передал их потомству зафиксированными в генах, что можно в какой-то степени приравнять по результатам к положительной мутации. Такие коллективы людей приобрели определенный, сначала незначительный и незаметный, приоритет перед теми, кто продолжал придерживаться преимущественно охотничьего хозяйства.

Другая отрасль присваивающего хозяйства, а именно охота, при определенном усилии также могла быть интенсифицирована, правда в несколько условном значении этого слова. Дело в том, что при увеличении количества населения и прежнем уровне поголовья диких животных — постоянных объектов охоты — на каждого члена коллектива приходилось все меньше дичи. На

добывание, скажем, козла теперь требовалось затратить в несколько раз больше времени, энергии и сил. Уже не стало окрестностей, изобилующих дичью, и охота затруднилась. Все это видели первобытные охотники... Из создавшейся ситуации был выход.

Во-первых, усовершенствование орудий охоты. Однако археологические свидетельства не дают оснований утверждать, что древние охотники пошли по этому пути, поскольку возможности как кремневой индустрии, так и техники эпохи верхнего палеолита были, надо полагать, исчерпаны и доведены до относительного совершенства. Охотники не смогли улучшить свои охотничьи орудия в противоположность орудиям для обработки продуктов собирательства.

Во-вторых, искусственное создание большего поголовья дичи в непосредственной близости от места жительства людей. Но насильственный пригон диких животных был малореален: их невозможно было удерживать на определенных местах, в определенных границах той или иной охотничьей территории. Вторжение же в пределы чужой территории было небезопасным, поскольку она, надо думать, в создавшейся полуголодной ситуации тщательно охранялась. Единственно реальной была возможность сохранения тех диких животных, которые по какой-либо причине попадали в руки охотников живыми. Как это было сделано впервые, сказать трудно, но человек убедился, что поблизости от дома можно иметь запас живого мяса, такие живые «консервы» первобытного времени. По мере надобности из этого запаса люди могли изымать зверя, убивать его и съедать. Оказывается, оставляемые в живых животные относительно быстро привыкали к неволе и начинали размножаться. Это было главным открытием охотника и явилось стимулом к превращению охоты в скотоводство. От двух особей человек смог теперь получать таких же животных, которые подрастали, становились пищей, а их родители снова восстанавливали живой мясной запас. Вот почему в слоях закаспийских и загросских пещер, использовавшихся древними охотниками для жилья, археологи находят при раскопках кости молодых особей; вот почему такие находки принято считать надежным показателем начала приручения животных. С этого момента начался процесс, который с легкой руки одного из крупнейших историков доисторического периода прошлого поколения Гордона Чайлда получил название «неолитическая революция».

На обширных пространствах Переднего Востока существовали разнообразные климатические и ландшафтные зоны, и население этих мест жило в различных экологических условиях, своего рода замкнутых мирах. Волей исторического жребия коллективы с одним и тем же экономическим базисом оказались в неодинаковых условиях для ведения охотничьего и собирательского хозяйства. Можно наглядно представить, что охотничья территория одного рода (может быть, иногда дуально-родовой системы) изобиловала дикими козлами, а другого — нет; что на территории одного рода имелись заросли диких злаков или фруктов, а на территории другого — нет. Как бы то ни было, экологические условия того или иного родового коллектива, ведущего присваивающее хозяйство, оказались решающими при определении его дальнейшей исторической судьбы, прежде всего при переходе к производящему хозяйству.

Рассматриваемая территория, как уже говорилось, была центром распространения пшеницы и ячменя. Дикие формы этих злаков произрастали там обширными естественными полями. Еще в начале XX века географы и путешественники отмечали огромные поля дикого ячменя на территории современного Южного Туркменистана. Однако было бы неверным полагать, что они были равномерно распределены по всей территории горных районов Переднего Востока. Охотничье-собирательские родовые коллективы, которые жили поблизости от таких естественных запасов растительной пищи в период уменьшения количества мясной, оказались тем самым в значительно лучших условиях, чем другие. Сама природа как бы предоставила в их распоряжение самонаполняющиеся кладовые, мимо которых в период наступившего мясного кризиса и общего полуголодного существования человек пройти не мог. Они-то и стали теми центрами, вокруг которых постепенно оседали (вернее, задерживались) какие-то коллективы людей и начинали их эксплуатировать, превращаясь вследствие этого в собирателей с полуоседлым образом жизни. Известный немецкий этнограф Юлиус Липс предложил называть их «народами — собирателями урожая». Он доказал, что такие народы¹ существовали повсеместно до последнего времени и представляли собой естествен-

¹ Употребляя в данном контексте этнические термины «народы» и «племена», автор придерживается терминологии Ю. Липса; не вникая в действительную сущность того или иного термина, их надо принимать в общепотребительном значении.

ное звено эволюционной цепи между народами с присваивающей и производящей экономикой.

Существуют народы, писал он, основываясь на этнографических материалах до первой трети XX века включительно, которые в силу характера их хозяйства как бы образуют недостающее звено между охотниками и собирателями, с одной стороны, и народами с производящей формой хозяйства — с другой. Добывание пищи у них основано на собирании больших количеств одного или нескольких дикорастущих видов, которые служат главным источником их пропитания в течение всего года. Они не скотоводы и не земледельцы, но строят свое хозяйство на планомерном, а не случайном собирательстве одного или нескольких видов диких растений.

Народы, экономика которых основана на сборе урожая, жили во всех частях света: в Африке, Австралии, Северной и Южной Америке. В Африке до сих пор собирают урожай дикого риса и употребляют его для выпечки хлеба. Исследователи различают там три сорта риса, который является преимущественной пищей в тропической зоне, хотя его никто не разводит. На базарах в Сенегале дикий рис до недавнего времени был важным предметом торговли и ценился выше, чем рис, собранный с искусственных полей.

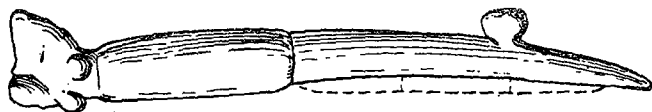
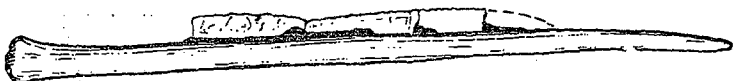
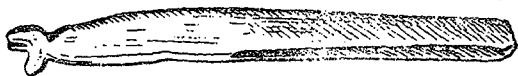
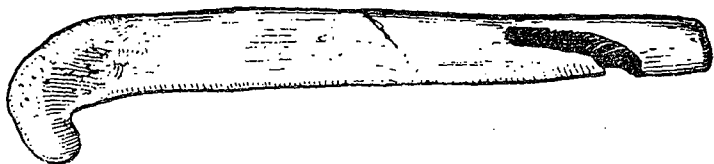
В Австралии собиратели урожая встречаются главным образом в восточных, южных и северных областях. Они собирают корни дикого ямса, семена нарду, корни лилии, плоды бунья-бунья, плоды саговников и другие. Характерно, что собранные растительные продукты либо хранятся в их обычном виде, либо обрабатываются так, чтобы их можно было сохранять в течение целого года и употреблять в качестве главного пищевого продукта. (Правда, некоторые советские этнографы, в частности С. А. Токарев, не согласны видеть в хозяйстве австралийцев именно эту форму. — И. Х.)

Полинезийцы не могли бы существовать на коралловых атоллах, если бы на них не произрастали в диком состоянии так называемое хлебное дерево и саговая пальма. В Гран-Чако, в Южной Америке, собирают альгаробу и туску, в то время как арауканцы и древние перуанцы собирали преимущественно дикий картофель. К растениям, имеющим важнейшее значение, принадлежат дикорастущий водяной рис, кедровые орехи и желуди, урожай которых собирают в Северной Америке. К ним добавляются ряд других растений и пло-

дов, в том числе стручки мескитного дерева, коренья мескаля, клубни прудового камыша и различные семена дикорастущих растений. Племена, живущие в восточной части Центральной Калифорнии, собирают главным образом желуди и кедровые орехи. До самого последнего времени эти племена вообще не знали, что такое голод.

Но главным продуктом все же являлся дикорастущий водяной рис, урожай которого собирали североамериканские индейцы в изобилующих озерами районах северной части Центрального Запада. Согласно Ю. Липсу, еще в 1683 году патер Энепэн записал в своем дневнике: «В озерах растет множество дикого риса, который не сеют и вовсе не возделывают. Старые индейцы рассказывали мне много интересных историй об этих рисовых полях и о том, что между сиу и чиппавеями (оджибве) происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими полями». Название августа у оджибве означает «месяц жатвы риса», а сама жатва ежегодно является важнейшим событием всей экономической жизни этих народов. В старые времена женщины связывали в пучки созревший в озере рис для того, чтобы предохранить сидящие в своем гнезде зерна от бурь и водяных птиц и в дальнейшем облегчить жатву. И теперь, когда наступает великий день жатвы, вождь с соблюдением всех церемоний призывает сборщиков жатвы собираться в путь, после чего они получают право выехать на озеро, чтобы возвратиться в точно назначенное время. Лодки медленно передвигаются по рисовым полям при помощи длинных шестов. В это время женщины двумя вырезанными из кедрового дерева палочками сбивают зерна в лодку, не повреждая и не вырывая самих растений. Сразу же по возвращении зеленый рис сушат на открытом воздухе на больших циновках из тонкой березовой коры. Затем, чтобы отделить от зерен ость и мякину, рис поджаривают в огромном железном котле на сильном огне. Потом зерна отвеивают в больших берестяных корзинах. Вслед за этим зерна топчут ногами в ямах или во врытых в землю деревянных чанах. После этого зерна риса провеивают вновь, окончательно очищая от мякины.

В отличие от собирателей и охотников, подметил Ю. Липс, которые постоянно кочуют по своей племенной территории и живут, перебиваясь со дня на день, собиратели урожая в дни изобилия думают о предстоящих днях нужды и заботятся о будущем, тщательно за-

Древнейшие костяные серпы с кремневыми вкладышами

готовляя драгоценную пищу на голодное время года. Они селятся в определенных местах, то есть в непосредственной близости от жатвенных полей, часто простирающихся на много сотен квадратных километров. И какие бы виды растений ни добывали различные народы с такой экономикой, огромное влияние этой формы хозяйства на их общее культурное развитие не вызывает сомнений.

Хотя эти народы не дошли еще до настоящего земледельческого хозяйства, все же роль диких растений

в их жизни в корне отлична от таковой у собирателей и охотников; психологически они относятся к ним почти так же, как и земледельцы. Сбор урожая диких растений жизненно необходим для них, и они прославляют эти растения в своих обрядах, всячески стараясь способствовать их умножению. Так, западноавстралийские племена собирателей урожая при сборе ямса вновь закапывают в землю отдельные клубни, а у оджибве во время сбора риса в плодородное илистое дно их озер падает больше зерен, нежели в их лодки. Тем самым индейцы бессознательно создают условия для получения урожая в следующем году.

Вблизи жатвенных полей расселяется все больше и больше соплеменников. Члены племени селятся общинами, по размерам своим намного превосходящими общины собирателей и охотников. Так, например, виннебаго часто живут группами, насчитывающими до трех-

МОТЫГИ

ТЁСА

КРЕМНИ

Древнейшие сельскохозяйственные каменные орудия

сот и более человек, а на Новой Гвинее вокруг зарослей диких саговых пальм проживает в общих поселениях по тысяче человек племени оботос и вакатими. В Северной Америке расселение племен сиу и алгонкинов было связано главным образом с наличием полей дикого риса. Переселения целых народов по океаническим просторам Полинезии стали возможны только благодаря хлебному дереву.

Лишь собиратели урожая, которые жнут не сея, собирательский труд которых так сходен с деятельностью земледельцев, могли быть первыми изобретателями земледелия. Это подтверждается еще и тем, что хозяйственный уклад этих народов создавал предпосылки для скотоводства. У собирателей и охотников, непрерывно занимающихся поисками пищи, не могла развиться любовь к животным, на которых они охотились. Чтобы поддержать свое существование, им приходилось сразу же убивать всякую съедобную дичь, попадающую им в руки. Напротив, припасы, заготовленные собирателями урожая и составлявшие основную пищу, спасали их от голода и нужды. Поэтому у них скорее могло появиться заботливое отношение к животным. Таким образом, только собиратели урожая располагали необходимыми предпосылками для развития земледелия и скотоводства. Более чем вероятно, что земледелие и скотоводство берут свое начало от этой прогрессивной формы присваивающего хозяйства. В настоящее время мы уже не можем установить, в каком именно месте этот процесс получил свое начало, хотя, судя по многим признакам, это происходило в Южной или Центральной Азии (надо думать, что Ю. Липс имел в виду Среднюю Азию и Передний Восток. — И. Х.).

При всех неоспоримых заслугах Ю. Липса, его все же нельзя считать монополистом в установлении и правильном объяснении сущности племен с промежуточной формой хозяйства. Одновременно с его первыми исследованиями появилась работа советского ученого А. Н. Максимова, в которой разбиралась хозяйственная деятельность австралийцев и на основе этнографических фактов были сделаны некоторые общеисторические выводы. Максимов писал, в частности, о том, что скотоводство не может зародиться там, где нет пород животных, приручение и одомашнивание которых могло бы доставить человеку какие-нибудь реальные выгоды; о том, что оставление запасов впрок делало присваивающее хозяйство особенно устойчивым; о том, что все

операции сбора и обработки продуктов собирательства могут быть хорошо известны, хотя и нет возделывания полей и специальных посевов на них; наконец, о том, что переход к земледелию нельзя рассматривать как революцию, поскольку все приемы и навыки обработки продуктов были уже хорошо разработаны.

Подводя итог исследованиям Ю. Липса и А. Н. Максимова, следует отметить, что хозяйство коллективов людей, названных собирателями урожая, представляло собой нечто среднее, промежуточное между присваивающим и производящим хозяйством, обладающее чертами того и другого. С одной стороны, черты присваивающего хозяйства заключались в отсутствии искусственного посева и в сборе урожая дикорастущих злаков; с другой — черты производящего хозяйства можно видеть в сборе урожая на одном и том же месте, с одного и того же поля из сезона в сезон. Сбор такого естественного урожая, хотя он и не прослеживается на конкретных археологических материалах, безусловно имел место. Можно, однако, допустить существование каких-то определенных действий людей, направленных на сохранение и увеличение этого урожая, например нарочитый сбор не всех колосьев, их искусственное обтряхивание. Последние действия могли принимать форму своеобразной жертвы определенному божеству, предку или другому персонажу, от которого, по мнению собирателей урожая, зависело их благополучие. Такие естественные поля стали стимуляторами для прекращения того полубродячего образа жизни, который, как принято считать, вели коллективы с присваивающей экономикой. Кроме того, эти поля могли являться своеобразной приманкой для травоядных животных — диких форм будущего домашнего скота, что создавало определенное насыщение дичью этих мест по сравнению с другими районами. Таким образом, места естественного произрастания злаков стали центрами не только формирования культурных растений, но и основными очагами перехода от присваивающего хозяйства к производящему.

Возвращаясь к библейскому мифу о жизни «прародителей» в раю, но уже вооруженные знаниями о том, как в действительности проходила подготовка части населения Переднего Востока к производящему хозяйству, можно отметить следующее. Районы Северной Месопотамии не были избранным краем с «райскими» условиями, где первобытные люди могли существовать

за счет использования готовых продуктов природы. Это имело место во всем регионе, включая южные области Средней Азии. Более того, этнография фиксирует такие же возможности во многих уголках земли, но там реальный переход к производящему хозяйству совершился благодаря влиянию более развитых областей. Следовательно, «жизнь в раю», где можно было существовать, эксплуатируя природу, являлась всеобщим этапом в развитии общества и его экономики. Но этот этап нашел отражение в памятниках письменности того района земли, где раньше стала фиксироваться мысль как проявление генетической памяти человечества. Произошло это в Месопотамии.

Глава 10

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Регулярное употребление растительной пищи внесло в организм человека необходимые ему вещества, которых он прежде был лишен. Переход к растительной пище способствовал тому, что не всех животных, попадавших в руки охотников, немедленно убивали и съедали. Растительная пища сократила потребление мяса. Сезонное возвращение на период сбора урожая к естественным полям, а затем и полуседлое проживание в непосредственной близости от них привело собирателей и охотников к оседанию. Знаменуя прекращение полубродячего образа жизни, оно повлекло за собой изменения в социальной структуре родовых организмов: они стали более стабильными, а их связи с другими родами в составе социально-брачной системы — более прочными. Стабильность рода и брачной системы

заложила основу для внутреннего расшатывания рода, монолитность которого была особенно важна при постоянных передвижениях, и привела к возникновению предпосылок для образования матриархальных и матрилокальных семей. Возникли неизвестные прежде связи внутри рода, которые объединяли людей по признаку их реального сожителства, не нарушая целостности рода, а способствуя его укреплению на новой основе.

В человеческом организме из одной клетки при его зачатии развивается все многообразие органов, причем сначала происходит простое деление клеток с постепенным нарастанием темпов этого процесса, а затем наступает качественная дифференциация возникающих клеток. Нечто похожее происходило и в человеческом обществе. При таком сравнении мы бесконечно далеки от мысли механического перенесения чисто биологических закономерностей, обусловленных химическими и физическими процессами, на развитие общества. Однако нельзя забывать, что такое сравнение все-таки правомерно, поскольку сам человек является порождением природы и может существовать только благодаря регулярному отправлению всех биологических функций организма. Непрестанно изменяющиеся социальные предписания, рациональны они или нет, не мешали людям продолжать питаться и размножаться, так как иначе прекратилось бы существование человечества. Для того чтобы вникнуть в сущность процесса сегментации и понять его изменение в зависимости от вторжения внешних факторов, надо попытаться представить себе этот процесс в чистом виде на некой ограниченной территории с ограниченными ресурсами, на которой волею исторического жребия поселилась некая абстрактная дуально-брачная родовая система.

Оба рода, составлявшие такую систему, постепенно увеличивались за счет естественного прироста населения, который шел медленно, но все же постоянно и неуклонно. В конце концов наступал момент, когда дальнейшее возрастание численности уже не укрепляло каждый род, а ослабляло его, поскольку при равенстве распределения на долю каждого члена стало приходиться значительно меньше продуктов, чем это было тогда, когда род был в пределах численной нормы. Эту норму можно сравнить с понятием «критической массы» в ядерной физике, приращение которой неизбежно ведет к цепной реакции и взрыву; в народоведении су-

ществует для этого синоним — демографическая емкость. Единственным возможным выходом из создавшегося положения было разделение родового коллектива, чтобы его части отошли друг от друга на такое расстояние, которое не мешало бы им стать самостоятельными коллективами.

Прежде родовой полубродячий¹ коллектив охотников и собирателей попросту дробился на две части, которые расходились в разные стороны и не фиксировали в общественном сознании свое генетическое родство. Дальнейшие пути их передвижения даже в сравнительно тесных границах не прослеживаются. Но по мере того как родовые коллективы определенной области постепенно, из поколения в поколение, превращались в развитых собирателей в условиях относительного истощения пищевой базы, изменения в экономике повлекли за собой качественные сдвиги в их социальной организации и, следовательно, изменения в процессе и сущности сегментации и ее последствиях. Главным фактором, повлиявшим на экономическую жизнь родового коллектива, были естественные поля — заросли диких съедобных растений, которые ограничили полубродячий быт родов и, следовательно, дуально-брачных систем. Наличие и эксплуатация этих полей способствовали увеличению демографической емкости этих мест: в рамках одного рода смогло без сегментации оставаться все большее количество людей, возрастала плотность населения, и родовой коллектив становился более сильным и сплоченным по сравнению с теми мелкими группами, которые продолжали вести присваивающее, преимущественно охотничье хозяйство. Так постепенно вырабатывались признаки, превратившие полубродячие коллективы в полуоседлые².

Естественные массивы съедобных растений не позволяли увеличивать демографическую емкость беспречно. Относительное перенаселение наступило и в этих благословенных местах. Возникали условия для сегментации. Части рода в момент выделения становились тут же самостоятельными системами, которые

¹ Полубродячим называется такой коллектив, который не тяготеет к какому-либо определенному месту обитаемой территории. Считать же его непрерывно передвигающимся с места на место нельзя — ему было безразлично, где жить.

² Полуоседлым называется такой коллектив, который еще не живет постоянно на определенном месте, но периодически возвращается к нему и проводит там значительное время, принуждаемый к этому биологической и экономической необходимостью.

должны были навсегда покинуть прежние места обитания. Но прежде чем проследить их дальнейшую судьбу, надо отметить, что в роде намечаются признаки расшатывания внутренних связей, из-за чего возникает социальная потребность образования парных семей с материнским счетом родства и с матриликальностью.

Сегментация племен североамериканских индейцев и их распространение на все большую территорию достаточно подробно описаны в книге Л. Моргана «Первобытное общество» и использованы Ф. Энгельсом в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Поскольку названные примеры не только хорошо известны, но и относятся к области этнографии Американского континента, достаточно удаленного во времени и пространстве от объекта нашего исследования, мы не будем их повторять. Однако случаи сегментации имеются и в историко-этнографических материалах Евразии, а именно у индийских племен ариев, которые во II тысячелетии до н. э. завоевали благодаря сегментации Северную Индию и Пакистан. В индийской истории это время принято называть ведической эпохой, так как именно тогда были сложены древнейшие религиозные гимны, объединенные в сборники Вед, в которых эта эпоха и отразилась. Эти примеры не так хорошо известны, как американские, но более наглядны и интересны для нас.

Сведения о расселениях и переселениях древних ариев сохранились в памятниках древней индийской литературы, а их механизм — в ритуале яджны. Согласно Хараванше (один из древнеиндийских текстов. — И. Х.), в готре (общине. — И. Х.) Асикни имелось пять тысяч «детей», то есть общих сыновей и дочерей, которые должны были в скором времени произвести потомство, что угрожало общине серьезными экономическими трудностями. Бог Нарада, который в индусской мифологии обычно посылался к людям, чтобы устранять затруднения и распри либо путем мирного улаживания, либо посредством войны, появился и на сей раз. Он указал «детям», что если они не переселятся и не создадут новую общину, то для столь большого прироста людей не хватит пищи. По его совету род разделился и часть его ушла, чтобы больше не возвращаться. Пример этот не единичен.

Переселение дробившихся гана-готр можно проследить по обрядам, в которых отражена не только процедура переселения, но и все то, чем арии занимались

в своей повседневной жизни. Для начала переселения выбиралась весенняя пора, когда плодятся скот и распускаются цветы. Выступление назначалось на день полнолуния или, наоборот, на новолуние. Вожди общины — ритвиджи — собирались вокруг общинного очага и решали, кто должен идти и в каких группах. Уходящим давали новую одежду и совершали над ними особый обряд, имитировавший их второе рождение, как детей новой ганы. Для новоселья они получали все необходимое: горшки, чашки, крупный скот, коз, вино, зерно, повозки и т. д. На одной повозке везли взятый из прежнего дома огонь, который должен был стать основателем нового дома. Переселение использовалось как предлог для пиршества — вся община ела, пила, бурно веселилась. Уходившие давали клятву быть в будущем едиными и нравственными. После этого караван выступал в путь, вооруженный на случай встречи с врагами или дикими зверями.

Так как земля еще не была разделена на частные владения с государственными границами, не существовало и территории, куда бы они направлялись по заранее выработанному плану. Направление пути, его продолжительность и выбор места поселения новой ганы определялись иными факторами. Когда гана выступала в поход, вождь, несший шами — головню с тлеющим священным огнем, — уходил вперед и выбирал место для остановки и отдыха после дневного перехода; затем они двигались дальше. Гана должна была найти землю с ресурсами, достаточными для существования людей, обладающих сотней коров, несколькими быками и несколькими сотнями овец и коз. У выделившейся и пустившейся в путь общины могли быть разные судьбы. В поисках новой территории и богатства она иногда погибала от болезней или в столкновении с врагами. Ослабленная потерей людей, гана пополнялась, принимая к себе новых членов, или полностью сливалась с какой-либо другой. Так как между группами не существовало никакого контакта, выделившиеся гана-готры становились вскоре чуждыми материнской общине.

Что же представляла собой сегментация, которую должны были провести дуально-брачные родовые системы собирателей урожая при возникновении в их среде относительной перенаселенности? Отличалась ли она от более раннего процесса, свойственного охотничье-собирательским полубродячим коллективам людей с присваивающей экономикой, а если да, то чем? Сегмента-

ция действительно происходила и в основном была механической. Однако нельзя утверждать, что процесс сохранил все свои архаические черты: когда род разделялся, люди практически больше не встречались. Крупные сдвиги в экономике, социальных отношениях и в вопросах идеологии, правда не качественные, а количественные, не могли не найти отражения в других процессах первобытного общества, в частности в сегментации. Действительно, можно с полным основанием предположить два принципиальных изменения в этом процессе, которые надо рассматривать в качестве перехода к так называемой генетической сегментации, свойственной более высоким формам организации человеческого общества. Во-первых, теперь уже не обе части разделявшегося коллектива расходились в разные стороны. Одна часть, по-видимому бо́льшая, оставалась на месте, у кормящего ее дикого поля, а вторая, более молодая по возрасту, покидала родные места и навсегда уходила в иные экологические условия, поскольку все окрестные «дикие поля» были давно и прочно заняты соседними дуально-брачными родовыми системами. Во-вторых, теперь происходило дробление не каждого рода, представлявшего собой, повторяем, половину двоичной системы, а дробилась вся система целиком; традиционные брачные контакты оказывались настолько прочными, что сегментация каждого рода порознь с его дальнейшим расхождением в неопределенном направлении была нецелесообразной.

По мнению и остающихся, и уходящих людей, которое можно попытаться представить себе силой воображения, именно уходящие сородичи должны были оказаться в значительно худших условиях существования, нежели остающиеся. Поэтому к уходящим относились с повышенным вниманием и заботой. Последнее сказывалось прежде всего в том, что уходящие члены рода снабжались всем необходимым, во всяком случае на первое время. Надо полагать, что среди предметов первой необходимости, наряду с орудиями производства и огнем из родового очага, были приручаемый скот как живой запас мяса, запасы зерна в каких-то вместилищах с тех полей, которые до этого времени эксплуатировались всеми сородичами совместно. Теперь часть этого поля в виде зерна навсегда покидала родные места. Люди, уносившие с собой зерна, и не подозревали, к каким последствиям это приведет через века и тысячелетия.

Кроме запасов живого мяса, растительной пищи и нехитрого скарба дочерний родовой коллектив уносил с собой нечто более существенное — веками накопленный опыт и твердые знания того, что зерно должно быть посеяно в землю. При определенных обстоятельствах оно даст людям новое поле. Вероятно, эмпирически люди достигли познания того, что злаки могут расти не только в местах своего естественного происхождения и произрастания. Спустившись с гор на аллювиальные предгорные равнины и посеяв там принесенные с гор злаки, человек вскоре убедился в том, что именно в этих зонах, благодаря значительно большему плодородию почв и лучшим микроклиматическим условиям, зерна стали давать сказочно большие урожаи. Люди, жившие прежде у готовых полей и только собиравшие урожай, в новых географических условиях стали осознанно создавать такие по величине поля, какие им были нужны, чтобы потом снимать с них урожай в количестве, необходимом для пропитания. Причем человеческий опыт способствовал созданию полей не в любом месте, а именно там, где брошенное в землю зерно неизбежно и обязательно даст всходы, где оно вырастет, созреет и даст урожай. Именно этих людей и следует считать первыми в мире земледельцами, поскольку они искусственно создавали комплекс необходимых условий для интенсивного роста культурных растений и тем самым обеспечивали себя гарантированной пищей на продолжительное время.

Как же обобщить то, что произошло на Переднем Востоке? Можно ли вообще как-либо квалифицировать это событие современными категориями и понятиями? Да, конечно, можно. Более того, для этого события уже давно есть название, хотя прежде оно прилагалось не к тому, что в действительности обозначало. Выделение каких-то человеческих коллективов из массы охотничье-собирающего населения большого района земли, которые без какого-либо постороннего воздействия стали вести производящее хозяйство — засевать зерном участки земли и разводить домашний скот, — было первым крупным общественным **разделением труда**. С этого момента человечество действительно разделилось на две большие и принципиально различные части: с одной, прогрессивной производящей экономикой и с прежней, застойной присваивающей экономикой. С этого момента первая часть человечества встала на подлинно исторический путь развития. Получился один из пер-

вых исторических парадоксов — человеческие коллективы, вынужденные уйти в худшие условия существования, вопреки этому вырвались вперед в своем экономическом и социальном развитии по сравнению с теми, которые остались возле естественно произрастающих злаковых полей. Злаки, увезенные из первоначальных центров их происхождения, благодаря мутации превратились в подлинные питательные сокровищницы; домашний скот, который в местах первоначального обитания был исключительно запасом мяса, стал поставщиком пищевых продуктов, не теряя жизни.

В результате перехода к прочной оседлости человек сделал важные достижения и в области техники. Прежде всего в качестве строительного материала была освоена глина, из которой сначала делали блоки, превратившиеся со временем в прямоугольные высушенные на солнце кирпичи определенных размеров. Этот строительный материал дал возможность увеличить как сами постройки, так и их прочность и долговечность. Освоение глины с выявлением созидательных качеств огня вылилось в открытие керамического производства, в первый управляемый химический процесс в истории человечества. В условиях оседлости именно это привело к открытию, а затем и к освоению принципиально нового материала — металла. Как известно, первым металлом, который освоил человек, стала медь. Возникновение металлургии явилось техническим и производственным переворотом в условиях первобытного общества. В сравнительно короткие исторические сроки из обихода были вытеснены почти все каменные орудия и инструменты, кроме тех, которые могли быть изготовлены только из камня, как, например, зернотерки, песты и прочие орудия для обработки продуктов земледелия. Этой же участи подверглись все костяные и, видимо, деревянные орудия труда.

Сказочные урожаи, разведение скота, совершенствование экологической среды и человеческого разума сделали возможной концентрацию в поселках значительно большего количества людей. Изменение нормы численности населения, которое последовало вслед за этим, привело к новым социальным отношениям в обществе с производящим хозяйством.

Земледелие, скотоводство и прочная оседлость — «три кита» производящей экономики — способствовали окончательной социальной стабилизации. В силу экономической обусловленности и целесообразности, существ-

вужа единым сообществом, дуально-брачные системы (роды) вели общее коллективное хозяйство. Это неизбежно приводило к унилокальности брака, то есть один из супругов переходил в дом другого в рамках одного поселения. Такой брак способствовал выделению внутри родовой производственной общины парных семей. На первых порах их объединяло только совместное проживание с целью деторождения, какой-либо самостоятельной экономической роли они не играли.

Теперь, в случае возникновения относительного перенаселения в том или ином месте, принципиально изменялся процесс сегментации: она становилась генетической, то есть сохранялись родственные связи между разошедшимися частями одного коллектива. Это способствовало освоению и совместной эксплуатации какой-то определенной территории, в которую входили обработанные и необработанные участки земли с горами, реками и пустынями. Таков был механизм сложения более высокой социальной организации — племени, одним из главных атрибутов которого являлась единая и общая территория. Образование племени в скором времени привело к установлению патриархальных отношений в роде, изменяя его сущность. Таковы были прогрессивные социальные последствия становления производящей экономики.

Развитие ее происходило параллельно с постижением огромного комплекса причинно-следственных связей в природе, например установлением цикличности в полевых работах, космических явлениях, цикличности в развитии растительного и животного мира, причинности в различных производствах и просто поступках. Усвоение и выработка положительных знаний, которые в итоге привели к современному раскрытию исторических закономерностей развития человеческого общества в его прошлом и настоящем, стало возможным только при рациональном и реалистичном отношении к окружающей человека природе, при постижении ее действительных, а не фантастических свойств. Совершалось решение непрерывных логических задач по двоичной системе, с ответами «да» — «нет», с накоплением в генетической памяти человечества положительных ответов, которые и отразились в первоначальном мифотворчестве.

Некоторые исследователи относят начало сложения мифов о сотворении мира и человека к моменту действительного начала производства пищи. По мнению од-

ного из известных специалистов по истории религии, Амброджио Донини, в сознании людей с присваивающей экономикой, которые чаще всего рассматривали себя как порождение тотема, животного или растения, еще не мог зародиться миф о сотворении человека неким сверхъестественным и всемогущим существом. «Идея сотворения, — писал он, — рождается лишь при условии возникновения в общественной жизни конкретной реальности производителя, изобретателя и создателя материальных предметов». Это подтверждает сформулированную Ф. Энгельсом мысль о том, что религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни.

Спустя несколько поколений после первого крупного общественного разделения труда воспоминания о жизни предков оформились в сознании людей в виде определенного комплекса легенд и мифов, в которых под нереальными покровами можно и нужно отыскивать и распознавать рациональное зерно; при соответствующей обработке оно может засверкать драгоценными красками, повествуя о давно ушедших с исторической арены народах древности.

Таковы были прогрессивные интеллектуальные последствия перехода части человечества к производящей экономике.

Наконец, нам осталось рассмотреть один небольшой вопрос, который не является принципиально важным, но который все же существует и имеет определенное историческое значение. Это — исторические судьбы того населения, которое продолжало — оставаться у естественных злаковых полей, ибо предполагать всеобщий уход населения оттуда невозможно, так как этнография знает много примеров того, что отсталые народы современности продолжают, иногда в мизерном количестве, с поразительным упорством придерживаться традиционного образа жизни (наиболее наглядный пример для полностью цивилизованных стран Европы — цыгане).

Да, население, существование которого, как мы надеемся, в будущем подтвердят археологические раскопки, продолжало привычный образ жизни на прежних местах. В противовес своим ушедшим собратьям, оно не нуждалось в изобретениях и усовершенствованиях, которые способствовали бы всеобщему прогрессу. Оно вполне довольствовалось устоявшимися традициями. Однако и для них наступили тяжелые времена, но за

счет внешних факторов: жители равнины, их далекие генетические родственники, достигли в эпоху энеолита и бронзы такого уровня хозяйственного и социального развития, такой численности населения, что стали осваивать места, первоначально непригодные для ведения производящего хозяйства. Произошло неминуемое столкновение двух разных экономик, победителями из которого вышли, разумеется, носители более прогрессивного производящего уклада. Реликтовые социальные организмы, удерживавшиеся до определенного времени в труднодоступных местах обитания, были сметены при полном освоении древнеземледельческой ойкумены, которое проходило между первой и второй общественными сегментациями. Они были либо уничтожены, либо вынуждены изменить привычный собирательский уклад и слиться с носителями прогрессивной экономики и новых социальных отношений. Таковы исторические судьбы носителей собирательского хозяйства, ставшего регрессивным.

В связи с высказанными соображениями относительно исторических судеб реликтовых народов с развитой присваивающей экономикой хочется затронуть особый пласт мифов и поверий, широко распространенный в фольклоре всех земледельческих народов Переднего Востока, Средней Азии и Кавказа, а также отраженный во всех эпических сказаниях и древнейших письменных источниках народов, населявших и населяющих эти места. Имеется в виду так называемый дэвовский цикл легенд, в которых герой борется с лесными и горными, обязательно дикими, людьми как мужского пола (дэвы), так и женского (пери). Этот цикл легенд, распространенный в местах, где когда-то произошло первое крупное общественное разделение труда, не мог возникнуть без какой-то реалистической подоплеки. Есть разные мнения о природе этой подоплеки, вплоть до мнения историка Б. Ф. Поршнева о сохранении до наших дней реликтовой формы неандерталоидного человека (так называемого снежного). Мы же склонны считать, что в бесчисленных легендах о борьбе и победах земледельческого героя над дэвами в разных проявлениях заключено воспоминание народов о борьбе с «дикими людьми» — в свое время оставшимися в прежних местах проживания носителями некогда прогрессивной, но со временем изжившей себя переходной собирательной экономики. Этот цикл легенд может служить, с нашей точки зрения, иллюстра-

цией к предложенной картине исторического процесса на Переднем Востоке.

Таким образом, после знакомства с тем, как происходило становление производящего хозяйства главным образом на Переднем Востоке, нам должна стать ясной та неведомая, по мнению древних людей, божественная сила, которая сдвинула их с насиженных мест, оторвала от запасов пищи и бросила в полную неизвестность, где предстояло «в поте лица питаться от земли и есть хлеб». Это был сам человек, его первоначальная социальная организация, но в те времена люди не могли еще этого осознать. Они полагали, что все их действия и поступки не могут произойти без воли высших сил, то есть великих богов. Этот мифический сюжет возник уже в обществе с производящим хозяйством, но где-то в общественной памяти еще теплилось воспоминание о тех временах, когда люди не добывали свой хлеб в поте лица своего. Так возникла далекая мечта о рае, куда души людей возвратятся после смерти в награду за безропотный и тяжелый труд в реальной жизни.

Глава II

ПЛОД ДЕРЕВА ПОЗНАНИЯ

Как повествует Библия, Адам и Ева, отведав запретного плода с дерева познания добра и зла, были вынуждены навсегда покинуть рай, в трудах добывать хлеб свой и в муках рожать детей своих. Так сложилась первая семья, и по ее пути пошли следующие поколения людей. Однако Библия умалчивает о том, что же все-таки особенно важного узнали Адам и Ева, кроме того, что стали мужем и женой? Неужели этим все знания и ограничивались?

Попытаемся установить, чего же доисторические люди не знали о самих себе и что они узнали, когда перешли к ведению производящего хозяйства. Вероятно, они узнали что-то такое, что перевернуло их сознание, изменило их социальные отношения и привело к сло-

жению самой мелкой общественной единицы — семьи. Постараемся понять, как это могло происходить.

Вопросу о времени и механике сложения первобытной семьи посвящена довольно значительная литература. Среди ученых идет дискуссия о том, существовали ли дислокальный или унилокальный брак, были ли какие-то отношения между группами индивидов разных полов, принадлежавших к разным родам, существовала ли семья как социальный институт в эпоху палеолита. Как нам кажется, уже имеется достаточно фактов для ответа на поставленные вопросы в истории древнейшей семьи.

Так же как и представитель любого отсталого племени с охотничье-собираательской экономикой, первобытный охотник, безусловно, очень хорошо знал и понимал окружающую его от рождения до смерти природу. Он наблюдал и по-своему интерпретировал все явления и, что мог, переносил на человеческий коллектив, который на первых порах не только не выделялся из животного мира, но образовывал с ним единую экологическую систему. Видел он рождения и смерти, переводящие человека из одного состояния в другое. Естественно, знал, что человек, как и все живущие, вступает в половые отношения, и этот акт представлялся ему столь же естественным, как еда и сон. Он, безусловно, наблюдал в окружающей его природе все звенья процесса воспроизводства жизни от зачатия до рождения, но не мог связать их воедино, так как этому препятствовал его охотничий быт.

Современные отсталые племена, ведущие присваивающее хозяйство, до сих пор не ставят в связь половое общение и рождение детей. Те же австралийцы считают, что в тело женщины вселяется дух предка в тот момент, когда она проходит мимо места его обитания. Известные у многих племен обряды умножения тотемного вида животных — интичуме — никогда не включают в себя имитацию или публичное осуществление полового акта. Что же касается половой магии, то именно в обрядах первобытных племен с производящей экономикой она занимает одно из первых мест.

С нашей точки зрения, перечисленные факты могут быть объяснены только одним: взаимосвязь между половыми сношениями и деторождением стала понятна людям лишь на определенном этапе их исторического развития. Современная наука не испытывает затруднений в установлении этапа, когда наступило кардиналь-

ное изменение во взглядах человека на свое собственное воспроизводство. Это началось при переходе от присваивающего хозяйства к производящему — к земледелию и особенно к разведению домашнего скота при неременной прочной оседлости. Только в этих условиях, при каждодневном наблюдении за одними и теми же животными, при эмпирическом установлении цикла образования приплода, человек связал все физиологические акты в определенную систему и понял истинные причинно-следственные связи зачатия и рождения. По словам видного английского археолога Гордона Чайлда, сказанным более 30 лет назад, именно «наблюдение за стадами должно было доставить сведения скотоводам о сексуальной физиологии, недоступной для охотников. Вполне вероятно, что именно их наблюдения открыли им роль самца в воспроизводстве человека, что остается непонятным для всех, даже сохранившихся до наших дней, охотничьих племен».

Переноса свои «биологические наблюдения» и полученные благодаря им выводы и знания на человеческое общество, люди поняли, что мужчины являются соучастниками рождения детей. Установление факта отцовства привело к началу выделения семей, и это было связано с тем, что мужчина стал с большим вниманием относиться к сожительствующей с ним женщине, к рожденным ею от него детям. Вот с этого момента человеческой истории можно говорить о браке, о брачных отношениях, об унилокальности брака, когда мужчина переходил жить в дом к женщине (а не наоборот, что появилось значительно позднее), поскольку счет родства по матери уходил в седую палеолитическую древность, а осознание мужчиной своего отцовства только что произошло.

К образованию семьи — санкционированного обществом сожительства мужчины и женщины с целью детопроизводства — вел длинный путь социального развития, начало которого теряется в веках. Установив относительное время этого социального института, мы не можем не обратиться к вопросу о механике сложения первичной социальной организации человечества — рода — со всеми свойственными ему институтами, в частности экзогамией, коллективным производством и особенно потреблением. К решению этой проблемы надо подходить с тем, что в процессе общебиологической эволюции в организме человека заложены два основных сохраняющих механизма. Первый был направлен

на сохранение индивида — это питание. Второй — на сохранение вида, это механизм размножения.

Попытаемся же представить некоторые эмоции первобытного палеолитического охотника. При отсутствии пищи этот охотник испытывал мучительное чувство голода. Для добывания пищи каждый мог воспользоваться всеми доступными ему методами и средствами. Он мог убить какое-либо животное, сначала руками, а затем при помощи созданных им орудий и приспособлений; он мог найти съедобные растения, распознавание которых было ему, очевидно, присуще, как животным; наконец, он мог отнять добычу у более слабого собрата и съесть ее, обрекая тем самым другого на возможную смерть. Одним словом, первобытный человек вне всякой социальной организации мог утолить чувство голода даже такими средствами, которые мы сочли бы аморальными, поскольку им двигала только физиологическая потребность организма, направленная на сохранение жизни. Он понимал, что отсутствие пищи приводит человеческий организм к гибели, — это была очень короткая во времени причинно-следственная связь. Но трудно допустить мысль, что этот охотник понимал, что, отнимая чужую добычу или потребляя свою только сам, он наносил ущерб своему виду в целом. Так в общих чертах мог срабатывать защитный механизм индивида, а следовательно, и всего вида.

Аналогичным образом проявлялся и половой инстинкт. В определенные периоды своего возраста и в определенные отрезки времени человек испытывал потребность иметь половые сношения, не понимая их сущности. Он не знал их последствий, но ему было ясно появление после них комплекса положительных эмоций. Так же точно, как он мог отнять пищу у своего собрата, он мог вступить в борьбу за обладание женщиной по праву сильного. Так в общих чертах срабатывал защитный механизм вида, а следовательно, и каждого индивида.

Для становления или, вернее, для образования какой-либо социальной организации первобытному человеку каменного века необходимо было побороть, подавить безотказные врожденные защитные механизмы. Социальная организация в виде монолитного производственно-потребительского коллектива кровных родственников при обязательной экзогамии, то есть первобытный род с дуально-брачной системой, появилась при переходе к верхнему палеолиту. Следовательно, человек

того времени поборол, по терминологии В. И. Ленина, свой «зоологический индивидуализм» и стал человеком уже в нашем понимании. Причем поборол он его не индивидуально, а социально, в рамках тех же коллективов и силами тех же коллективов, в среде которых только и мог существовать человек и как индивид, и как вид.

Как же можно себе представить процесс обуздания этого «зоологического индивидуализма», который был очень длительным и постепенным, поскольку был основан только на эмпиризме; процесс, который способствовал превращению человека в социально организованное высшее существо, для которого общество стало средой существования? Этот процесс шел двумя путями, но в одном направлении, так как преследовал одну цель. Во-первых, в сфере добывания продуктов питания и главным образом в их потреблении возник равный раздел добычи, причем иногда такой, что добытчику доставались худшие куски (здесь этнографических примеров не занимать!), а это способствовало сплочению коллектива по производственной линии. Во-вторых, в сфере половых отношений появился строжайший их запрет внутри своего коллектива, что и называется экзогамией. Не следует думать, что это произошло из каких-либо морально-этических побуждений. Основной причиной было исключение возможности ослабления производственного коллектива постоянными столкновениями представителей мужской его части из-за права обладания женщинами.

Из этнографии хорошо известно, что строжайшее запрещение половых отношений является правилом в группе кровных родственников, которые совместно добывают пищу и потребляют ее. И наоборот, группа людей, связанных половыми отношениями, ничего не добывает и не потребляет совместно. Это позволяет считать основной и определяющей чертой рода, то есть тотемной группы кровных родственников, связанных общностью происхождения и повседневной совместной трудовой деятельностью, именно экзогамию, которую надо было соблюдать под страхом смерти. Члены такого сообщества для отличия самих себя от людей, принадлежавших к другим таким же сообществам, с которыми можно было иметь половые отношения, стали считать себя происходящими от одного предка — тотема. Все это позволяет видеть в тотеме внешнее выражение полового табу.

Таким образом, удовлетворение полового инстинкта людьми эпохи верхнего палеолита, которых уже объединяла дуально-родовая социальная организация, нельзя рассматривать в качестве брачных отношений даже с оговоркой, что они, дескать, этого не понимали, как не понимали и того, что живут родовым строем. А когда половые отношения стали действительно брачными, то есть направленными на сознательное производство потомства, тогда стали складываться для этой цели производственные «узкоспециализированные» ячейки общества, состоявшие из разнополых представителей разных родов. Эти люди и стали называться семьей.

Итак, когда человека после длительного наблюдения за поведением домашних животных вдруг осенила гениальная догадка об истинной причине зачатия и рождения детей, произошел переворот в его сознании. Впервые мужчина и в собственных глазах, и в глазах женской половины общества предстал не только в роли более сильного добытчика пищи, а как непосредственный участник появления детей. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что первоначальные семьи, которые возникли в недрах родового коллектива и в течение очень длительного господства матриархальных отношений не играли никакой самостоятельной экономической роли, стали результатом дальнейшего развития экзогамии. Человеческое общество с производящей экономикой, до сознания которого наконец-то дошел факт причастности мужской его половины к рождению детей, санкционировало парное сожителство мужчины и женщины разных родовых коллективов в составе одного из них, поскольку, кроме детей, семья не имела первоначально никакого экономического значения. Но если семья возникла не как следствие производственно-экономической необходимости, то и искать ее корни в этой сфере бессмысленно. Остается допустить, что семья стала продуктом сознания, возникшим под воздействием конкретных материальных условий жизни.

Отвечая на вопрос о том, какие же знания получили Адам и Ева, отведав, согласно библейскому мифу, запретного плода с дерева познания добра и зла, можно предположить, что они поняли прямое участие мужчины в воспроизводстве потомства. Это открытие было настолько ошеломляющим для первобытного человека, что совершило переворот в его сознании, привело к сложению семьи, и закончилось в будущем переходом к патриархальным отношениям.

Глава 12

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Рассмотрение исторических процессов и событий древности мы закончим легендой о всемирном потопе. Делается это умышленно, чтобы подчеркнуть древность и слабую разработанность истории рассматриваемых периодов, чтобы читатель понял, что события, которые прежде относились к области фантастики самим словом «допотопный», на самом деле не только реальны, но и достойны внимания историков.

При рассмотрении легенды о потопе автор далек от мысли провести исчерпывающее исследование вопроса, так как книг на эту тему достаточно, а повторять, что легенды о потопе существуют также у народов Америки и Полинезии, не является нашей целью. Дело в том, что, когда многие авторы пытаются доказать всеобщность и глобальность легенды о потопе, они совершенно

забывают, что авторы этого мифа на Переднем Востоке не обладали и сотой долей географических знаний самого нерадивого современного школьника. Они не подозревали, что земля — шар, они не знали, что есть на ней океаны и континенты, они полагали, что мир ограничен их познаниями, которые не выходили за рамки Месопотамии, за границы Переднего Востока. Если познания о мире даже «отца истории» Геродота были, с нашей точки зрения, смехотворно малы, то можно себе представить ничтожность географических представлений и их иррациональность у населения Месопотамии IV—III тысячелетий до н. э. Так что толкование библейского мифа о всемирном потопе как о вселенском совершенно неверно. Поскольку «весь мир» был для первобытного человека в то время ограничен Месопотамией, то в свидетельстве литературных памятников и исторических источников о потопе следует усматривать отражение какого-то реального катастрофического события, которое произошло именно на Переднем Востоке практически уже в исторические времена, во всяком случае тогда, когда в Южной Месопотамии складывались первые в истории человечества государственные образования. Более того, люди вообще склонны к преувеличениям. Обратим внимание на термин «мировая война», которая произошла на Земле дважды в XX веке: прекрасно известно, что мировой (или всемирной) она вовсе не была ни в одном случае, но такое словосочетание все же употребляется для характеристики ее жестокости и ужасающих последствий.

Не все ученые разделяют мысль о том, что всемирный потоп (или потопы) вообще имел место в Месопотамии. Так, крупнейший специалист по истории и культуре стран Древнего Востока И. М. Дьяконов считает, что миф о потопе возник благодаря тому, что «в некоторые годы — если половодье совпадало с ураганным ветром с Персидского залива — вода разрушала ветхие тростниковые селения шумеров и надолго затопляла и заболачивала освоенные ими поля. Впоследствии шумерская традиция делила историю своей страны на два отделяющихся друг от друга периода — мифическую древность «до потопа» и историческую эпоху «после потопа», иначе говоря, на время до создания в Шумере системы отводных и оросительных каналов и бассейнов, и после него». Однако эти доводы не кажутся нам убедительными. Если это действительно так, как считает И. М. Дьяконов, в мифе были бы постоянно

действующие проявления воли богов против мелких людей, живущих в хижинах, а не одноактная чудовищная катастрофа, не пощадившая ни городов, ни храмов. Да и археологические исследования в Месопотамии, о которых будет сказано далее, подтверждают крупные наводнения в древности.

Читателю будет интересно знакомство с основными вариантами мифа о потопе, зафиксированными в древнейших литературных памятниках, восходящих еще к устному творчеству народов древности, — в Библии, «Эпосе о Гильгамеше», в шумерской литературе, Авесте и ведической литературе. Это знакомство начнется с наиболее поздней версии о потопе, а именно с Ветхого завета, а затем будет, так сказать, опускаться в глубины веков, чтобы в итоге попытаться определить относительно точную дату этого события на основании исторических документов и свидетельств археологии.

Как неоднократно упоминалось, в книге Бытия, как, пожалуй, ни в одной другой, отчетливо видно механическое соединение двух источников — Яхвиста IX—VIII веков до н. э. и Жреческого кодекса VI века до н. э. Легенда о всемирном потопе также предстает в двух вариантах, перемешанных между собой, но в итоге восходящих к одному и тому же первоисточнику. На русском языке эти два варианта легенды неизвестны, но в западноевропейской специальной литературе они представлены достаточно широко. В частности, еще в 1952 году они были опубликованы известным французским археологом Андре Парро. Его книга «Всемирный потоп и Ноев ковчег» была переведена затем на многие языки и за последние тридцать лет выдержала не одно издание.

Ниже мы приводим полный текст библейской легенды о всемирном потопе в новом переводе С. Апта, опубликованном в 1973 году издательством «Художественная литература» в книге «Поэзия и проза Древнего Востока» в двух первоначальных вариантах.

Яхвист:

И вот, увидев, как много на земле зла человеческого и что все помыслы человеческие — одно лишь каждодневное зло, Господь пожалел, что сотворил на земле человека, и опечалился в сердце своем, и сказал:

— Сотру я с лица земли человека, которого сотворил, всех со-тру, от людей до скотов, до гадов ползучих и птиц небесных, потому что мне жаль, что я сотворил их.

А Ной нашел милость у Господа. И Господь сказал ему:

— Ты и твои домочадцы — войдите в ковчег, потому что тебя я нашел праведным передо мной в этом поколении. Из всякого чистого скота возьми с собой по семи голов мужского и по семи женского пола, а из нечистого по две мужского и по две женского. Также из птиц небесных чистых возьми по семи, а нечистых по две, самцов и самок, чтобы сохранить семя для всей земли, потому что ровно через семь дней я буду лить на землю дождь сорок дней и сорок ночей и сотру с лица земли все сущее, что я создал.

И Ной сделал все, что ему наказал Господь. И, спасаясь от вод потопа, Ной вошел в ковчег с сыновьями, женой и женами сыновей. И парами чистый скот и нечистый, и птицы, и всякие твари, что ползают по земле, мужского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как велел ему Бог. А когда миновали семь дней, полились на Землю воды потопа.

И был на земле ливень сорок дней и сорок ночей. И Господь затворил за ними ковчег снаружи. И сорок дней был потоп на земле, и вода, прибывая, подняла ковчег высоко над землей. Умерло все, в чем было на суше дыхание жизни. Так стер он все сущее на земле. От человека до скота, до гадов ползучих, до птиц небесных — все было стерто с лица земли, и остался лишь Ной и те, что с ним были в ковчеге.

И перестал ливень с небес. И стали воды уходить и возвращаться с земли. А когда прошло сорок дней, Ной открыл окно ковчега, которое он сделал, и выпустил ворона, и тот вылетел и летал туда и обратно, покуда не высохла вода на земле. И он выпустил голубя от себя, чтобы узнать, сошла ли вода с земли. И голубь, не найдя опоры, на которую он мог бы ступить, возвратился к нему в ковчег, потому что вода покрывала еще всю землю. И он протянул руку, взял голубя и внес его к себе в ковчег. И, дождавшись еще семь дней, он снова выпустил голубя из ковчега. И голубь вернулся к нему под вечер, и вот — в клюве его свежая ветка маслины. И Ной узнал, что воды сошли с земли. И, дождавшись еще семь дней, он снова выпустил голубя, но тот больше не вернулся к нему. И Ной открыл крышку ковчега и видит: обсохло лицо земли.

И Ной построил жертвенник Господу, взял по толике от всякого чистого скота и от всех чистых птиц и сотворил всесожжение на жертвеннике, И Господь почуял приятный запах, и сказал Господь про себя:

— Не буду я больше проклинать землю из-за человека, потому что помыслы человека с юности его злы. Не стану я больше поражать все живое, что я сотворил. Покуда земля стоит, не прекратятся посев и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь.

Жреческий кодекс:

Вот родословие Ноя: Ной был в своем поколении человек праведный, беспорочный, о Боге помнящий, и родил трех сыновей — Сима, Хама и Яфета. Но земля стала в глазах Бога растленна и полна кривды. И вот, увидав, что земля растленна, потому что всякая плоть извратила свой путь на земле, Бог сказал Ною:

— Пришел для меня конец всякой плоти, потому что из-за них земля наполнилась кривдой. Что ж, я погублю их вместе с землей. Сделай себе ковчег из крепкого дерева, устрой в нем отсеки и осмоли его внутри и снаружи. И ковчег сделай вот какой: длиной в триста локтей, шириной в пятьдесят локтей, а высотой в тридцать локтей. Сделай его сводчатым, с отверстием в один локоть вверх. И дверь в ковчег сделай сбоку, и сделай в нем три яруса: нижний, средний и верхний. А я напущу на землю воды потопа, чтобы истребить под небесами всякую плоть, в какой только ни есть дыхание жизни, и погибнет все, что есть на земле. Но с тобой заключу я союз, и ты войдешь в ковчег, и с тобою войдут в него твои сыновья, твоя жена и жены твоих сыновей. И в ковчег ты возьмешь по паре от всяких животных и от всяческой плоти, чтобы они уцелели вместе с тобой, и пусть будут они мужского пола и женского. Ты возьмешь с собою по паре от каждого рода птиц, и от каждого рода скота, и от каждого рода гадов, что ползают по земле, чтобы они уцелели вместе с тобой. И всяческой пищи, какую только ни едят, возьмешь ты с собою и сложишь ее у себя, чтобы было чем кормиться тебе и им.

И Ной сделал все; как велел ему Бог, так он и сделал.

А было Ною шестьсот лет, когда полились на землю воды потопа. На шестисотом году жизни Ноя, в семнадцатый день второго месяца отворились все колодцы великой бездны и ставни неба открылись. В тот самый день и вошел в ковчег Ной, и Сим, и Хам, и Яфет, сыновья Ноя, и жена Ноя, и три жены его сыновей. Они и всякого рода звери, всякого рода скот, всякого рода гады, что ползают по земле, всякого рода птицы и всякая тварь летучая и крылатая — по паре, самец и самка, от всякой плоти, в какой только ни есть дыхание жизни, вошли к Ною в ковчег, как наказал ему Бог. И вода все прибывала и так поднялась на земле, что ковчег поплыл по воде. И вода поднялась по земле так, что покрыла все высокие горы подо всем небом. На пятнадцать локтей поднялась она над горами, покрыв их. И погибла всякая плоть, какая движется по земле, — и птицы, и скот, и звери, и все гады, что ползают по земле, и все люди. И поднималась вода на земле сто пятьдесят дней.

Но вспомнил Бог о Ное и обо всем зверье и скоте, обо всех птицах и гадах ползучих, какие с ним были в ковчеге, и пустил ветер на землю, и вода стала спадать. И затворились колодцы ве-

ликой бездны и ставни неба... и когда миновало сто пятьдесят дней, схлынули воды. И в седьмом месяце в семнадцатый день месяца остановился ковчег на горах Араратских. А вода все уходила и спадала до десятого месяца. А в десятом месяце в первый день месяца стали видны вершины гор.

Итак, на шестьсот первом году жизни Ноя, в первый день первого месяца спала вода с земли. А во втором месяце, в двадцать седьмой день месяца земля высохла вовсе. И тогда Бог сказал Ною такие слова:

— Выйди из ковчега — ты, и твоя жена, и твои сыновья, и жены твоих сыновей вместе с тобой. Всех зверей, какие с тобой, и всякую плоть из птиц и скота, и всяческих гадов, что ползают по земле, выведи вместе с собою, и пусть кишат по земле, и пусть плодятся и размножаются.

И Ной вышел, и его жена, и его сыновья, и жены его сыновей вместе с ним. И все звери, весь скот, все птицы и всякие гады, что ползают по земле, вышли из ковчега, все по родам своим. И благословил Бог Ноя и сыновей его, и сказал им:

— Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю.

В книге Еноха, не включенной в библейский канон, сохранился еще один вариант легенды о всемирном потопе, причем с любопытными подробностями, которых нет ни в одном из приведенных выше вариантов. Он повествует о следующем:

«В те дни увидел Ной, что земля трясется и близко ее разрушение (свидетельство о том, что потопу предшествовали какие-то геологические катаклизмы, в частности землетрясения. — *И. Х.*). И пошел он туда, на край света, к деду своему Еноху (как мы увидим далее, так же поступил герой аккадского эпоса Гильгамеш, когда отправился на край света к своему предку Утнапиштиму. — *И. Х.*) и возопил трижды плачевным голосом: «Слушай! Слушай! Слушай!» и сказал: «Что на земле происходит, отчего тружается и трясется земля?»

На вопросы Ноя Енох сообщает о приближающемся потопе и дает совет, как от него спастись, то есть не Бог спасает Ноя от гибели, а его предок, который, согласно книге Бытия, был взят живым на небо (Быт. 5; 24).

Более древним вариантом сказания о всемирном потопе является вавилонский, открытый немногим более ста лет назад (в 1872—1873 годах) при обстоятельствах, которые смело можно назвать и счастливой случайностью, и научным детективом. Для этого надо вспомнить о том, как рождалась новая наука — ассириология, наука чтения таинственной клинописи.

О том, что на территории Ирана (тогда он назы-

валяся Персией) имеются многочисленные и величественные развалины некогда существовавших городов и дворцов, европейским ученым было известно давно. Многие каменные детали дворцов украшали клинообразные знаки (тогда их называли гвоздевидными). До конца XVIII века эта клинопись была недоступна для прочтения, что дало пищу многим околонучным спекуляциям. Первым, кто доказал, что письменность можно прочесть, был Георг Гротенфенд — учитель классических языков в одном из лицеев Геттингена. Он подошел к ней как к разгадке ребуса и в 1802 году прочел надписи, содержавшие имена и титулатуру ахеменидских царей Дария и Ксеркса. Подставив под клинописные знаки персидские звучания имен царей, Гротенфенд правильно определил начертание девяти букв древнеперсидского алфавита. Но окончательно клинописный древнеперсидский алфавит был определен только в 1837 году.

В расшифровке клинописи принимали участие немало европейских ученых. Но нужен был большой текст, в котором бы встречалось много личных имен и географических названий. Науке его преподнес Генри Раулинсон — внешне скромный и добродушный лейтенант и одновременно опытный сотрудник Интеллидженс сервис; щупальца этой службы в XIX веке охватили весь мир, и особенно страны Переднего Востока. Задачей Раулинсона было воспрепятствовать проникновению интересов России в Иран и Афганистан, а также создавать и поддерживать в названных государствах режим дестабильности. Он успешно справлялся со своими служебными обязанностями и попутно занимался изучением древностей Востока. Во время своих многочисленных поездок в Загросских горах он открыл Бехистунскую трехязычную надпись Дария I и сумел понять ее выдающееся значение и как исторического документа, и как инструмента для дальнейшей расшифровки системы клинописи. Огромную надпись (20 метров в ширину и 7 метров в высоту), иногда, без преувеличения, рискуя жизнью, он скопировал за несколько лет. В 1847 году работы по снятию копии были закончены.

Если прочтение египетских иероглифов было заслугой практически одного человека — основоположника египтологии Франсуа Шамполиона, то с расшифровкой клинописи дело обстояло иначе. Это можно считать коллективным творчеством многих европейских ученых, когда каждый из них, используя наблюдения

других, поднимался на следующую ступень познания и помогал другим продолжать восхождение. Однако в возможность прочтения клинописных текстов верили не все, раздавались голоса скептиков, обвинявших ученых в недобросовестности. Случаю было угодно, чтобы в 1857 году в Лондоне оказались четыре ведущих специалиста по клинописным текстам — Генри Раулинсон, Эдвард Хинкс, Фокс Тальбот и Жюль Опперт. И вот каждому из них был вручен запечатанный конверт с длинным клинописным текстом, до сих пор неизвестным, с просьбой дать его перевод, определить автора и время написания. Кроме того, им было поставлено категорическое условие — самостоятельность работы. В назначенный день на заседании Королевского азиатского общества были публично вскрыты четыре запечатанных конверта с переводами. К всеобщему удовлетворению, испытуемые блестяще справились с заданием: в конвертах были совпадающие в деталях переводы текста летописи ассирийского царя Тиглатпаласара I, жившего в XII веке до н. э. «Как буря устремился я на врагов. Я наполнил их трупами горные овраги. Я отрезал их головы. Я разрушил стены их городов. Я захватил рабов, имущество, бесчисленные сокровища...» Вот какие подвиги описывал царь; вот что узнали о нем потомки. Этот день считается днем рождения новой науки — ассириологии. Клинопись действительно читали и понимали.

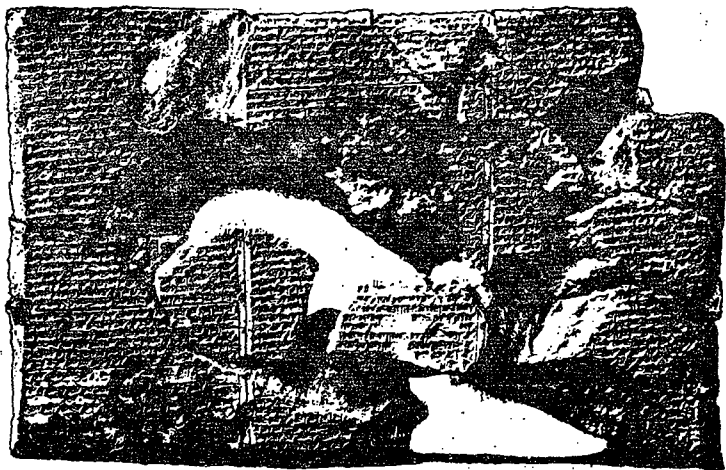
Первая половина и особенно середина XIX века прошли под знаком крупнейших археологических открытий на Переднем Востоке. Под песками пустыни были обнаружены древние города, не только названия, но и места расположения которых были вычеркнуты из народной памяти прошумевшими над их развалинами тысячелетиями. Имена их первооткрывателей — Клавдия Джеймса Рича, Поля Эмиля Ботта и, наконец, Генри Лэйярда и Ормузда Рассама — ассириология никогда не забудет. Работы, проведенные ими в невероятно трудных условиях, когда они лишались не только здоровья, но и жизни, можно приравнять к научному подвигу. Но основным стремлением этих археологов, хотя и без специального археологического образования, было вывезти в европейские музеи, в первую очередь в Британский музей и Лувр, побольше каменных изваяний — броских и эффектных экспонатов.

Наряду с названными находками были обнаружены, причем в большом количестве на полах вскрываемых

помещений, глиняные кирпичики разных размеров, вся поверхность которых была испещрена непонятными значками, нанесенными до обжига. Много этих табличек было уничтожено по неведению, но часть запакована в ящики и отправлена в хранилища Британского музея. Там она и ждала своего часа, который пробил тогда, когда она попала в руки Джорджа Смита — гравера по меди. И путь, проделанный ученым к остаткам дворцовой библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала, был нелегким.

Первоначально Джордж Смит должен был гравировать знаки ассиро-вавилонского письма для пятитомного издания «Клинообразных надписей Западной Азии». Изображать их, не зная, что ими написано, он не мог и самостоятельно выучил клинопись. Много времени и сил потратил простой рабочий, и стремление к знаниям вывело его в первые ряды знатоков ассирийских текстов. Затем он добился того, чтобы его допустили в кладовые музея, где уже многие годы стояли неразобранные ящики с осколками табличек, покрытых письменами. Первая научная работа, которую он написал, продолжая зарабатывать на жизнь гравированием, была посвящена выяснению вопросов хронологии, связанных с походом ассирийского царя Салманасара III в Сирию; она увидела свет в 1866 году. Затем он восстановил полный текст летописи другого ассирийского царя — Ашшурбанипала, собрав его из множества осколков в нескольких копиях. Сопоставление этих копий, дополнивших утраченные места, помогло восстановлению текста документа. После такого «экзамена на звание мастера» Джордж Смит стал наконец сотрудником Британского музея. Было ему 26 лет.

Наконец-то Смит смог целиком отдаваться тому, что влекло его всю жизнь, — чтению клинописи. Практически живя только этим, он из ящиков, привезенных в Лондон после раскопок Г. Лэйярда в Ниневии в 1849 году, стал извлекать научные сенсации одну за другой. По словам одного из современников, Джордж Смит обладал энергией, настойчивостью, неутомимым терпением, чутьем, какой-то особенной способностью к разыскиванию и подбору плиток. Тут он проявил прямо-таки гениальность. Его взгляд отличался особой остротой, и он мог различать даже руку, «почерк», каким были написаны знаки. В результате своих изысканий Джордж Смит в 1870 году закончил капитальный труд о време-

Глиняная табличка с записью сказания о потопе
в «Эпосе о Гильгамеше»

ни Ашшурбанипала. Много места там было уделено проблеме хронологии — не только установлена дата солнечного затмения по принятой в наше время системе счисления времени — 15 июня 763 года до н. э., — но и восстановлена вся система ассирийского календаря. Таким образом, к тому моменту, когда судьба вложила в руки Смита обломок таблички с фрагментом Эпоса о Гильгамеше, он уже стал ученым-ассириологом с мировым именем.

«...У горы Ницир корабль остановился. Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться... При наступлении дня седьмого вынес голубя и отпустил я; отправившись, голубь назад вернулся: места не нашел, прилетел обратно...» Эти слова потрясли исследователя, ибо он их знал с детства из Библии, из рассказа о всемирном потопе и спасении праведного Ноя. Он понял, что в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанипала хранился гораздо более древний вариант легенды о потопе, чем зафиксированный в Библии. Однако, хотя Смит перерыл все ящики с остатками клинописных табличек, ему не удалось найти других обломков. Оставалось предполагать, что они либо исчезли во время раскопок и окончательно утеряны для науки, либо остались в развалинах дворца, скрытого в толще Куюнджикского холма,

и их можно попытаться найти. 3 декабря 1872 года Джордж Смит выступил с публичным докладом о сенсационной находке и стал знаменитостью; начали поступать предложения оказать ему помощь.

Лондонская газета «Дейли телеграф» взялась финансировать новую экспедицию на холм Куюнджик во главе с Дж. Смитом. Газете это обошлось в тысячу фунтов, но для предстоящей сенсации можно было и рискнуть. Конечно, все понимали, что легче найти иголку в стоге сена, чем требуемый черепок в старых раскопках, но... произошло чудо. Вскоре после начала работ нужный фрагмент был найден; попутно обнаружено еще несколько тысяч «глиняных книг», и среди них шумеро-вавилонский словарь, благодаря которому стало возможным прочесть письменность более древнего населения Месопотамии — шумеров, в том числе, как увидим далее, самый древний вариант легенды о всемирном потопе, записанный, вероятно, вскоре после катастрофы.

Джордж Смит вернулся в Лондон победителем. Следующую экспедицию под его же руководством Британский музей организовал в 1876 году. Однако исследователь попал в эпидемию чумы, вспыхнувшей в Багдаде, и погиб, жизнью заплатив за знания, которые он оставил человечеству.

С тех пор прошло более ста лет. Вавилонская легенда о всемирном потопе, включенная в эпическую поэму о Гильгамеше, была найдена в большом количестве копий на четырех языках Древнего Востока — шумерском, аккадском, хурритском и хеттском; ныне она издана на многих языках. «Эпос о Гильгамеше» («О все видавшем») вошел в золотой фонд мировой литературы и занял подобающее ему место. На русском языке он известен в прекрасном переводе И. М. Дьяконова, отрывки из которого приводятся ниже. Разделение строк означает метрически размеренное чтение, при котором древняя поэма, сочиненная более 4 тысяч лет назад (XXIII—XXI века до н. э.), приобретает особый аромат эпохи и позволяет представить себе низкие сводчатые помещения, где она мерно и ритмично звучала в устах чтеца, где ее внимательно слушали давно ушедшие поколения людей и восторгались подвигами древних героев, могуществом и справедливостью древних богов.

Утнапишти¹ ему вещает, Гильгамешу:
 «Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
 И тайну богов тебе расскажу я.
 Шуриппак, город, который ты знаешь,
 Что лежит на бреге Евфрата,—
 Этот город древен, близки к нему боги.
 Богов великих потоп устроить склонило их сердце
 Совещались отец их Ану, Эллиль, герой,
 их советник,
 Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
 Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
 Но хижине он их слово поведal:
 «Хижина, хижина! Стенка, стенка!
 Слушай, хижина! Стенка, помни!
 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
 Снеси жилище, построй корабль,
 Покинь изобилие, заботься о жизни,
 Богатство презри, спасай свою душу!
 На свой корабль погрузи все живое.
 Тот корабль, который ты построишь,
 Очертаньем да будет четырехуголен,
 Равны да будут ширина с длиною,
 Как Океан, покрой его кровлей!»
 Я понял и вещаю Эа, владыке:
 «То слово, владыка, что ты мне молвил,
 Почтить я должен, всё так и исполню.
 Что ж ответить мне граду — народу и старцам?»
 Эа уста открыл и молвит,
 Мне, рабу своему, он вещает:
 «А ты такую им речь промолви:
 — Я знаю, Эллиль меня ненавидит,—
 Не буду я больше жить в вашем граде,
 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
 Спущусь к Океану, к владыке Эа!
 А над вами дождь прольет он обильно,
 Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
 На земле будет всюду богатая жатва,
 Утром хлынет ливень, а ночью
 Хлебный дождь вы узрите воочью».

. : : : : :
 : : : : :

Едва занялось сияние утра,
 По зову моему весь край собрался,
 Всех мужей я призвал на повинность —
 Дома сносили, разрушали ограду.
 Ребенок смолу таскает,
 Сильный в корзинах снаряженье носит.
 В пятеро суток заложил я кузов:
 Треть десятины площадь, борт 120 локтей высотой,
 По 120 локтей края его верха.
 Заложил я обводы, чертеж начертил я:

¹ Поскольку ниже нами приводится фрагмент текста «Эпоса о Гильгамеше» в переводе И. М. Дьяконова, сохраняется принятое им написание имен и названий, хотя они и отличаются от ранее принятых.

Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделивши ими,
Его дно разделил на девять отсеков,
Забил в него колки водяные,
Выбрал я руль, уложил снаряжение.
Три меры кира в печи расплавил,
Три меры смолы туда налил я,
Три меры носильщики натаскали елея:
Кроме меры елея, что пошла на промазку,
Две меры елея спрятал кормчий.
Для жителей града быков колол я,
Резал овец я ежедневно,
Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным
и белым

Народ поил, как водой речною,
И они пировали, как в день новогодний.
Открыл я благовонья, умастил свои руки.
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали — он был тяжелым,
Подпирали кольями сверху и снизу,
Погрузился он в воду на две трети.

*

Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.

Время назначил мне Шамаш:
«Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь ты узришь воочью,—
Войди на корабль, засмоли его двери».

Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью,
Я взглянул на лицо погоды —
Страшно глядеть на погоду было.
Я вошел на корабль, засмолил его двери —
За смоление судна корабельщику Пузур-Амúrри
Чертог я отдал и его богатства.

*

Едва занялось сияние утра,
С основания небес встала черная туча,
Адду гремит в ее середине,
Шу́ллат и Ха́ниш идут перед нею.
Идут, гонцы, горой и равниной.

Эрагаль вырывает мачты,
Идет Нинурта, гать прорывает,
Зажгли факелы Анунна́ки,
Чтоб их сияньем зажечь всю землю,
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым,— во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.

Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, людей настигая.

Не видит один другого,
И с небес не видать людей.

Боги потопа уstraшились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.

Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
«Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»

Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей.

Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган — потоп

прекратился.

Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,

Я взглянул на море — тишь настала,

И все человечество стало глиной!

Плоской, как крыша, сделалась равнина.

Я пал на колени, сел и плачу,

По лицу моему побежали слезы.

Стал высматривать берег в открытом море —

В двенадцати поприщах поднялся остров.

У горы Ницир корабль остановился.

Гора Ницир корабль удержала, не дает

качаться.

Один день, два дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.

Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.

Пять и шесть гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.

*

При наступлении дня седьмого

Вынес голубя и отпустил я;

Отправившись, голубь назад вернулся:

Места не нашел, прилетел обратно.

Вынес ласточку и отпустил я;

Отправившись, ласточка назад вернулась:

Места не нашла, прилетела обратно.

Вынес ворона и отпустил я;

Ворон же, отправившись, спад воды увидел,

Не вернулся; каркает, ест и гадит.

Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,

На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.

Сорок лет считалось, что ассириологи нашли в Кундджикском холме древнейший вариант легенды о потопе. Но в 1914 году выдающийся американский шумеролог Арно Пёбель опубликовал фрагмент еще более раннего, **шумерского сказания о потопе**. Кстати, как и Джордж Смит, он нашел его среди табличек из раскопок города Ниппура, хранившихся в музее Пенсильванского университета в Филадельфии. Текст очень фрагментарен, и, более того, больше не найдено ни одного обломка с этим повествованием. Поэтому мы воспроизведем этот фрагмент в значительной части.

Собственно сюжету о потопе в тексте предшествует многое другое, в значительной степени не сохранившееся. Судя по отрывкам, там излагается космогония и создание людей в незапамятные времена. Затем рассказывается о том, что с небес была ниспослана царская власть, что до деталей совпадает с текстом царского списка: «Когда царство было ниспослано с небес, царство было в Эреду». Затем были созданы «обряды и высшие божественные законы», а бог, по всей вероятности Энки, хотя имя его и не сохранилось,

...основал пять городов в... освященных местах,
Он дал им имена и сделал их главными святилищами.
Первый из этих городов, Эреду, он отдал Нудиммуду,

вождю,

Второй, Бад-тибину, он отдал...

Третий, Ларак, он отдал Эндур-биль-хурсаг,

Четвертый, Сиппар, он отдал герою, чье имя — Уту,

Пятый, Шуруппак, он отдал Суду.

После большого куска утраченного текста появляется Зиусудра — последний царь города Шуруппака перед потопом. Он характеризуется как благочестивый и богобоязненный правитель, который постоянно служит великим богам и правит по их предназначениям. Его-то и решили боги сохранить от уничтожения, тем более что и в их среде были несогласные с необходимостью проведения столь жестокой акции: «...божественная Инанна заплакала о своем народе». Как и в аккадском эпосе, Зиусудру так предупреждает божественный голос из стены:

Встань у стены, слева от меня...

У стены я скажу тебе слово, внемли моему слову!

Слушай же мои указания:

По нашему [слову] потоп зальет главные святилища,

Дабы уничтожить семя рода человеческого...

Таково решение и постановление собрания богов,

По слову Ана и Энлиля...

Его царству, его правлению [придет конец].

Можно только догадываться, что дальше в тексте шли рекомендации по сооружению ковчега. А так как шумеры были в то время уже опытными мореходами, следует предполагать эти рекомендации вполне профессиональными. Уже к тому времени можно отнести плаванья по Персидскому заливу, способствовавшие открытию и колонизации Бахрейнских островов, получивших название забытой прародины шумеров — Дильмун. Более того, можно с полным основанием предположить, что шумерские корабли могли совершать дальние морские путешествия вдоль побережья в сторону Индии и таким путем войти в контакт с ее древнейшим населением.

И вот начался ужасный потоп:

Все бури с небывалой силой разбушевались одновременно.

И в тот же миг потоп залил главные святилища.

Семь дней и семь ночей

Потоп заливал землю,

И огромный корабль ветры носили по бурным водам.

Потом вышел Уту, тот, кто дает свет небесам и земле.

Тогда Зиусудра открыл окно на своем огромном корабле,

И Уту, герой, проник своими лучами в огромный корабль.

Зиусудра, царь,

Простерся перед Уту,

Царь убил для него быка, зарезал овцу...

После очередного пробела в тексте следует рассказ о том, что

Ан и Энлиль обласкали Зиусудру,

Дали ему жизнь, подобно богу,

Вечное дыхание, подобно богу, принесли для него свыше.

Потом Зиусудру, царя,

Спасителя имени всех растений и семени рода человеческого,

В страну перехода, в страну Дильмун, где восходит солнце,

они поместили.

Вот именно в этом тексте под страной Дильмун надо понимать не Бахрейнские острова в Персидском заливе, а ту легендарную страну, откуда пришли шумеры, расположенную к востоку от Месопотамии.

В другом мифологическом цикле, совершенно отличным от месопотамского и не связанном с ним, но столь

же древнем и самобытном, а именно в древнеиранских священных книгах, известных под общим названием **Авеста**, также имеется легенда о потопе. К сожалению, изучение этого замечательного памятника, содержащего большой объем разносторонней информации, не столь глубоко, как клинописных источников. Многие ученые исследуют Авесту с лингвистических позиций, а все исторические сведения, содержащиеся в ней и требующие интерпретации, подгоняют под устаревшие концепции прошлого века. Здесь не место и не время заниматься историческим анализом Авесты, поэтому мы приводим ту ее часть, где говорится непосредственно о катастрофе, предсказанной богами и предотвращенной ими для избранных. Этот отрывок — перевод на немецкий, сделанный Фридрихом Вольфом и изданный в 1910 году (стереотипное переиздание в 1960 году).

«И сказал Ахура Мазда Йиме: «О, прекрасный Йима, потомок Вивахванта! На злое материальное человечество должны прийти зимы, и вследствие этого суровые пагубные морозы; на злое материальное человечество должны прийти зимы, вследствие которых сначала пойдут тучи снега и покроют все от горных вершин до низин, которые имеет Ардви.

И треть животных, о Йима, после этого уничтожится, и те, которые в самых страшных местах живут, и те, которые на вершинах гор, и те, которые в долинах рек в крепких постройках.

До зимы эта земля была покрыта пастбищами; на нее должны будут при таянии снегов хлынуть потоки воды, и недоступной окажется она для материального мира, о Йима, где теперь видны следы скота» (Видевдат, 2.22—24).

Чтобы спастись от вод, которые хлынут с гор в низины и долины при таянии снегов, и спасти животных, растения, пищу и огонь, Ахура Мазда велит Йиме построить вару, то есть крепость. Эта крепость, точнее, ограда в виде земляных валов должна быть четырехугольной в плане со стороны в 2 тысячи шагов (?); внутри ее должно быть все как на случай длительной осады: вода, луга и дома для людей и скота. Йима сделал все, что велел ему Ахура Мазда, но, к сожалению, Авеста не сохранила описания того стихийного бедствия, которое должно было произойти.

Последний вариант легенды о потопе содержится в ведической литературе, а именно в брахманах — теологических сочинениях в прозе. Из цикла, рассматривае-

мого в этой главе, мы умышленно не берем древнегреческую легенду о Девкалионе.

«...Тогда она (рыба) сказала Ману (сыну Вивасванта. — И. Х.): «В таком-то году будет потоп. Поэтому ты последуй моему совету и построй корабль, а когда этот потоп начнется, взойди на корабль и я спасу тебя».

...А в тот год, как указала рыба, Ману, послушавшись ее совета, построил корабль и взошел на него, когда начался потоп. Тогда рыба приплыла к нему, прикрепил веревку к своему рогу и таким способом быстро направилась к северной горе.

Там она сказала Ману: «Вот я спасла тебя. Теперь привяжи корабль к дереву, чтобы вода не унесла тебя, пока ты будешь на горе. А как только вода станет спадать, ты можешь постепенно спускаться». Таким образом, он постепенно спустился... Потоп унес тогда все живые существа, один только Ману остался в живых там» (Шатапатха Брахмана 1, 8, 1. Перевод Т. Я. Елизаренковой).

Приведенные варианты передневносточного мифа о потопе можно свести к двум основным — шумерскому и авестийскому. Действительно, библейский миф из книги Бытия и апокрифическое сказание книги Еноха, а также аккадский вариант об Утнапиштиме в точности восходят к шумерскому первоисточнику. Библейские варианты значительно беднее и проще в описании, изобилуют повторами, аккадский же вариант шумерского мифа показывает динамику стихийного бедствия более реалистично. По-видимому, это можно объяснить тем, что при составлении шумерского (и аккадского) варианта происшедшие события были более памятливы его составителям, нежели это было при составлении сказания о Ное, когда была переписана и заново отредактирована легенда об Утнапиштиме. Ведический вариант, очевидно, является смесью шумерского и авестийского мифов: главный персонаж мифа — Ману, вероятно соответствующий авестийскому Йиме, так как имена их отцов совпадают. Но Ману был предупрежден о потопе и спасен от него рыбой — в этом можно усматривать параллель с шумерским вариантом, согласно которому Утнапиштима (Зиусудру) спасает Эа (Энки), а последний изображался получеловеком-полурыбой. Это и понятно, поскольку ведические и авестийские арии образовывали когда-то индоарийское единство, что отразилось должным образом и в огромном мифологическом пласте, и в сравнительно-историческом языкознании. Наряду с этим археологические находки во многих ме-

стах Переднего Востока и долины Инда позволяют утверждать наличие действительных культурных контактов двух названных областей с самых ранних этапов истории. Путем этих контактов, безусловно, передавались не только материальные, но и духовные ценности, в том числе и мифы, в частности какие-то варианты мифа о потопе в его шумерском варианте.

Таким образом, рассмотрение мифологического пласта в литературной традиции о потопе и уничтожении почти всего живого на земле приводит нас к мнению, что этот миф существовал в двух основных изводах. Вероятнее всего, эти варианты никогда не переплетались, что объясняется только тем, что этнические массивы, в среде которых они сложились, не соприкасались (во всяком случае, после описываемой в них катастрофы). Коренное отличие заключается в том, что в шумерском мифе, который возник в равнинной, низменной части Месопотамии, описывается грандиозное наводнение, которое произошло под действием урагана со стороны Персидского залива, не выпустившего в океан воды Тигра и Евфрата. В авестийском мифе, наоборот, описывается наводнение не в речной долине, а горное — селевые потоки, которые возникают обычно из-за большого скопления снега в горах и его интенсивного таяния. И методы спасения от наводнений различны, хотя и преследуют одинаковые цели: на равнине можно спастись на каком-либо плавающем средстве — на плоту, на лодке; от селя, который представляет собой смесь воды, грязи, камней, идущего с гор неудержимой лавиной и сметающего все на своем пути, спасти может только высокая дамба. Как мы видим, именно эти методы спасения были указаны всемогущими и всезнающими богами.

Если литературная и мифологическая традиция того или иного события не имеют, как правило, никакой хронологической привязки, то с исторической традицией дело обстоит иначе: она должна иметь хронологическое определение. Однако это требование не всегда выполнимо, особенно когда речь идет о столь давних легендарных событиях, как всемирный потоп. А исторический документ, подтверждающий это событие, только один — список шумерских царей. Этот документ довольно своеобразен из-за астрономического количества лет, отведенных большинству правителей, причем чем древнее этот правитель, тем большее количество лет он

царствовал. Те же цари, которые по списку жили уже в историческое время и их реальность согласуется с другими письменными источниками, правили естественные для человека сроки. Таким образом, наукой признается, что цари трех первых династий Киша (из четырех) и первой династии Урука (из пяти) правили мифическое, то есть нереальное, количество лет и сами они во многом легендарны, так как имена некоторых из них соответствуют именам богов и мифических героев. Тем самым относительная достоверность списка царей признается лишь за его поздними частями (примерно с середины III тысячелетия до н. э.), когда они подтверждаются другими историческими документами.

Список открывается поименным перечислением восьми царей, которые правили в пяти древнейших городах Шумера: в Эреду (Южный Шумер) два царя правили 64 800 лет, в Бад-тибуре (Северный Шумер — район Киша) три царя правили 108 000 лет, в Лараке (Южный Шумер) один царь правил 28 800 лет, в Сиппаре (район Вавилона) один царь правил 21 000 лет и в Шуруппаке (Центральный Шумер) один царь правил 18 600 лет.

«Потоп смыл все. После того, как потоп смыл все, как только царственность спустилась с небес, царственность была в Кише» — так повествует о потопе список царей. Затем идет длительное перечисление «послепотопных» царей Шумера, объединенных в династии, правившие уже в четырнадцати городах. Эти династии приводятся последовательно, хотя можно не сомневаться в том, что они правили параллельно, каждая в своем городе.

Существует прочная традиция относиться к «допотопным» и к ранним «послепотопным» царям как к плоду чистой фантазии, особенно к срокам их царствования, поскольку они явно преувеличены. Такое же отношение было раньше и к именам этих царей. Однако более 60 лет назад Саргон Аккадский считался мифическим персонажем, и английскому ученому Л. Кингу понадобилось написать целую книгу, чтобы доказать его историческую реальность. Теперь известно, что он действительно царствовал в 2334—2279 годах до н. э. (по другой системе дат — в 2371—2316 годах до н. э.), и уже никто и не помнит о том, что его существование когда-то пришлось доказывать. Так же обстояло дело и с Гильгамешем — героем приведенного выше аккадского эпоса: он долгое время считался мифическим персонажем. Теперь ясно, что Гильгамеш, как считает

И. М. Дьяконов, — историческая личность, жрец и военный вождь Урука первой половины III тысячелетия до н. э. Об этом повествует шумерская глиняная табличка с упоминанием построек, выполненных под руководством Гильгамеша и его сына Ур-Нунгала. Энмеркар, второй царь I династии Урука, тоже считался мифическим персонажем, но огромная эпическая поэма «Энмеркар и правитель Аратты», открытая, переведенная и изданная С.-Н. Крамером в послевоенные годы, позволяет также считать его исторической личностью — царем, который обнес Урук стенами, чем окончательно превратил его в город. Наконец, первые два царя I династии Ура, Месаннипада и его сын Ааннипада, также стали считаться реально существовавшими из-за того, что в толщах древнего Ура нашлись документы и вещи с их именами. Как можно видеть из приведенных примеров, на территории Южной Месопотамии в послепотопное время действительно существовали названные в царском списке шумерские города, а в них правили перечисленные в списке цари (по-шумерски — лугали).

Что же касается «допотопных» царей, то и в этой части списка можно предложить некоторый пересмотр традиционной точки зрения. Дело в том, что, согласно списку, перед потопом в Шуруппаке правил царь Убартуту. Можно вспомнить, что отца аккадского Утнапиштима, который спасся от потопа благодаря Эа, звали также Убартуту. Допустим, что здесь произошло совпадение, но есть еще один вариант царского списка (он имеет шифр K-11624), содержащий небольшое различие с основным списком. Там сказано, что в Шуруппаке царствовало два царя: известный нам Убартуту и его сын Зиусудра. Но Зиусудра — имя шумерийского героя, спасшегося от потопа, то есть того самого человека, которого по-аккадски называли Утнапиштимом. Если два человека совершают одинаковые действия, если они происходят от одного и того же отца, если они персонажи двух эпических сказаний, восходящих к одному источнику, то имеется полная возможность предположить, что это один и тот же герой, который по-шумерски зовется Зиусудрой, а по-аккадски — Утнапиштимом. Более того, известно, что Зиусудра был царем Шуруппака и, следовательно, мог быть царским сыном. Все это позволяет считать, что, подобно Гильгамешу, его предок Утнапиштим, который по-шумерски назывался царем Зиусудрой, сыном царя Убар-

туту, — реальное лицо, и события, произошедшие с ним, послужили реальной основой для одного из распространенных мифов Переднего Востока. Рассуждая дальше, можно полагать реальной личностью и Убартуту — последнего царя города Шуруппака перед великим потопом. А раз «допотопный» царь Шуруппака мог существовать реально, есть все основания реабилитировать и весь «допотопный» раздел царского списка и считать названных в нем персонажей принадлежащими не только к передневносточной мифологии. Единственно, что выглядит пока совершенно нереальным, — сроки правления «допотопных» и значительной части «последопотопных» царей. Но об этом мы поговорим дальше.

Предположения о достоверности сведений всего царского списка приводятся здесь для того, чтобы убедить читателя в достоверности сведений относительно потопов. Почему, спрашивается, если сведения о первых «последопотопных» царях вполне достоверны, сведения о потопе следует объявить недостоверными? Очевидно, надо считаться с тем, что на территории Южной Месопотамии действительно имела место грандиозная катастрофа, которая оставила неизгладимый след не только в памяти спасшихся от нее свидетелей, но и их потомков вплоть до нашего времени. Мы далеки от мысли, подобно апологетам библейских текстов, объявлять правоту священного писания, но не учитывать реальных событий на конкретной территории (а вовсе не в мировом масштабе) мы не имеем права. И это событие, непонятное очевидцам, которые видели в нем не что иное, как проявление страшной воли бессмертных богов, стало для них своеобразной исторической вехой, от которой и велся счет событиям как до потопов, так и после потопов. Причем то, что происходило до потопов, было почти полностью стерто катастрофой из общественной памяти.

Рассуждая о критерии истинности в вопросе о всемирном потопе, нельзя не привлечь серию объективных фактов, которые археология дала в руки историков. А они весьма интересны, поскольку показывают реальные следы каких-то грандиозных наводнений в Месопотамии. Впервые следы потопов, как их принято называть в зарубежной исторической литературе, были открыты известным английским археологом Леонардом Вулли при раскопках холма Мукайяр, в недрах которого были скрыты многометровые напластования города Ура от его возникновения до разрушения в IV веке до н. э.

Поскольку Вулли наилучшим образом знал и интерпретировал добытый его экспедицией археологический материал, целесообразно предоставить слово ему самому. Вот что писал Л. Вулли в своей интереснейшей книге «Ур халдеев», переведенной на многие европейские языки.

«В 1929 году завершились раскопки царского кладбища в Уре. В то время я был убежден, что погребения хотя и ненамного, но все же древнее Первой династии Ура. Найденные в могилах сокровища свидетельствовали о поразительно высокой цивилизации, и именно потому было особенно важно установить, через какие этапы человек поднялся до таких высот искусства и культуры. Вывод напрашивался сам собой: нужно продолжать копать вглубь. Для начала мы решили исследовать нижние слои на небольшом участке, чтобы не тратить зря денег и времени. Мы начали с того слоя, где были обнаружены захоронения, и отсюда стали рыть маленькую квадратную шахту площадью полтора метра на полтора. Мы углубились в нижний слой, состоявший из обычной, столь характерной смеси мусора, распавшихся необожженных кирпичей, золы и черепков. Примерно в таком же мусоре располагались и гробницы. На глубине около метра внезапно все исчезло: не было больше ни черепков, ни золы, а одни только чистые речные отложения. Араб-землекоп со дна шахты сказал мне, что добрался до чистого слоя почвы, где уже ничего не найдено, и хотел перейти на другой участок. Я спустился вниз, осмотрел дно шахты и убедился в его правоте, но затем сделал замеры и обнаружил, что «чистая почва» находится совсем не на той глубине, где ей полагалось бы быть. Я исходил из того, что первоначально Ур был построен не на возвышенности, а на невысоком холмике, едва выступавшем над болотистой равниной, и, пока факты не опровергнут моей теории, я не собирался от нее отказываться. Поэтому я приказал землекопу спуститься вниз и продолжать работу. Араб неохотно начал углублять шахту, выбрасывая на поверхность чистую землю, в которой не было никаких следов человеческой деятельности. Так он прошел еще два с половиной метра, и вдруг появились кремневые осколки и черепки расписной посуды, такой же, как в Эль-Обейде.

Я еще раз спустился в шахту, осмотрел ее и, пока делал записи, пришел к совершенно определенному выводу. Однако мне хотелось узнать, что скажут об

этом другие. Вызвав двух участников экспедиции, я изложил им суть дела и спросил, что из этого следует. Оба стали в тупик. Подошла моя жена, и я обратился к ней с тем же вопросом.

— Ну, конечно, здесь был потоп! — ответила она не задумываясь. И это был правильный ответ».

«Все города Месопотамии, в том числе и Ур, сохранили следы наводнений, происходивших в разное время. Но в Уре предстали последствия такого наводнения, какого Месопотамия не знала за всю свою многовековую историю. Нам, конечно, повезло, потому что потоп, разумеется, далеко не всюду оставил столько наносов, наоборот, в тех местах, где течение было сильнее, могли оказаться даже размывы. Ил откладывался только там, где течение замедлялось из-за какого-либо препятствия; в данном случае ил отлагался у северного склона холма, на котором стоял город. Этот холм возвышался над равниной и сдерживал напор течения.

Если максимальная толщина слоя ила доходит до трех с половиной метров, вода должна была подниматься по крайней мере на семь с половиной. Во время такого наводнения на плоской низменности Месопотамии под водой оказалось бы огромное пространство — километров пятьсот в длину и сто пятьдесят в ширину. Вся плодородная долина между горами Элама и плато Сирийской пустыни была бы затоплена, все деревни разрушены, и, очевидно, лишь немногие города, расположенные на искусственных холмах, уцелели бы после такого бедствия.

Составители списка царей рассматривали потоп как некий перерыв в истории их страны. Но мы знаем, что в действительности потоп уничтожил культуру Эль-Убейда... Мы убедились, что потоп действительно был, и нет никакой нужды доказывать, что именно об этом потопе идет речь в списке царей, в шумерийской легенде, а следовательно, и в Ветхом завете. Разумеется, это отнюдь не означает, что все подробности легенды достоверны. В основе ее лежит исторический факт, однако поэты и моралисты излагают историю потопы каждый на свой лад. Вариаций много, но суть остается неизменной. Разумеется, это был не всемирный потоп, а всего лишь наводнение в долине Тигра и Евфрата, затопившее населенные районы между горами и пустыней. Но для тех, кто здесь жил, долина была целым миром. Большая часть обитателей долины, вероят-

но, погибла, и лишь немногие пораженные ужасом жители городов дожили до того дня, когда бушующие воды начали наконец отступать от городских стен¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они увидели в этом бедствии божью кару согрешившему поколению и так описали его в религиозной поэме. И если при этом какому-то семейству удалось на лодке спастись от наводнившего низменность потопа, его главу, естественно, начали воспевать как легендарного героя».

Впервые объективные следы грандиозного наводнения в Южной Месопотамии были открыты археологическими раскопками 60 лет назад. С тех пор такие же следы потопа обнаружены в культурных слоях других крупных городов Месопотамии — Кише, Шуруппаке, Уруке и Лагаше. Однако эти примерно синхронные делювиальные слои оказались значительно моложе, чем слои потопа в Уре: в названных городах они перекрывали слои времени Джемдет-Наср, а в Уре — обеидского времени. Значит, если все стратиграфические наблюдения оказались правильными, особенно наблюдения Л. Вулли в Уре, то имеются свидетельства по крайней мере двух больших наводнений. Первое из них, о котором повествует Л. Вулли, происходило в первой половине IV тысячелетия до н. э. и захватило только прибрежные города Персидского залива. Второе, засвидетельствованное по всему Шумеру, случилось на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., но по странной причине не отмечено в Уре. Так как воды наводнения не могли миновать этот город, то напрашивается необходимость тщательной проверки стратиграфии Ура для поисков следов потопа, синхронного тому, который оставил отложения в Кише, Шуруппаке и т. д. Слои потопа в Уре, на северной части городища, значительно мощнее, чем в других городах Месопотамии. Вполне вероятно, что они представляют собой отложения двух потоков. После первого это место не было обжито вновь, и, следовательно, на нем не образовалось культурного слоя. Возможно, потому, что прослойка между отложениями двух потоков была незначительной, ее и не заметил Леонард Вулли. Во всяком случае, именно более поздние наслоения, найденные в синхронных слоях основных городов Шумера, признаются сейчас многими западными археологами за отложения того навод-

¹ Наивно было бы думать, что воды потопа не проникли внутрь огражденных стенами городов.

нения, которое из-за своей грандиозности получило название «всемирного потопа». В связи с этим необходимо отметить, что эти слои датируются учеными около 3000 года до н. э. (А. Парро — около 2800 года до н. э., М. Мэллоуэн — около 2900 года до н. э.).

Прежде чем закончить рассказ о грандиозной катастрофе в Древнем Двуречье, которая получила на века название «всемирного потопа», хочется еще раз остановиться на хронологическом определении этого события. Как уже было сказано, археологически это датируется около 3000 года до н. э., но ведь есть еще и исторический источник — список царей Шумера. Согласно этому источнику, потоп был настолько впечатляющим событием, что он разделил все события на «допотопные» и «послепотопные». Это было природное явление, которое образовало естественную эру, естественную точку отсчета времени. И это не должно смущать: ведь и в наши дни каждый европеец, а в особенности каждый житель нашей страны, в обиходе делит время на довоенное и послевоенное, причем ни у кого не возникает вопрос, о какой войне идет речь, — всем ясно, что о последней, Великой Отечественной. Так было и прежде — у людей старшего поколения такой исторической вехой был 1917 год, а в XIX веке — 1812 или 1861 год и т. д.

Как было показано, царскому списку в отношении имен царей вполне можно доверять, что же касается хронологических отрезков их царствования, то они представляются фантастическими. Известно, что человеческая жизнь имеет свои пределы, но известно также, что время можно считать отрезками разной протяженности: день, неделя, месяц, год, век. Для проверки такой возможности был проделан опыт: все отрезки царствования «допотопных» царей были поделены на 360, то есть на количество дней в вавилонском году. Оказалось, что практически все отрезки списка кратны 360; более того, варианты этих цифр из других источников также оказались кратными 360. Таким образом, из 22 отрезков времени по трем источникам только три не делились без остатка на 360, и то они разделятся, если изменить в них по одной цифре. Следовательно, можно с полным основанием предположить, что для сроков правления «допотопных» царей единицей измерения был избран день.

Получившиеся отрезки времени, выраженные уже в годах, все же слишком велики для царствования одного человека, даже если он правил с детских лет. Но

Древнейшие цари Шумера

Имя царя	Город, где правил	Сроки правления					
		Основной список		Список W — В 62		Список Беррота	
		1/1	1/360	1/1	1/360	1/1	1/360
Алу-лим	Эреду	28 800	80	67 200 ¹	(170)	36 000	100
Ала-лгар	Эреду	36 000	100	72 000	200	10 800	30
Эн-ме-лу-Анна	Бад-тибира	43 200	120	21 600	60	46 800	130
Эн-мен-гал-Анна	Бад-тибира	28 800	80	—	—	64 800	180
Думу-зи	Бад-тибира	36 000	100	28 800	80	36 000	100
Эн-сиб-за-Анна	Ларак	28 800	80	36 000	100	36 000	100
Эн-мен-дур-Анна	Сиппар	21 000 ²	(60)	72 000	200	64 800	180
Убар-туту	Шуруп-пак	18 600 ³	(50)	—	—	28 800	80
Итого		241 200 ⁴				324 000	

¹ Должно быть 61 200, тогда частным от деления на 360 будет 170.

² Должно быть 21 600, тогда частным от деления на 360 будет 60.

³ Должно быть 18 000, тогда частным от деления на 360 будет 50.

⁴ Сумма лет царствования по основному списку при исправлении остается неизменной.

это объяснить легче: известно, что в некоторых случаях цари принимали в качестве тронного имени имя своего предшественника, особенно если он чем-то прославился. Так, например, было у хеттов, когда несколько правителей принимали имя Табарна (или Лабарна). Можно вспомнить также древнеегипетских фараонов Рамзесов или Тутмосов, которые имели по два имени — полученное при рождении и тронное. Несколько правителей с одним именем могли в ретроспективе ушедших столетий слиться в образ одного человека с общим отрезком времени царствования, равным сумме сроков правления отдельных царей. Как бы то ни было, предложенные цифры представляются более реальными, нежели те тысячи лет, которые указаны в списке. И мы считаем, что методика определения истинного, реального отрезка времени себя оправдала. А если это так, то ее можно применить и к «послепотопным» царям.

Население Древней Месопотамии для измерения времени имело несколько отрезков. Год был разделен

на 360 дней, на 60 шестидневных недель и на 12 тридцатидневных месяцев. Кроме того, очень употребительным был отрезок времени из двух недель, и, следовательно, в году укладывалось 30 таких отрезков. Вероятно, составители списка под названием года могли подразумевать один из указанных отрезков времени, но какой именно — пока неизвестно. Количество лет царствования (причем не всегда прочитанное в подлиннике или восстановленное с достоверностью) мы можем делить на 12 (месяцы), 30 (двухнедельные отрезки), 60 (недели) и 360 (сутки), но остается неизвестным, какое частное следует предпочесть.

Известно, во-первых, что царствование после потопа спустилось в Киш — город Северного Шумера; это и естественно, так как воды отступали с севера на юг, и Северный Шумер стал скорее пригоден для жизни, чем Южный, пусть даже всего на несколько месяцев. Вполне естественно, что люди, сумевшие уцелеть при катастрофе, постепенно возвращались на прежние места и после ухода вод обживали их практически заново.

Во-вторых, царский список перечисляет всех царей четырех последовательных династий Киша поименно и указывает сроки их правления вплоть до второго царя IV династии Киша Ур-Забабы. У него согласно традиции виночерпием служил Саргон, который впоследствии бежал на север, в Аккад, основал новую династию, был ее первым царем — Саргоном Древним, или Аккадским, — и царствовал 56 лет.

В-третьих, время царствования Саргона Аккадского в абсолютных датах известно: 2334—2279 годы до н. э. Если Саргон был младшим современником кишского лугалья Ур-Забабы, то от начала его царствования до потопа прошло столько времени, сколько царствовали в сумме три династии города Киша целиком и еще два царя четвертой династии.

В-четвертых, по археологически установленным датам слои потопа прежде всего в Кише, а также в ряде других городов Месопотамии перекрывают слои периода Джемдет-Наср. Конец этого периода принято датировать около 3000 года до н. э.

Поэтому между концом периода Джемдет-Наср, перекрытого слоями потопа, и началом царствования Саргона Аккадского прошло около 700 лет. За это время должны были процарствовать три полные династии Киша и два царя четвертой династии. Следовательно, надо попытаться определить для каждой из трех дина-

ствий, которые прежде из-за преувеличенного количества лет считались мифическими, величину их условного года и отношение этой величины к астрономическому году. Для этого можно предложить следующий способ: сроки правления царей каждой из трех династий разделить последовательно на предложенные выше отрезки времени — на 360 (это число себя уже оправдало), 60, 30 и 12. Полученные результаты надо рассматривать таким образом, чтобы вычисленные годы в сумме дали отрезок времени, близкий к 700 годам. И действительно, получается, что для I династии Киша наиболее подходящий отрезок времени, обозначенный в тексте как год, был равен двум неделям, то есть 12 дням. Для II и III династии год стал длиннее, им стал считаться 30-дневный месяц. Что же касается двух царей IV династии Киша, то в ней год был за год. При таком подсчете оказалось, что 23 царя I династии правили около 640 лет (сроки правления двух царей не сохранились), 8 царей II династии — около 160 лет, III династия — 8 лет, два царя IV династии — около 40 лет. В сумме получается, что все цари Киша, от птопа до Саргона Аккадского, правили около 850 лет. Как ориентировочная дата птопа и вторичного заселения Киша может считаться условно 3182 год до н. э. или, вернее, первая половина XXXII века до н. э. Предложенный метод еще нуждается в дополнительной проверке, но ряд данных о времени правления тех или иных лугалей в разных династиях, которые можно извлечь из других исторических источников, совпадают. Это одно из указаний на принципиальную возможность такого подхода к решению проблемы хронологии Древнего Шумера.

Таким образом, первый период истории человеческого общества на Переднем Востоке, главным событием которого был переход к производящей экономике, закончился мировой (в понимании людей того времени) катастрофой. Стихии уничтожили поля и нивы, стада животных и толпы людей, города и поселки. Население долин Тигра и Евфрата во много раз сократилось. Но произошел очередной исторический парадокс: через некоторое время значительный технический прогресс (если этот термин применим для того времени) повлек за собой качественный скачок в развитии производительных сил в целом, а затем и изменение в производственных и социальных отношениях. Однако это, казалось бы невероятное, явление объясняется диалектичностью законов развития общества. Достигнутый пе-

ред потопом уровень производительных сил общества Древнего Востока соответствовал количеству и плотности населения этой территории.

После потопа не только увеличилась доля каждого члена общества при распределении общественного продукта, но и создались предпосылки к выделению избыточного продукта. Последнее обстоятельство явилось стимулом для интенсивного возрастания общей численности населения, а возросшее население в условиях отсутствия перенаселенности территории Шумера положительно образом сказалось на дальнейшем развитии как производства, так и общества. Свидетельство тому — царские династии во многих городах-центрах, а кроме того, возникновение значительного числа новых населенных пунктов, что было бы невозможным и ненужным, если бы население не возрастало убыстренными темпами.

Глава 13

ЭХО ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

Тода — так называется небольшое племя, затерянное в горах Нилгири, в Юго-Западной Индии, численность которого в настоящее время не превышает тысячи человек. Казалось бы, что общего между этим племенем и темой, избранной для предлагаемой книги. Оказывается — очень многое, притом настолько существенное, что рассмотрение этого вопроса пришлось выделить в отдельную главу.

В учебном пособии по всеобщей этнографии для студентов исторических факультетов о народе тода рассказано очень скупое, но и из этого можно заключить, что тода резко выделяются из общей массы дравидийских народов, среди которых они живут. «Очень своеобразный, уникальный хозяйственно-культурный тип, основанный на отгонном общинном скотоводстве, быто-

вал до недавнего прошлого у тогда Нилгирийских гор. Они разводили крупный молочный скот, представлявший собой общинную собственность, и вели молочное хозяйство. Тогда живут оседло, их пастухи отгоняют скот на сезонные пастбища. В обмен на продукты своего хозяйства они получают у соседей растительную пищу и другие необходимые товары. В настоящее время общинное хозяйство у них разлагается, получают распространение другие виды занятий... Своеобразная форма многомужества в виде братской и неродственной полиандрии бытовала некогда у тогда. Эта форма семьи сложилась как следствие разделения труда в специфических условиях жизни».

Даже из этих строк можно сделать вывод, что тогда всегда выделялись из окружавших их этнических массивов в экономическом и социальном отношениях; от себя добавим, что еще и в языковом, культурном, религиозном и, следовательно, в генетическом.

Уже более 150 лет время от времени появляются статьи англоязычных авторов об этом племени, его нравах и обычаях, истории и происхождении. Племя привлекает к себе внимание ученых разных стран своей необычностью на фоне этнического массива всего южноиндийского субконтинента, а не только англичан, которые веками выжимали из Индии все материальные ресурсы, старательно угнетая духовную культуру ее народов. Можно сказать, что вся литература об этом племени оставалась бы известной только узкому кругу специалистов-этнографов и этнологов, если бы судьба не послала к тогда в 1963—1965 годах востоковеда, писательницу и журналистку, прирожденного этнолога Людмилу Васильевну Шапошникову. В 1968 году вышла в свет ее книга «Тайна племени Голубых гор», в которой не был забыт и этногенетический аспект. Вопрос может стать яснее после анализа фактического материала раскопок в Месопотамии, знакомства с исторической и этнической ситуацией на Переднем Востоке в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.

Принято считать, что только археологические раскопки могут пролить свет на происхождение того или иного народа. Но важны не только раскопки, но и изучение обрядов ныне живущих людей, что и делают этнографы. Однако они не могут проникнуть в глубь веков и тысячелетий без помощи археологов. Поскольку каждый элемент духовной культуры вошел в нее в раз-

ное время, задача археологов в том и заключается, чтобы попытаться определить, когда это произошло. Тема тогда и проблема происхождения этого народа настолько объемны и многосторонни, что необходимо выделить особенности этого народа и попытаться найти им соответствия в веках и странах.

Среди многочисленных дравидийских народов Южной Индии племя тогда резко выделяется своим антропологическим типом. Тогда — ярко выраженные представители средиземноморской расы: они высокие, с прямыми носами и высокой переносицей, волосы прямые, темные, хотя встречаются и с рыжиной. Насколько тогда себя помнят, они населяют горы Нилгири, причем, согласно их легендам (а также легендам окружающих их дравидийских народов), тогда были первыми, кто заселил эти места. Они не имеют письменности, и история их племени зафиксирована только в мифах и легендах. Во многих случаях первоосновы тех или иных событий древности бывают до неузнаваемости искажены позднейшими осмыслениями. Их хозяйственная деятельность обусловлена теми экологическими условиями, в которых они оказались. Примечательной выглядит самоизоляция тогда: при их малочисленности, племя строго эндогамно, то есть браки совершаются исключительно внутри племени — мужчины не берут жен со стороны, а женщины никогда не покидают своего племени и не выходят замуж в другие племена. Так было от века, так происходит и ныне.

Присущая тогда полиандрия, то есть многомужество, совершенно несвойственна окружающим их дравидическим племенам. Да и вообще такая форма брака чрезвычайно редка. Полиандрия, которую тогда стараются не афишировать, существует у них в двух формах: или несколько родных братьев имеют одну жену, или, что случается реже, сообщество мужей состоит не из кровных родственников. Поэтому отец в общепринятом понимании у тогда практически неизвестен: отцом становится мужчина, которого выбирает женщина, ожидающая ребенка. При этом совершается специальный обряд, во время которого мужчина вручает женщине модель лука со стрелой. Только после этого он становится в глазах и во мнении общества отцом ребенка со всеми правами и обязанностями. Такая форма брака, вероятно, существует у тогда с незапамятных времен, и причину ее появления и развития следует искать не в закономерностях развития первобытной семьи, а в чрез-

вычайных обстоятельствах. Очевидно, некогда в племени преобладали мужчины, а нарушать племенную эндогамию было категорически запрещено. Существующее в настоящее время соотношение мужчин и женщин у тода 5 к 4 в пользу мужчин, ненамного отличается от такого соотношения в других районах Индии, однако полиандрический брак есть только у тода. Диспропорция полов, приведшая к этому явлению, могла возникнуть только в том случае, если значительная группа мужчин-одноплеменников и незначительное количество женщин этого же племени оказались в изоляции. Для подобной ситуации должны были сложиться такие экстремальные условия, когда начинал действовать непреодолимый биологический закон сохранения вида. Тогда и мог возникнуть эндогамный полиандрический брак при отсутствии естественного соперничества из-за женщины между мужчинами племени.

Как и многие народы земли, тода имеют свой, не очень оригинальный, этногенетический миф в двух вариантах. Первый из них, в котором фигурируют Шива и Парвати, явно заимствован у индусов. Но для нас интереснее второй: «Много лет тому назад в мире было большое наводнение и все утонули. Спаслись только юноша и девушка, которые спрятались в деревянный ящик, сделанный в форме хижины тода. Ящик долго плыл по волнам, и, наконец, они его выбросили на гору. Это была гора Мукуртхи (местожительство главной богини тода Текерзши. — И. Х.), что стоит в Нилгири. Девушка и юноша были голодны и стали молить бога о еде. К ним явился бог Дхармараджа, старший из Пандавов (это уже индийское влияние. — И. Х.). Он накормил их кокосовыми орехами и указал путь в горы. От этих двух спасшихся и берет начало племя тода». Заметим, что в приведенном мифе есть некоторые элементы от всемирного потопы: и гибель всех людей, кроме двоих, и ковчег на волнах, и причаливание ковчега к горе.

Упомянутая вскользь хижина тода, оказывается, может иметь немаловажное значение. Таких построек нет ни у кого из ближайших соседей тода. Они прямоугольны в плане (3—4×4—5 метров) и напоминают коробовый свод, поставленный на землю. Окон нет, внутрь попадают через низкий вход в одной из торцовых стен. Основа стен — изогнутые жерди, стены и крыша состоят из плотных пучков прутьев, они держат тепло очага в ночное время, создают прохладу летом, не про-

пускают влагу в сезоны дождей. В интерьере две суфы (возвышения), очаг и нехитрая утварь, предназначенная в основном для переработки молока — основного продукта животноводческого хозяйства тогда. Зато полное соответствие такому жилищу есть в заболоченной дельте Тигра и Евфрата, у так называемых болотных арабов — маадан. По свидетельству Тура Хейердала, их дома были разной величины; самые высокие, до потолка которых не дотянуться шестом, можно сравнить с ангаром. Стены и крыша этих домов образуют правильный свод, вход в жилище вел с открытого торца. Строители обходятся без железа и дерева: каркас из камышовых дуг покрывают плотной обивкой из камышовых циновок, привязывая их тростниковыми волокнами. Совершенство конструкции и красота линий, с его точки зрения, поразительны: каждое жилище напоминает маленький храм с роскошным золотисто-серым куполом на фоне вечноголубого небосвода пустынь; и в таком же голубом водном зеркале купаются их опрокинутые отражения. Этот народ до сих пор еще слабо изучен из-за практической недоступности района его расселения. Но тем не менее среди антропологов существует мнение, что его происхождение связано не только с арабами, но и с древними персами, вавилонянами и даже шумерами. С тогда их роднит не только архитектура жилища, но и обычная диета — вареный рис с буйволиным молоком. А тип такого дома существовал у населения Южной Месопотамии не менее шести тысяч лет назад. Это подлинно шумерская архитектура: в городах стены домов были из сырцовых кирпичей, а в болотистом крае строили камышовые жилища. Есть и промежуточные пункты с такими домостроительными традициями. Тур Хейердал пишет о том, что у белуджей района Ормары (Пакистан) и у жителей окрестностей Лотхала (Северная Индия) жилища напоминают камышовые дома иракских болотных арабов. Все это также следует запомнить.

Миф о потопе, существующий у тогда, сам по себе значил бы очень мало в попытках решить загадку их происхождения. Однако есть и другие свидетельства о знакомстве предков тогда с океаном. Прежде всего это ритуальные погребальные песни, свободные, по мнению этнографов, от внешних влияний. В них покойный прямо называется «владельцем семи кораблей, который посетил семь королевств и семь королей». Затем тогда считают, что буйволы — основное богатство племени —

вышли из океана, хотя ни один тогда океана никогда не видел.

Поскольку мы коснулись погребальных песен тогда, нельзя не остановиться на их погребальном обряде вообще. Как известно, в этот обряд входит не только метод избавления от мертвого тела, но и ритуальные действия, и сооружение, в котором исчезает тело умершего. В настоящее время обряд состоит из двух частей, разделенных значительным промежутком времени. Первая включает в себя кремацию тела вместе с теми вещами, которые умерший заберет в дорогу. Она совершается после принесения в жертву двух буйволиц, которые также следуют с умершим в страну мертвых — Аманодр. После первой кремации тела остается череп, который вместе с прядью волос, выстриженной заранее, хранится у старшей женщины рода. При проведении второй части погребального ритуала эти останки сжигаются в специальном сооружении (азараме), которое состоит из возвышения, окруженного кольцом неотесанных камней полуметровой высоты, не превышающим шести метров в диаметре. Перед сожжением происходит ритуальная борьба людей с предназначенными в жертву буйволами. Финал погребальной церемонии совершается под покровом ночи: огонь последнего погребального костра уничтожает вместе с останками все остальные приношения. Кучку горячего пепла и покореженные огнем железные предметы собирают, опускают в ямку около выхода из азарама и на это место кладут камень, о который разбивают глиняный горшок. Участники церемонии беззвучно подходят к камню, касаются его лбом и бесшумно исчезают. Тогда дошел до Аманодра...

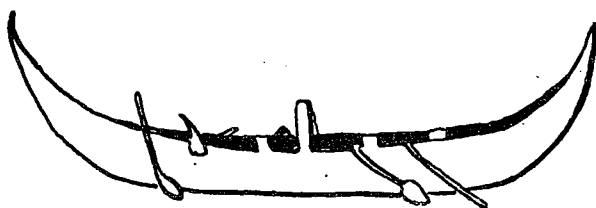
Каково же было удивление Л. В. Шапошниковой, когда она узнала, что страна мертвых Аманодр — существует реально. Более того, туда можно попасть, проехав на автобусе до определенного места и пройдя потом по тропам примерно 15 миль. Сами тогда туда не ходят, но, испытывая чувство дружбы и абсолютное доверие к исследовательнице, два пожилых представителя племени получили разрешение старейшин рода Карш отвести ее в Аманодр и показать его чужестранке. Главным поводом для получения такого разрешения послужило то, что в ее стране нет Аманодра — явление, которого ни один тогда не мог себе представить.

И действительно, за день путешественники добра-

лись до страны мертвых. Это оказалась долина с древними погребальными сооружениями, которых еще не касалась лопата археологов. Там, безусловно, погребены предки тогда, которые когда-то жили в этих местах, а потом были вынуждены передвинуться к северо-востоку, в глубь материка. По внешнему виду сооружения напоминали современный азарам, о котором речь шла выше. Если в последнем зарывают остатки от кремации, то в более ранних производилось захоронение покойника. Когда тогда жили в стране предков, не было надобности переправлять туда души умерших при помощи субстанции огня. Посещение Аманодра позволило Л. В. Шапошниковой установить, что в горы Нилгири тогда пришли с запада, с Малабарского берега — западного побережья Южной Индии. Движение было достаточно медленным, о чем с уверенностью можно судить по наличию древних погребений, отмечавших путь переселенцев.

Достижения археологии последних 10—15 лет позволяют проследить более широкую территорию распространения своеобразных погребальных сооружений в виде широких каменных колец с узким проходом в их середину. По всей вероятности, при реконструкции этого погребального сооружения надо допустить существование особого перекрытия, превращавшего его в склеп с узким входом, заложённым камнями. Очевидно, склеп предназначался для коллективных захоронений в течение длительного времени. Такие сооружения были открыты на Оманском полуострове, образующем узкий Ормузский пролив между Персидским заливом и Индийским океаном. Эти сооружения датированы с помощью керамических сосудов эпохи Джемдет-Наср (конец IV тысячелетия до н. э.), найденных там в изобилии, то есть времени, близкого к всемирному потопу.

Протяженность Персидского залива по прямой — около 800 километров; если же плыть вдоль побережья, путь надо увеличить в полтора раза. Для шумеров подобные морские путешествия были вполне доступны, о чем говорят не только обломки древней керамики, рассыпанные практически по всему западному побережью Персидского залива, но и несколько моделей парусных судов, найденных в царских могилах Ура (кстати, такие же лодки употребляются и по сей день в заболоченной дельте Южной Месопотамии). Более того, вполне можно допустить, что океанские плавания осуществлялись вдоль берегов Азии как на восток, так

Оттиски печатей с изображениями шумерских судов
и модель такого судна.

и на запад от выхода из Персидского залива. На восток путь мог доводить до Малабарского берега Южной Индии: еще в раскопках Леонарда Вулли в Уре в одном из жилых домов под слоями великого потопа были найдены две бусины из амазонита — ближайшее месторождение этого минерала находится в горах Нилгири. Разве это не ошеломляющее доказательство столь дальних контактов в столь раннее время с теми местами, где в настоящее время проживают тода? И можно с полным правом выдвинуть тезис о том, что уже с IV тысячелетия до н. э. шумерские (а может быть, еще и дошумерские!) мореходы плавали вдоль берегов Азии до самой южной оконечности Индии. Надо полагать, что это были не только торговые плавания, но и выведение колоний, которые вели разнообразное общение с племенами, проживавшими вдоль побережья. Вполне вероятно, что многие колонии становились самостоятельными и их общение с метрополией могло временами сокращаться до минимума. Кроме того, это могли быть просто изгои, которые и не стремились сохранить связи с Южной Месопотамией. Для полноты картины следует указать на то, что распространение курганов и каменных сооружений такого типа, которые были найдены в Нилгири, на Бахрейне и в Омане, есть также в горной части Луристана. Кстати, в эти места откочевывает современное население дельты Тигра и Евфрата — болотные арабы маадан.

Ничто так не убеждает, как объективные результаты чисто поставленных экспериментов, которые возможны не только в области естественных или точных наук. Эксперименты, иногда смертельно опасные, могут иметь место и в области древней истории, которая относится к общественным наукам. Такой «острый опыт» был поставлен в 1977—1978 годах известным норвежским путешественником Туром Хейердалом, плавания которого на бальсовом плоту «Кон-Тики» через Тихий океан и на папирусных лодках «Ра» через Атлантический известны всему человечеству. Потом на камышовой лодке «Тигрис» он повторил маршрут шумерских мореходов и даже превзошел их.

Выйдя из устья слившихся ныне в одно русло обеих великих рек Месопотамии в Персидский залив, камышовое судно «Тигрис», построенное по шумерским моделям, через трое с небольшим суток, что соответствовало 30—35 двойным часам древних, достигло острова Бахрейн. Десятилетия раскопок открыли там мощную

цивилизацию, процветание которой в III тысячелетии до н. э. обеспечивалось морской торговлей. Объективные археологические находки не оставили ни у археологов, ни у Тура Хейердала сомнения в том, что этот остров однозначно отождествляется со страной Дильмун. Однако поселения на нем, впоследствии превратившиеся в укрепленные города, окруженные грандиозными некрополями, были основаны в послепотопные времена, то есть в конце III тысячелетия до н. э. И опять следует вспомнить о том, что мифическая страна Дильмун, откуда пришли боги и люди для освоения Нижней Месопотамии, не имеет с островами Персидского залива ничего общего, кроме названия.

Главной деятельностью жителей Дильмуна были мореходство и посредническая торговля. В Шумер, начисто лишенный полезных ископаемых, везли из Дильмуна медную руду и камень, которые добывались в еще более дальних странах, например в Макане. Через Дильмун шли в Шумер слоновая кость и поделочные камни из Индии или даже Африки; кремневые разновесы позволили установить, что дильмунские купцы пользовались не шумерской, а мелуххской системой мер (об этой стране мы скажем чуть позже). Связи стран Месопотамии с Дильмуном сохранялись практически до середины I тысячелетия до н. э., причем их характер оставался неизменным.

«Тигрис» плыл дальше на юг и вскоре миновал узкое горло Ормузского пролива, поминутно рискуя столкновением с океанскими лайнерами, сухогрузами и танкерами. Течения и ветры зимнего времени года отклонили его к западу, и он приблизился к Оману. Правивший тогда султан Кабус после традиционных для восточных стран проволок дал разрешение экспедиции сойти на берег и осмотреть достопримечательности страны (было только одно условие — не фотографировать новый дворец султана). На берегу Тур Хейердал и его команда попали в руки итальянского археолога Паоло Косты, который показал им все древности Омана. В их числе следует отметить могильники из каменных башнеобразных склепов с узким входом, о которых упоминалось выше. Затем встретилось сооружение, неожиданное для столь удаленных от Шумера мест, — развалины зиккурата. Постройка имела квадратное основание, ее грани были строго ориентированы по странам света, руины сохранили четыре ступени и пандус в середине одной из сторон. Тождество с зиккуратом

не могло быть оспорено, равно как и сходство с дильмунским храмом на Бахрейне. Наконец, недалеко от этих развалин обнаружили остатки меднорудных копий, причем исследования показали, что первоначально это была гора из медной руды, от которой в результате эксплуатации уникального месторождения осталась в земле гигантская арена. Все указывало на то, что экспедиция «Тигриса» достигла второй загадочной страны шумерских письменных источников — Макана. Именно продукция этой страны, прежде всего металл, переправлялась в Дильмун и там обменивалась на шумерские товары — ткани, шерсть, шкуры, продукты земледелия. Шумер был житницей для своих далеких торговых партнеров.

После того как ветры и течения не дали «Тигрису» плыть к югу вдоль восточного побережья Африки, Тур Хейердал изменил маршрут. Камышовое судно повернуло на северо-восток, и вскоре показались скалистые берега Макрана, а еще через некоторое время вдоль левого борта потянулось побережье Пакистана. У Ормара путешественники встретили камышовые жилища белуджей: их шумерский облик показал, что к стране Мелухха ведет правильный путь.

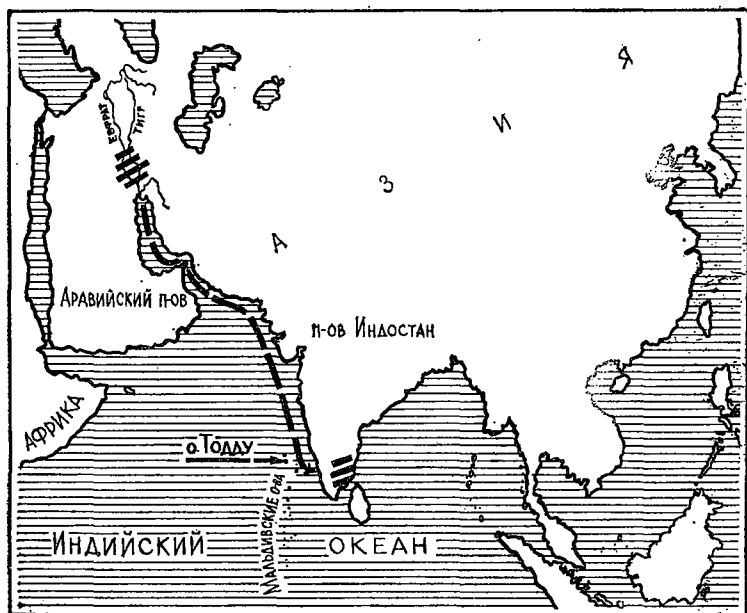
Страна Мелухха шумерских клинописных источников, особенно ее реальное местоположение, вызывала у ученых много споров. Однако все чаще раздавались голоса в пользу ее отождествления с древней цивилизацией долины Инда, которую стали археологически исследовать только в 1922 году. За прошедшие десятилетия она предстала в полном блеске, хотя далеко еще не все памятники изучены. Ей посвящено большое количество научной и популярной литературы, так что останавливаться на этом подробнее не стоит. Надо только сказать, что аргументом против предлагавшегося отождествления было огромное расстояние, отделявшее Месопотамию от долины Инда. Хотя взаимопроникновение культурных элементов неоспоримо, они могли попадать из Индии в Месопотамию и обратно путем многоступенчатого обмена. Доказав возможность океанского плавания из Месопотамии в Индию на камышовых судах (причем требуемая для сооружения судов разновидность камыша произрастала в обоих регионах), Тур Хейердал способствовал признанию тождества территории, на которой была распространена древнеиндийская цивилизация, со страной Мелухха.

Казалось бы, путь от разрушенных всемирным пото-

пом городов Южной Месопотамии до Малабарского берега Индии можно считать вполне реальным. Уже этого было бы достаточно для предположения о том, что часть древнего населения Двуречья в конце III тысячелетия до н. э. силой исторической судьбы могла быть заброшена так далеко. Но, на наше счастье, все тот же неутомимый Тур Хейердал преподнес нам еще одну сенсацию. Речь идет о его исследованиях на Мальдивском архипелаге, состоящем почти из 1200 атоллов, протянувшихся с севера на юг на 875 километров западнее полуострова Индостан.

Сами по себе археологические раскопки на некоторых атоллах носили ярко выраженный разведывательный характер — многие памятники обследовались без всяких раскопок. Тем не менее исключительное этнологическое чутье и огромный опыт океанических исследований позволили сделать много интересных и оригинальных наблюдений и заключений. Это тем более интересно, что до Тура Хейердала в этом районе никто не проводил научных исследований. Ученый установил, что до того, как население островов приняло в 1153 году ислам, на обитаемых островах прошла длинная цепь последовательных культур. Там оказались следы буддизма, которые указывали на шри-ланкийские истоки; следы индуизма, говорившие о том, что в свое время Мальдивы входили в орбиту индийской культуры; следы культуры, которую сейчас затруднительно отнести к какой-то иной цивилизации, поскольку ислам старательно уничтожил следы всех предшествовавших памятников. Интересно другое: острова, лежащие далеко в Индийском океане, в культурном отношении не были оторваны от материка. И хотя еще не найдены прямые следы месопотамских влияний, предполагать их обнаружение в будущем есть все основания. Об этом говорят монументальные постройки типа храмов, которые могли одновременно служить маяками, и своеобразные бассейны для омовений двух разновидностей — круглые и квадратные в плане. Но наиболее интересным для нашей темы из всего комплекса находок является название одного из северных островов, через который мог идти прямой путь от Месопотамии к Индии и где следовало бы искать следы древних океанических контактов: остров называется Тодду! Комментарии к этому, как говорится, излишни. Тут-то и надо искать истоки древней погребальной песни племени тогда.

Ничто так не сохраняется в народной памяти, как

Древний океанический путь из Шумера к южной части Индии

религиозные обряды, что и естественно, поскольку они всегда покрыты таинственностью, а исполняющие их люди стремятся делать все так, как далекие и близкие предки. Этот момент закономерно прослеживается и у тода. Жрец народа тода читает молитвы на священном языке — кворжам, память о котором практически уходит из этнического сознания. Уже не все слова могут быть переведены на тамильский язык, который принят у тода для повседневного общения. Этим языком заинтересовались исследователи и составили его словарь. Что же оказалось? Как и все, что касается тода, результаты были ошеломляющими.

Приведем некоторые из них. Бог-правитель страны мертвых Аманодр на обычном языке называется Ён, на кворжам — Ан или Ану; богиня Текерзши на кворжам имеет два имени — Иштар или Иннини, а страну Нилгири тода называют еще и Энлиль или Эллиль; солнце в некоторых легендах на кворжам называют Уту, а луну — Син. Приведенных примеров достаточно для того, чтобы человек, хотя бы понаслышке знако-

мый с религией народов Древней Месопотамии, мог безошибочно определить невероятное: современное племя на своем священном языке молится шумерским богам, которые, казалось бы, уже тысячелетия живут только в клинописных текстах, а понимание последних насчитывает век. Так могло случиться только в том случае, если группа населения, совершенно чужеродная для окружающих, оказалась оторванной от своей родины, от родственного населения, но сохранила свои обычаи, свою эндогамию и свой древний язык для внутреннего интимного употребления.

Другая сторона этого явления состоит в наличии у тода священных предметов, находящихся в храмах и скрытых от посторонних глаз. Это предметы вооружения, прежде всего копья, которые неизвестны современному населению (их не знали тогда и в XIX веке). Но главным объектом нашего внимания должны быть бронзовые и, возможно, золотые чаши (о последних известно только по рассказам). Бронзовые чаши из раскопанных англичанами могильных сооружений Нилгирри имеют прямые прототипы, открытые раскопками Леонарда Вулли все в том же Уре, особенно в погребении царя Мескаламдуга, которое принято датировать серединой III тысячелетия до н. э. Химический состав металла, в котором содержалось около 19 процентов олова, показывает, что эти вещи были изготовлены на Переднем Востоке между серединой III и серединой I тысячелетия до н. э. Все это протягивает еще один мост во времени и пространстве между древними культурами Двуречья и современным племенем тода в Юго-Западной Индии.

Теперь возникает вопрос о том, возможно ли сравнивать столь отдаленные друг от друга временем и пространством явления и, более того, утверждать их генетическое родство? Десять лет назад академик Б. А. Рыбаков провел интересное и важное исследование, посвященное определению глубины народной памяти. Нам представляются вполне убедительными приведенные им доказательства того, что, например, в русской народной сказке о Чуде-Юде с тремя хоботами на калиновом мосту содержится воспоминание о реальной охоте на мамонтов. А охота эта заключалась в загоне мамонта на специально вырытую ловчую яму, замаскированную набросанными на нее ветвями кустарника. И было это 250 поколений тому назад. Наш вариант глубины народной памяти, благодаря которой сохранились име-

на шумерских богов у народа тогда, не столь велик, не более 200 поколений, так что неслучайность этих соответствий очевидна.

Теперь можно подвести некоторые итоги и попытаться восстановить реальные события древности, которые могли привести к образованию этнографического феномена современности, каким является народ тогда. В IV тысячелетии до н. э. в Северной, а затем и в Южной Месопотамии социальное развитие привело население этих мест к возникновению в каждом городе раннегосударственной организации. Возрастание численности населения, вызванное экономическим процветанием страны, привело к постепенному освоению периферийных земель, в частности побережья Персидского залива, что дало возможность ухода какого-то количества народа. Последнее стало необходимостью для поддержания оптимального баланса между экологическими условиями и плотностью населения. Освоение же столь вытянутого побережья было недоступно без развития морского судоходства, благодаря чему в судостроении и произошли сдвиги. Судя по найденным моделям кораблей, шумерские мореходы в очень раннее время могли выйти в Индийский океан из узкого Ормузского пролива. Хотя прямых письменных известий относительно океанских плаваний не существует, это не означает отсутствия таковых в IV тысячелетии до н. э., иначе страны Макан и Мелухха были бы недостижимыми.

«Затем был потоп. Потоп смыл всё» — так в телеграфном стиле повествует шумерский царский список. От древнего населения Месопотамии остались в живых единицы, которые послужили прототипами библейскому Ною. Однако были небольшие группы людей, принадлежавших к древнему народу, разбросанные вдоль длинного побережья нынешних Ирана, Пакистана и Индии. Можно допустить, что какие-то корабли вернулись в Южную Месопотамию через некоторое время после катастрофы, и люди, к своему ужасу, увидели полностью уничтоженную страну. Тогда они покинули место, проклятое великими богами. Навсегда ушедшие люди и их потомки никогда не узнали о том, что «после того, как потоп смыл всё, как только царственность спустилась с небес, царственность была в Кише» и жизнь в Месопотамии возродилась.

Заброшенные в чужеродную среду выходцы из Месопотамии, совершенно уверенные в полном уничтожении своей родины, должны были продолжать жить.

Из-за малочисленности они были ассимилированы местным населением и пропали без следа. Только лопаты археологов могут иногда воскресить трагические события далекого прошлого. Но иногда происходило чудо, вызванное сочетанием многих случайных обстоятельств. В результате до нашего времени дожили практически без изменений далекие потомки населения Южной Месопотамии: это тогда в Юго-Западной Индии, это маа-дан в заболоченной дельте Тигра и Евфрата. И это не должно нас удивлять, поскольку примеры такого сохранения своего этноса в чужеродной среде можно найти и среди других народов, например древних согдийцев в Восточном Туркестане или цыган в средневековой и современной Европе. Есть похожий пример и в древней истории нашего народа. В 862 году варяжский князь, владетель города Дарестада в устье Рейна Рорих основал небольшое поселение, своеобразную факторию на Волхове, недалеко от устья реки. Когда в 865 году он находился там со своей дружиной, его родной город был полностью уничтожен страшным штормом. Вернувшись домой, он никого не застал в живых. И возвратился в свое поселение, стал там жить постоянно. Фактория впоследствии стала Старой Ладогой, а князь — летописным Рюриком.

Завершая наше повествование, хочется сказать, что, пока не поздно, пока стремительный прогресс развития народов Земли не до конца уничтожил такие реликты, как племя тогда, именно к ним должно быть сейчас приковано пристальное внимание ученых-обществоведов для выяснения древнейших страниц истории человечества. Завтра может быть уже поздно...

- Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии, М., 1989.
- Белицкий М.* Забытый мир шумеров. М., 1980.
- Бердыев О. К.* Южная Туркмения в эпоху неолита. Ашхабад, 1965.
- Бибби Дж.* В поисках Дильмуна. М., 1984.
- Библия. Книга Бытия (Синодальный перевод).
- Вавилов Н. И.* О восточных центрах происхождения культурных растений. М., 1924.
- Вавилов Н. И.* Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.-Л., 1932.
- Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961.
- Данге С. А.* Индия от первобытного коммунизма до разложения первобытного общества. М., 1950.
- Донини А.* Люди, идолы и боги. М., 1966.
- Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
- Дьяконов И. М.* Эпос о Гильгамеше. М.-Л., 1961.
- Кондратов А. М.* Великий потоп. Л., 1984.
- Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965.
- Крывелев И. А.* Раскопки в «библейских» странах. М., 1965.
- Липс Ю.* Происхождение вещей. М., 1954.
- Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1968.
- Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984.
- Массон В. М.* Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока, М., 1971.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- Редер Д. Г.* Мифы и легенды Древнего Двуречья. М., 1965.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М., 1966.
- Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
- Токарев С. А.* Религии в истории народов мира, М., 1964.

- Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1986.
- Хейердал Т. Экспедиция «Тигрис». М., 1981.
- Хейердал Т. Мальдивская загадка. М., 1988.
- Хлопин И. Н. Сегментация в истории первобытного общества. — Вопросы истории, 1968, № 8.
- Хлопин И. Н. Индоиранцы — земледельцы или скотоводы? — Вопросы истории, 1970, № 10.
- Церен Э. Библейские холмы. М., 1986.
- Чайлд В. Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Шапошникова Л. В. Тайна племени Голубых гор. М., 1968.
- Avesta — Die heiligen Bücher der Parsen. Übersetzt von F. Wolff. Berlin. 1960 (Nachdruck).
- Chlopin I. N. Ehe und Familie in der Urgesellschaft. // Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift, n° 17, H. I, 1976.
- Chirshman R. Fouilles de Sialk, près de Kashan, Paris. 1938.
- Jakobsen Th. The Sumerian King List. Chicago. 1939.
- Parrot A. Bible et Archéologie — Déluge et Arche du Noé Neuchatel. 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Рассказы Моисея	10
Глава 2. Энки в стране Дильмун	15
Глава 3. Предтеча библейских сказаний	24
Глава 4. На территории Эдема	30
Глава 5. Край земледельческой ойкумены	50
Глава 6. Неолитические культуры Переднего Востока	54
Глава 7. Ступени познания мира	58
Глава 8. Хлеб наш насущный	67
Глава 9. В райских кущах	75
Глава 10. Изгнание из рая	89
Глава 11. Плод дерева познания	101
Глава 12. Всемирный потоп	107
Глава 13. Эхо всемирного потопа	137
Литература	153

Игорь Николаевич Хлопин

**А ЧТО БЫЛО
ДО ПОТОПА?**

**Исторические корни
древнейших мифов
человечества**

Заведующий редакцией А. В. Коротнян
Младший редактор И. Н. Чугунова
Художник А. В. Сергеев
Художественный редактор И. В. Зарубина
Технический редактор Е. В. Траскевич
Корректор М. А. Турундаевская

ИБ № 4673

Сдано в набор 02.07.90. Подписано к печати 30.10.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл.
кр.-отт. 9,24. Уч.-изд. л. 8,92. Тираж 50 000 экз. Заказ № 515. Цена 55 коп.
Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского
Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57,

Хлопин И. Н.

X58 А что было до потопа?: Исторические корни древнейших мифов человечества — Л.: Лениздат, 1990.— 155 с., ил.— (Серия «Разум познает мир»).

ISBN 5-289-00560-9

Цель книги — показать широкому кругу читателей, что за древнейшими библейскими сказаниями скрыты реальные исторические события.

X $\frac{0401000000-132}{M171(03)-90}$ 13—90

86.30

**В 1991 году
в Лениздате
выйдут следующие книги:**

В. Б. Прозоровский
ПОЧЕМУ ЛЕКАРСТВА ЛЕЧАТ
Серия «Разум познает мир»

Лекарства принимают все. Но что они собой представляют и почему после их приема наступает выздоровление? В книге рассказывается не только о лечебных действиях лекарств, но и о многих неясных и спорных проблемах лекарствоведения, о традиционной восточной, в частности тибетской, медицине, гомеопатии. Даны советы по оказанию доврачебной помощи при острых заболеваниях и отравлениях.

Автор книги — доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР,

Н. И. Моисеева
**ВРЕМЯ В НАС
И ВРЕМЯ ВНЕ НАС**
Серия «Раскрывая тайны психики»

Что такое время? Как оно течет в живых организмах и как его мимолетное дыхание воспринимается человеческим сознанием? Как научиться владеть своим временем? Обо всем этом читатель прочтет в книге доктора медицинских наук, профессора,

А. И. Павловский

НОЧЬ В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

В книге излагаются наиболее известные библейские сюжеты, вошедшие в культурный фонд человечества и многократно использованные в мировой литературе и искусстве.

Автор — писатель и ученый — учел при изложении сюжетов новейшие исследования историков и библеистов.

Издание иллюстрировано репродукциями с произведений французского художника Доре.

Б. Ф. Сергеев

СТАТЬ ГЕНИЕМ

Серия «Раскрывая тайны психики»

Что важнее для развития наших способностей — врожденные особенности мозга или приобретенные в процессе воспитания?

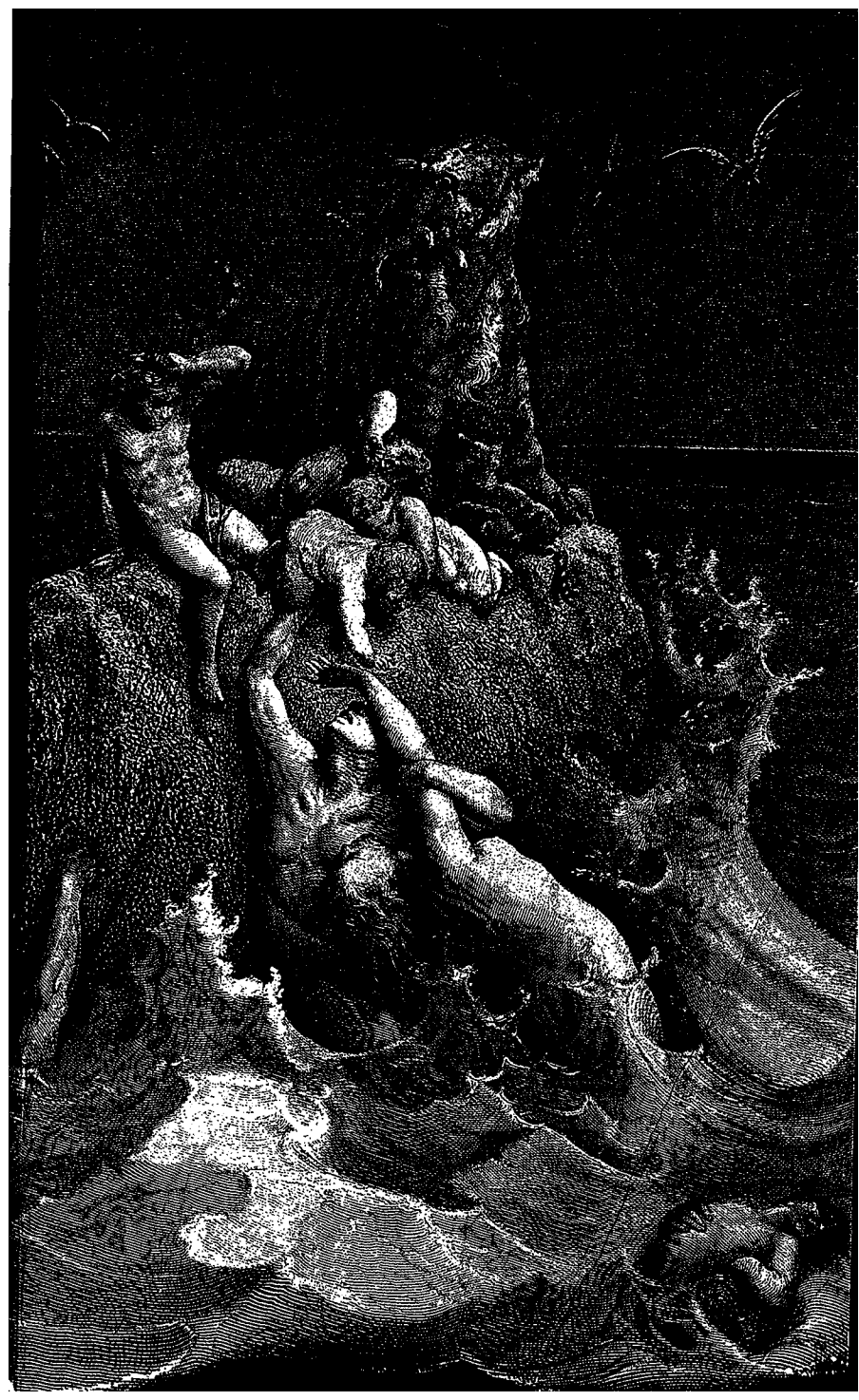
На эти вопросы отвечает доктор биологических наук, писатель.

Уважаемые читатели!

*Эти и другие книги Лениздата
вы можете заказать и приобрести
по адресу:*

*Ленинград, Народная ул., 16,
магазин № 93 «Прометей»,
или:*

*Невский проспект, 28,
Дом книги,
где имеются отделы
«Книга — почтой».*

55 коп.

разум
познает
мир

И. Н. Хлопин

**А ЧТО
БЫЛО
ДО ПОТОПА ?**

